

Государственный музей Востока

ЛЕГЕНДЫ ВОСТОКА

Москва
2020

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей Востока

Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом Государственного музея Востока

Ответственный редактор: **А.С. Ковалец**
Научный редактор: **Н.А. Гожева**
Автор вступ. статьи: **Л.И. Кузьменко (Л.К.)**
Авторы аннотаций: **Н.А. Гожева (Н.Г.), Е.М. Карлова (Е.К.),
Л.И. Кузьменко (Л.К.), А.С. Легостаева (А.Л.), Г.М. Сорокина (Г.С.),
К.М. Писцов (К.П.),
Г.Б. Шишкина (Г.Ш.), Л.А. Шмотикова (Л.Ш.)**

Фотографы: **Е.И. Желтов, О.А. Сухарева**
Дизайн макета: **О.И. Бойко**
Корректор: **С.В. Лапина**

Хранители коллекций: **И.А. Елисеева, Н.А. Каневская, Д.Н. Смирнова, О.А. Чернова
Г.М. Сорокина,
Е.М. Шинкарева, Г.Б. Шишкина, Л.А. Шмотикова**
Реставраторы: **Ю.С. Березин, Т.И. Бурлуцкая, М.Г. Жукова, И.Ф. Кузнецова,
Д.В. Рыбаков,
Л.М. Рыбакова, Е.Ю. Собокарь, С.М. Черный, В.Л. Филатов,
О.В. Филатов,
Д.Л. Хмелев, В.Р. Черкасов**

Легенды Востока. — М.: ГМВ, 2020. — 248 с., ил.
Альбом «Легенды Востока» посвящен различным формам мифотворчества, таким как миф, легенда, эпическое сказание, предание, сказка. Этот волшебный мир является важной частью культуры народов Востока. Основные аспекты мифологического наследия Востока рассматриваются сотрудниками Государственного музея Востока на примере хранящихся в музее произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства Китая, Японии, Индии и стран Юго-Восточной Азии — Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся искусством и культурой Востока.

ISBN 978-5-9909219-3-1

© Государственный музей Востока, 2020
© Авторы статей, тексты
© О.И. Бойко, оформление

Содержание

7	О мифотворчестве народов Востока
22	Легенды Китая
84	Легенды Японии
132	Легенды Индии
174	Легенды Юго-Восточной Азии
244	Краткий глоссарий
246	Рекомендуемая литература

О мифотворчестве народов Востока

Я передаю и ничего не выдумываю.
Конфуций

Мифы возникают еще в первобытные времена. Они переходят из века в век, доживая до наших дней, трансформируясь и наполняясь новыми реалиями. Они неразрывно связаны с обрядовой практикой, и в них нашли отражение представления людей об окружающем мире и месте человека в нем, о происхождении и устройстве вселенной, о богах и героях. Мифы имеют много сходных черт с легендами, преданиями, эпосом и сказками. В легендах, например, также присутствуют элементы чудесного и волшебного, но в отличие от мифов они рассказывают не о мироздании в целом, а о реально происходивших событиях, об известных личностях и героях. Сведения об исторических фактах и деяниях содержатся и в преданиях, насыщенных вместе с тем фантастическими подробностями. В отличие от преданий эпос рисует целостную картину героического прошлого. А сказки, не претендующие на историческую достоверность, целиком основаны на вымышленных сюжетах¹.

С течением времени персонажи, наделенные фантастическими чертами, стали рассматриваться как обычные люди, как реальные деятели древности, а описанные в мифах и легендах чудесные события — как исторические факты. Так, великий историограф Древнего Китая Сыма Цянь (145–86 гг. до н.э.), создавший поистине энциклопедическую летопись китайской жизни, начинает свои «Исторические записки» с правления мифического императора Хуан-ди, а заканчивает временем, «когда был пойман белый *цилин*», что якобы произошло в Китае в 122 г. до н.э.².

Многие из легенд и мифов являются универсальными для различных регионов. Это обусловлено действием общих законов в развитии человеческого сознания, социума, общих генетических факторов, а также влиянием природного окружения. Именно поэтому в мифотворчестве разных народов наблюдается обилие бродячих сюжетов.

Изначальным импульсом для рождения мифов стала окружающая человека среда — небо с солнцем, луной и звездами, вдохновляющая, но подчас внушающая страх природа. Люди стремились прежде всего

¹ Подробнее о различных формах мифотворчества см.: Мифы народов мира. Т. 1–2. М., 1980, 1982, т. 1, с. 11–20; т. 2, с. 45–46, 332–333, 441–443, 664–666.

² Сведения о появлении *цилина* Сыма Цянь взял из летописи Конфуция «Весны и осени» (VI в. до н.э.), которую иногда именуют «Книгой единорога». См.: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I–IX. Пер. с китайского и комментарии Р. В. Вяткина. М., 1972, 1975, 1983, 1986, 1987, 1992, 1996, 2002, 2010.

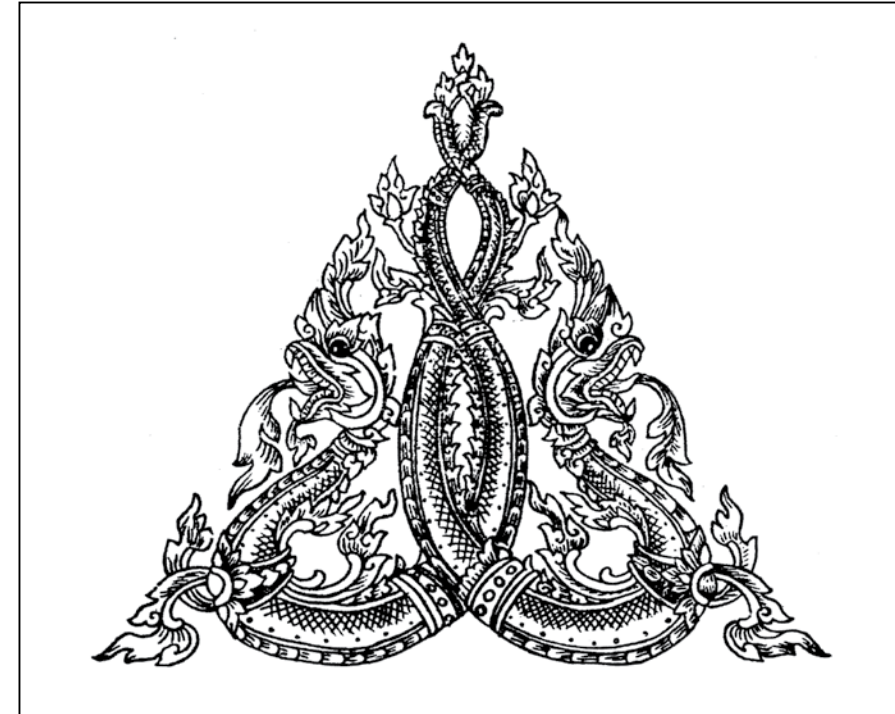

Цилинь. Фрагмент декора китайской ткани периода Цин (1644–1911).
Рис. Л.П. Сычева

понять, почему солнце каждый день прячется, а на его место заступает луна, постоянно меняющая свои очертания, откуда высыпают мириады звезд ночью, почему день в течение года то убавляется, то прибавляется, что поддерживает небесный свод, откуда возникает гроза, радуга на небе и какие силы управляют всем этим? На эти вопросы и отвечают мифы, красочно повествуя о происхождении вселенной, земли, неба и природных явлений, о появлении человека, животных, растений, о различных катаклизмах и чудесном спасении людей. Неразделимость человека и природы красной нитью проходит в верованиях Востока: окружающей среде придаются антропоморфные черты, природные и социальные феномены метафорически сопоставляются. Впоследствии возникают и изобразительные воплощения этих представлений.

Мироустройство и порядок во вселенной зависят не только от высших сил, но и от «избранных» культурных героев, которые наделяются особыми качествами. Культурные герои, как правило, обожаются — они либо спускаются с небес на землю, либо, наоборот, «переселяются» на небо, когда небесные светила персонифицируются и принимают человеческий облик. Так происходит со «звездными» божествами и демоническим персонажем Куй-сином в китайской мифологии, с сыном владыки небес Кхун Боломом — в лаосской и др.

В разных странах Востока в основе мироздания и появления первых людей лежало яйцо как идеальный по форме объект, противостоящий хаосу или пустоте. Так, в китайском предании повествуется, что первоначально земля была создана из тела великана Паньгу, однако еще более древние мифы говорят о том, что все сущее, в том числе и сам великан, зародилось в огромном яйце. Когда под воздействием некоего импульса яйцо раскололось, белок и желток分离лись, превратившись в небо и землю, из яйца вышел Паньгу, который при помощи своей волшебной силы стал отдалять эти две стихии друг от друга. Древнеиндийское сказание, известное и в Юго-Восточной Азии, говорит о том, как Кадри, жена мудреца Кашьяпы, родила тысячу яиц, из которых вылупились змеи-наги, а из яйца ее сестры родился сын Гаруда. Этот божественный истребитель змей — получеловек-полуптица — стал служить великому Вишну и защищать богов. Во Вьетнаме популярна история любви дракона Лак Лонг-куана и небесной феи-птицы Эу Ко, от союза которых на свет появилось сто сыновей, вышедших из яйца. Олицетворяющим противоположные стихии — небо и воду — супругам пришлось расстаться, поделив детей: фея поднялась в горы,

Змеи-наги. Лаос, храмовый рельеф XX в.
Рис. Буллэнга Венгилавонга

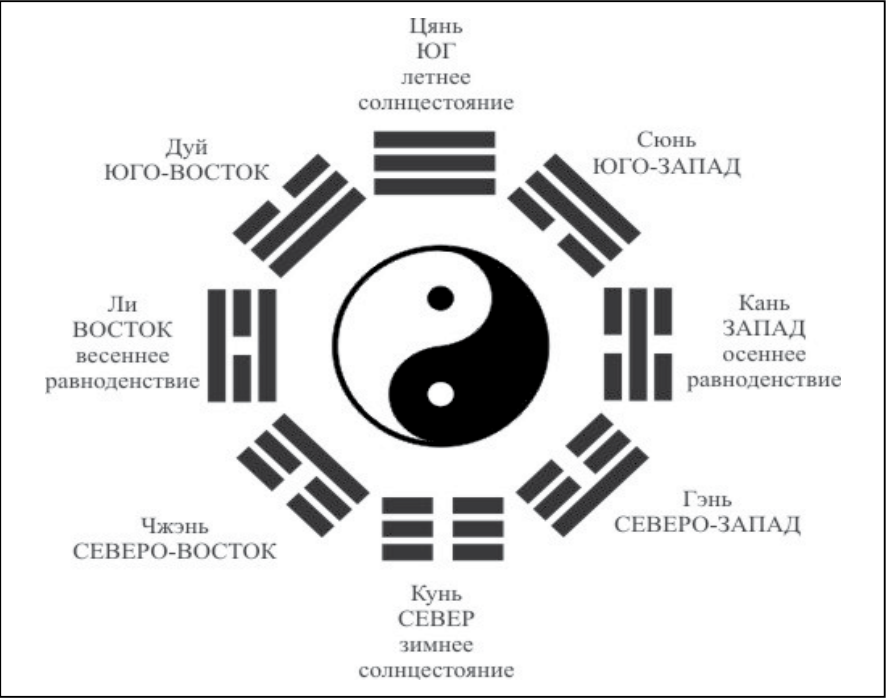
дракон спустился к морю, заселив со своими сыновьями прибрежные районы.

Есть и другие космогонические модели. Так, защитник мира Вишну в индуистском пантеоне дремлет на свернувшемся тысячеглавом змее Ананте, который, в свою очередь, покоится на поверхности первичного океана. Из его пупа вырастает стебель лотоса, в цветке которого сидит бог Брахма, создатель мира. На острове Бали в Индонезии творцом вселенной считается змей Антабога, который своей мистической силой создал гигантскую черепаху Бедаванг. Ее обвили змеи, а панцирь стал основой для земли и сводом для подземного мира. В японской мифологии к сотворению японских островов причастны легендарные супруги Идзанаги и Идзанами. Стоя на облаках, они держали в руках копыта наконечниками вниз, и влага, капая с них, падала в море и превращалась в сушу. У этой божественной пары родились богиня солнца Аматаэрасу, бог луны Цукиёми и бог ветра Сусаноо. В мифе качинов, одного из народов Мьянмы, говорится, что вначале все было смешано, свет и тьма были едины, а потом из этого хаоса, из клубящегося дыма и тумана вышли два бога — Нат-отец и Нат-мать. Из первобытной грязи они слепили земной шар и населили его живыми существами.

Сразу же с возникновением вселенной встает проблема наведения в ней порядка. Появляются мифы, описывающие законы существования мира, и ритуалы, которые призваны удерживать вселенскую гармонию, соединять воедино мир людей и силы космоса. Порядок связывался с числами, которые, по поверьям, имели магическую силу. Еще в 1-м тысячелетии до н.э. у народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии возникли верования, восходящие своими корнями к типичному для ранних земледельческих цивилизаций дуалистическому миропониманию. Для него характерны культ женского плодородия и мужского животворящего начал, идеи бесконечного круговорота природы, смены времен года, повторяемости годового цикла, борьбы стихий, дня и ночи, жары и холода и т.п. В Китае изобразительным воплощением идеи дуализма вселенной (*инь* и *ян*) является рисунок двойной запятой в круге *тайцзиту*, а в Индии — фигуры богов, слитых воедино с *шакти* (женской ипостасью).

Представления об устройстве вселенной, базирующиеся на числовой, цветовой и изобразительной символике, вылились в целую систему древней космологии, породившей многочисленные обряды, смысл которых уже частично утрачен. Главными в них были взаимодействия неба и земли или солнца, других светил и земли. Основополагающий объект для многих сказаний — это солнце, от которого зависит жизнь на земле. С древности люди отмечали четыре положения солнца в годовом цикле — зимнее и летнее солнцестояния, весеннее и осеннее равноденствие, что нашло отражение и в фольклоре, и в письменных памятниках, и в изобразительном искусстве. Сакральное число «четыре» присутствует в таких явлениях, как четыре стороны света, четыре направления (соединение двух осей), четыре сезона, форма квадрата и др. В дальневосточной космологии были зафиксированы четыре основные точки, при добавлении к которым центра появилась еще одна сакральная цифра — «пять». Между главными направлениями вставили четыре промежуточных — так родилась «магическая восьмерка», с которой связано возникновение разных символических комбинаций: восемь триграмм *багуа*, восемь буддийских драгоценностей, восемь даосских бессмертных и т.д.

Наблюдения за происходящими в природе изменениями порождали их фантастические объяснения. Люди считали, что день уменьшается, поскольку некие чудовища заглатывают солнце, как, например, дракон или небесная собака в китайской мифологии и гигантская лягушка в тайской. В японских мифах богиня солнца прячется в пещере,

Тайцзиту — символ слияния женского и мужского начал *инь-ян* в окружении восьми триграмм *багуа*

а шаманка Ама-но Удзумэ танцами заставляет ее оттуда выйти. В индуистских сказаниях злой демон Раху откусывает кусочки от небесных светил — так якобы происходят солнечные и лунные затмения. Подметив постоянное перемещение солнца по небу, люди стали сравнивать его с движением солнечной колесницы: в Китае возникает миф о небесной повозке, которую тащат драконы, а в Индии — миф о колеснице бога Сурьи, запряженной семеркой коней. С подобными представлениями связаны как древнейшие ритуалы обожествления солнца, так и более поздние обряды жертвоприношения драконам в Японии и Китае, японский праздник мальчиков, проводившийся в день летнего солнцестояния, праздник середины осени и т.п.³

Еще в древности возникает понятие сакральной триады — именно она легла в основу мироустройства у большинства народов. В индуизме, распространенном в Индии и ряде стран Юго-Восточной Азии, это три основных божества: Брахма, создатель мира, Вишну, охранитель мира, и Шива, исполняющий функции и разрушения, и созидания. В дальневосточной философии небо, земля и человек образуют единство, синтез всех вещей во вселенной, что соотносится с одним из постулатов даосизма: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три — все остальное». Неслучайно во многих цивилиза-

³ К примеру, день зимнего солнцестояния определил время празднования христианского Рождества, а день весеннего равноденствия — ближневосточного Навруза и древнеримских Ид.

Томоэ — японский символический знак трех начал вселенной: неба, земли и человека

циях существует особое отношение к числу три как к знаку изначальной гармонии. Можно еще раз вспомнить о китайских триграммах *багуа*, их большом значении в китайской космологии. На идее триады основан образ *томоэ* в Японии, представляющий композицию из трех «запятых» в круге. В обрядах, фольклоре, сказаниях различные заговоры и ритуальные действия повторяются троекратно. С этой символикой соотносятся сказочные истории, когда для испытания героя загадываются три загадки, возникают три желания, главными персонажами становятся три сына и т.п.

Впоследствии идея троичности усложняется через многократное повторение, комбинирование с другими числами. Так появляется популярный мотив в изобразительном искусстве Дальнего Востока — девять драконов, число которых образовано умножением тройки на тройку. Поистине универсальным становится число 12 — умножение нечетной тройки и четной четверки. Оно играет большую роль в мировоззрении и ритуальной практике многих народов. Можно выстроить целый ряд символических значений: 12 когтей мифического китайского дракона, 12 циклических животных в дальневосточном календаре, 12 императорских символов в китайском ритуальном костюме, 12 знаков зодиака, 12 месяцев в году и т.д.⁴

В мифах запечатлены и трагические события, являющиеся, вероятно, трансформированными воспоминаниями о природных катаклизмах, имевших место в реальности. У ряда народов они связаны с палящим солнцем или даже с несколькими солнцами, готовыми уничтожить все живое. Так, в Индии бог Сурья однажды пригрозил, что сожжет мир своими лучами, но Гаруда посадил на колесницу Сурьи брата Аруну, заслонившего землю от нестерпимого жара. В китайском предании говорится о споре десяти братьев-солнц, которые одновременно взошли на небо. Тогда герой-охотник Хоу И расстрелял из своего волшебного лука девять солнц, пощадив лишь одно, которое до сих пор светит на небосклоне. В похожем предании народа ман, проживающего во Вьетнаме, повествуется о том, как после сильного потопа на небе засияли двенадцать солнц и лун, которым верховный бог велел осушить землю. Спустя некоторое время наступила страшная жара, но страдающим от изнуряющего зноя людям помог смелый Лыонг Вунг: он метко сбил стрелами десять светил, оставив лишь одно солнце и одну луну.

У многих народов появляется идея Мирового древа — предполагаемой центральной оси, соединяющей Небо и Землю. В Китае это

Древнее ритуальное одеяние правителя с двенадцатью императорскими символами.
Рис. Л.П. Сычева

священное дерево Фусан, достающее до неба: именно с его вершины стрелял в братьев-солнц стрелок Хоу И. Постепенно идея «середины мира» перешла на священную особу китайского императора, и его сакральным цветом стал желтый. Дерево в изобразительных композициях нередко заменяли скалой, иногда процветшей. В частности, в декоре официальных китайских халатов четыре скалы символизировали стороны света, а центральная, пятая, — императора. В Индии главной сакральной точкой любого ритуального сооружения — от ведийского алтаря до индуистского храма — служил жертвенный столб. Он отмечал место расположения святилища *гарбхагрихи* и вырастающего над ней зримого воплощения горы Меру. В архитектурных комплексах этот столб получил форму башнеобразного навершия или колонны. Примером таких сооружений являются так называемые колонны Ашоки⁵, обозначавшие подчиненные буддийскому правителю территории.

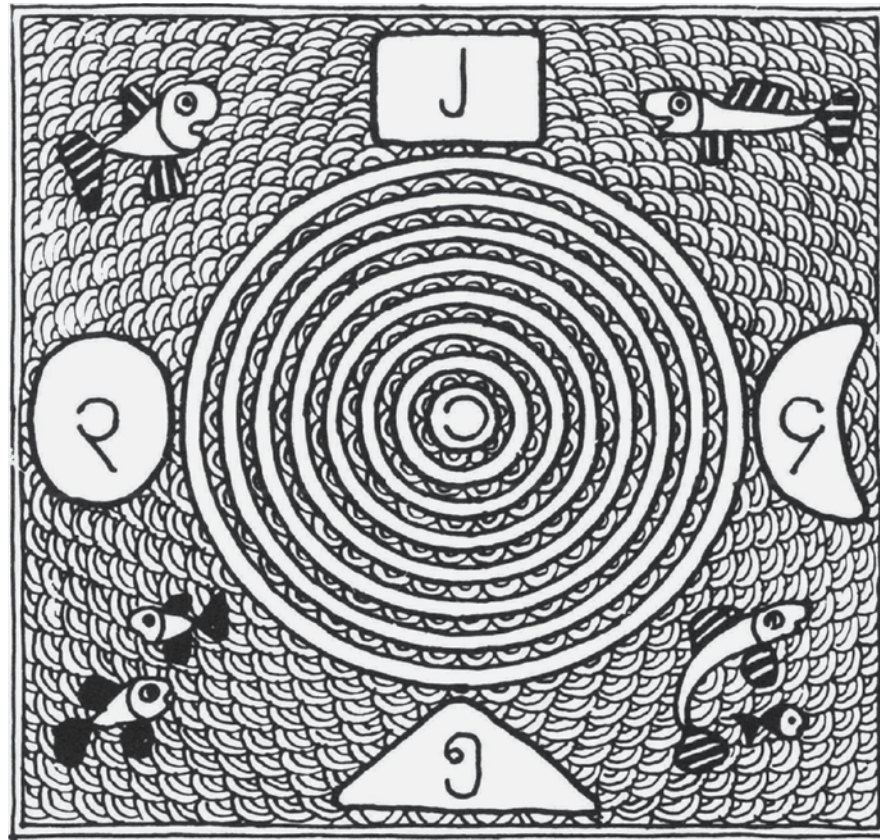
В Юго-Восточной Азии представление о горе Меру как оси вселенной получило самое широкое распространение. Космологическим центром мира в мифах Мьянмы была гора Мьянмо⁶, окружен-

⁵ Ашока — самый известный правитель индийской империи Маурьев (правил в 273–232 гг. до н.э.), покровитель буддизма.
⁶ Мьянмо — бирманское произношение санскритского названия горы Меру.

⁴ Продолжая этот ряд, нельзя не вспомнить 12 колен Израилевых, 12 евангельских апостолов, 12 камней английского святилища Стоунхенджа, 12 рыцарей Круглого стола короля Артура и т.п.

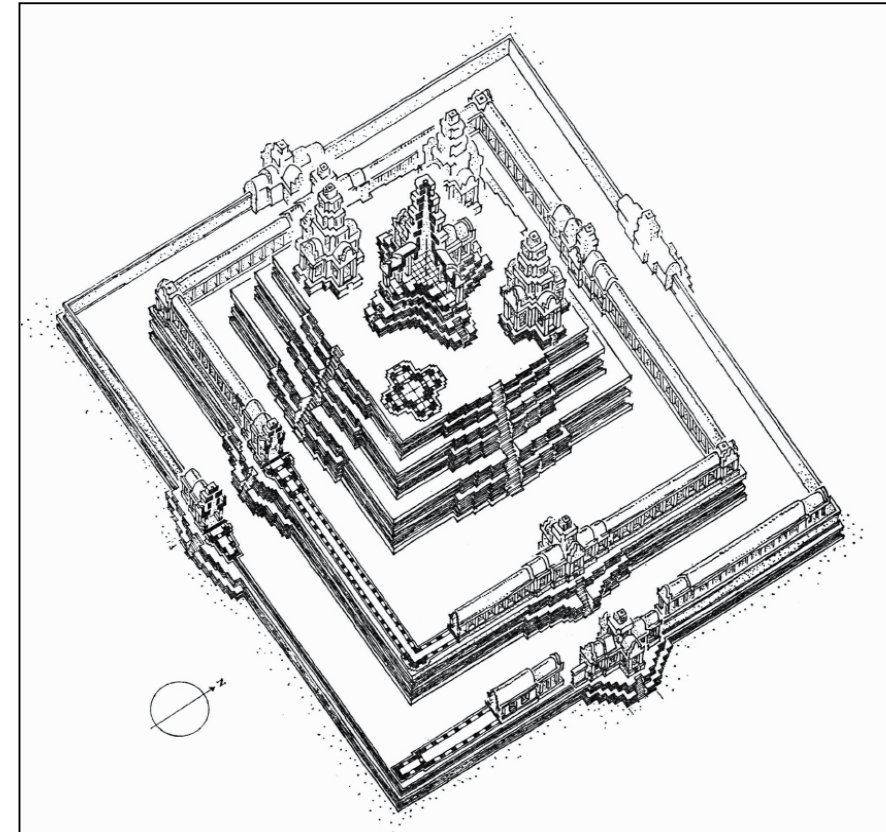
Фантастический план вселенной. Мьянма, по мотивам храмовых росписей Пагана XII–XIII вв.

Рис. С.С. Ожегова

ная Мировым океаном с четырьмя островами. В крупных буддийских комплексах, подобных Шведагону (XIV–XVIII вв.), роль мифической горы играла огромная ступа с конусообразным зонтом — символом растущего на Мьинмо Мирового древа. Средневековые династийные храмы властителей Камбоджи возводились в виде храма-горы, то есть пирамидального сооружения с башнеобразным святилищем на вершине. В индонезийском теневом театре *ваянг кулит* важнейшую роль играет атрибут, известный под названиями *гунгунган* («гора») и *кайон* («дерево»). Он имеет вид горы с нарисованным на ней деревом и олицетворяет гору Меру с Мировым деревом, соединяющим все три сферы мироздания.

С развитием человеческого общества древние космологические системы видоизменяются. Так, дуалистическое осмысление вселенной трансформируется в идею борьбы добра и зла. Даже боги сражаются между собой. Противостояние двух начал стало ядром многих мифиче-

План храма Та Кео. Камбоджа, кон. X в.

Рис. Филиппа Фогеля

ских сказаний, например, о схватке великана Чию с благородным Желтым императором Хуанди в Китае, о вражде бога ветра Сусаноо и Амата-эрасу в Японии, о столкновении ведьмы Рангды и носителя светлых сил Баронга в Индонезии. Борьба на небесах переносится на землю. В народной памяти и письменной традиции живет древнеиндийская «Махабхарата»⁷, повествующая о противостоянии двух кланов — Пандавов и Кауравов, которое завершается многодневным сражением на поле Курукшетра. Эпическое сказание чрезвычайно популярно не только в Индии, но и в Индонезии, где ему посвящены многие пьесы теневого театра *ваянг кулит* и театра объемных кукол *ваянг голек*. В эпосе «Рамаяна» борьба разгорается между царевичем Рамой и многоглавым и многоруким демоном Раваной. В литературных традициях Мьянмы, Таиланда, Лаоса и Камбоджи существуют своеобразные версии этого сказания, также ставшего сюжетной основой и театральных спектаклей, и произведений изобразительного искусства.

⁷ «Махабхарата» («Сказание о потомках Бхараты») и «Рамаяна» («Путешествие Рамы») — крупнейшие эпические произведения, сложившиеся в Древней Индии в первом тысячелетии до н.э.

Дракон. Фрагмент росписи в пещерном храме Дуньхуан, XI–XII вв.
Рис. Л.П. Сычева

История войны трех царств в III в. н.э. описана в знаменитом китайском романе Ло Гуанчжуна «Троецарствие» (XIV в.), тематика которого до сих пор популярна в искусстве и театральных постановках. В национальном театре Пекинской оперы идет около 120 спектаклей и создано большое количество театральных лубков-*няньхуа* по мотивам этих исторических событий. Известное японское «Сказание о доме Тайра» рассказывает о противостоянии семей Тайра и Минамото, которое закончилось морским сражением при Данноура в конце XII в. Сцены этой военной эпопеи нашли отражение в национальных театрах Но и Кабуки, в кукольном театре, а также в живописи и гравюре, в сюжетах росписи фарфора.

Все земледельческие цивилизации прошли через обожествление сил, обеспечивающих, по верованиям людей, урожай, ведь от него зависело выживание племени. Наряду с солнцем, дающим тепло, этими силами являлось небо, с помощью дождя оплодотворяющее землю, а также боги, которые следят за созревaniem и сохранением урожая. Неслучайно появляются божества, посвященные рису, основному продукту питания во многих восточных регионах: Тоёукэ в Японии, богиня Девы Сри в Индонезии, Мэ Пхосоп — «мать риса» в Таиланде и Лаосе, Парвати в форме Аннапурны в Индии и др. Важнейшим у многих народов был обряд первой борозды. В Китае и во Вьетнаме он проводился императорами в строго ритуальных одеяниях вплоть до конца XIX в. и знаменовал момент оплодотворения Матери-Земли Сыном Неба, т.е. правителем. В индийском эпосе «Рамаяна» имя супруги Рамы — Сита — переводится как «борозда», поскольку младенцем ее обнаружил в борозде царь, проводивший этот обряд и ставший ее приемным отцом.

На заре человечества возникает такое явление, как тотемизм, который объясняет происхождение определенного племени от животного или растения. Так распространяются предания и сказы на тему чудесных превращений человека в животное, растение или наоборот. Тотемистические представления породили в мифологии огромное количество полулюдей-полуживотных, например, слонголового божества Ганеши, птичье-человека Гаруды и *киннары* в Индии и странах Юго-Восточной Азии, человека с головой кабана Чжу Бацзе в Китае, героя романа «Путешествие на Запад». В камбоджийском предании говорится о том, что все кхмеры произошли от союза принца Преах Тхонга и девушки-змеи. В сказках и легендах также встречаются фантастические существа, которые вобрали

в себя черты разных зверей и птиц, такие как китайский *цилин*, или индийский Навагунджара, состоящий из тел девяти животных, или мьянманский *пинсаюпа* — «пятичастный» драконообразный зверь. Подобные метаморфозы происходят в период, когда отдельные племена объединяются в различные союзы вплоть до образования государственных институтов, что приводило к слиянию тотемов и возникновению этих фантастических образов. Нередко происходит превращение одних животных в других. Так, согласно китайской легенде (популярной и в Японии, и во Вьетнаме) карп, преодолевающий водопад против течения, становится драконом. В более поздних историях люди порой переселяются в различных зверей и птиц или же наоборот — животные приобретают облик людей. В Японии существует легенда о том, как воины клана Тайра, сражаясь с войсками Минамото, утонули в водах Симоносекского пролива во время битвы при Данноура и превратились в черепахи.

С тотемизмом связано обилие историй о животных. Герои часто появляются со своими спутниками-животными. В Индии и Юго-Восточной Азии это *ваханы* (ездовые животные) индуистско-буддийских богов: священный бык Нанди у Шивы, Гаруда у Вишну, гусь у Брахмы. Большое количество таких спутников существует в мифологии Дальнего Востока: так, *бодхисатва* Гуаньинь иногда восседает на мифическом льве *сечжае*, небожители — на фениксах или драконах, подобно вьетнамским божествам-покровителям супружества, а даосский юродивый Люхар сидит на трехлапой лунной жабе. В Китае и Японии изображение фантастического льва *шицзы* (яп. *карасиси*), на котором, как говорит легенда, порой ездил Будда, встречается в самых разнообразных произведениях искусства.

С течением веков истории о животных превращаются в сказки, где звери и птицы действуют самостоятельно или являются помощниками людей. В Индии бытует сказание о чудесной корове Камадхену, исполняющей все желания, обладать которой мечтали многие. Вьетнамскому герою по имени Ле Лой помогла победить врагов гигантская черепаха, вручив ему волшебный меч.

С буддийской символикой чистоты и «свободы духа» связан образ гуся. В Индии и странах Юго-Восточной Азии популярным персонажем является божественная обезьяна Хануман из эпоса «Рамаяна». Этот образ можно встретить и в китайских сказаниях. В средневековом романе «Путешествие на Запад» главным героем становится небесная обезьяна Сунь Укун, совершавшая подви-

Фантастический гусь
нокхонг. Лаос, храмовый
рельеф XX в.
Рис. Бунлэнга
Венвилавонга

ги во славу буддизма. В легенде о Волопасе и Ткачихе волшебный вол, помогая главному герою, даже пожертвовал собой. Эта история напоминает некоторые фрагменты русской сказки «Крошечка-Хаврошечка». Известная в Мьянме волшебная сказка рассказывает о принце, который женился на лягушке, превратившейся затем в прекрасную девушку, — сюжет, почти идентичный русской «Царевне-лягушке». Китайская притча «Обмен любезностями», воспроизведенная в китайском лубке, тоже, по существу, основана на широко распространенном бродячем сюжете, положенном в основу и русской сказки «Как журавль и лиса друг к другу в гости ходили». В восточной традиции журавль — герой многих легенд Китая, Японии и Вьетнама. Именно на нем путешествовали по небу божества и даосские бессмертные, поэтому журавль стал символом долголетия и счастья.

Широко известны композиции на тему танцующих журавлей, завораживающих своими плавными движениями и красотой. В Японии персонажем, который помог Ама-но Удзумэ вызволить богиню солнца из пещеры, был петух. Это отражено в важных синтоистских обрядах, а ворота-*тории*, являющиеся обязательными архитектурными элементами японских храмов, символически воспроизводят насест для петуха.

От первичной системы мироздания человеческая мысль подошла к формированию пантеонов, где выстроена четкая иерархия по образу и подобию социальных структур в государстве. Появляются индуистский, буддийский, даосский пантеоны, где, как правило, выделяется верховное, самое могущественное божество. Согласно китайской мифологии на небе правит Нефритовый император Юй-ди, в буддийских мифах небесами Таватимса управляет Сакка (Индра), в шиваизме главным божеством является Шива, в вишнуизме — Вишну или Кришна. Ярким примером изображения даосского пантеона служит композиция «Сад богини Сиванму», часто встречающаяся в китайском искусстве. Воплощение идеи мироздания, к тому же дополненное благопожелательной символикой, можно видеть в декоре ризы даосского священника. Здесь есть солнце и луна, драконы, триграммы *багуа*, распределенные по обшлагам, небесная пагода как центр, соединяющий небо и землю. Образец организованной вселенной символизирует буддийский алтарь (в Мьянме, Лаосе и Таиланде), заполненный скульптурами будд, *бодхисатв* и *архатов* — обитателей идеального космоса.

С развитием общества, зарождением института государства, где необходимы регулирующие общественную жизнь законы, появляются мифы о правителях, зачастую имеющих божественное происхождение. Например, в Японии император — потомок солнечной богини Аматаэрасу, родословная раджпутских кланов восходит к Раме и Кришне, лаосцы считают своим предком Кхун Болорма — сына небесного владыки, а первая полумифическая династия Хунгов у древних вьетов ведет свой род от драконов. Важную роль играют предания о культурных героях, спасавших людей во время различных катастроф, научивших их земледелию, строительству, искусствам и ремеслам, религиозным обрядам, внушившим им идеи нравственности, богобоязненности и т.д. У героев появляются различные, заимствованные, как правило, у богов атрибуты; например, мухогонка у Чжу Бацзе, встречающаяся и у буддийских, и у даосских святых.

С течением времени в каждой восточной стране складывается своеобразная синкретическая религиозная система, объединяющая на основе главной религии другие местные верования. Элементы тотемизма можно найти во всех мировых религиях, достаточно вспомнить проповедь Будды в подводном мире, где его слушали змеи-*наги*, или знаменитые десять картинок с изображением приручения мальчиком быка, объясняющие ступени постижения постулатов *чань*-буддизма. В странах Индокитая анимизм прочно вошел в буддийскую сферу и домики для духов часто можно видеть в монастырских комплексах. Интересно, что в Мьянме в таких домиках, как правило, стоят фигурки самих духов-*натов* — это единственная страна, где анимистические персонажи приобрели антропоморфный облик. В Индонезии на острове Ява в XIII в. получил распространение культ Шивы-Будды, в котором слились воедино индуистские и буддийские верования.

Страх перед грозными стихиями, выразившийся в сложении ряда «мрачных» обрядов, подчас с человеческими жертвоприношениями, постепенно уступает место более гармоничному мировосприятию и благопожелательному символизму. Апофеозом таких перемен являются праздники, особенно Новый год. Так, ритуал жертвоприношения в день летнего солнцестояния в Китае трансформировался в «радостный праздник Дуаньян» с гонками драконовых лодок. Меняется и облик божеств: владычица Запада Сиванму из демонического существа с хвостом барса и клыками тигра превра-

Даосский бессмертный
Люй Дунбинь с мечом
и мухоголкой.
Фрагмент декора
китайской ткани периода
Цин (1644–1911).
Рис. Л.П. Сычева

Журавль. Фрагмент
декора китайской
ткани периода Цин
(1644–1911).
Рис. Л.П. Сычева

щается в народных сказаниях в красавицу, которой прислуживают феи. Появляется множество божеств, которым молятся о ниспослании счастья, о защите от всех невзгод. В Китае почитают стражей дверей *мэнь-шэней*, которые имеют грозный облик для отпугивания всяческого зла. Чрезвычайно популярным в Китае и Японии было божество буддийского происхождения Будаи (яп. Хотэй), который дарует людям благодать и счастливое будущее. Эти же функции выполняют восемь бессмертных в Китае и семь богов счастья в Японии. В индуизме божествами, защищающими людей и привлекающими удачу, являются Ганеша, Лакшми, Сарасвати и ряд других.

Думы и чаяния людей издревле были связаны с продлением жизни и даже бессмертием. Неслучайно боги и сами принимали чудодейственные снадобья, эликсиры, плоды, травы и дарили их особо избранным. Это, к примеру, персики бессмертия в саду богини Сиванму, которые удалось вкушать Сунь Укуну и даосскому святому Дунфан Шо, волшебный напиток, который боги подарили стрелку Хоу И за спасение земли от гибели. В более поздних даосских легендах рассказывается о попытках создать эликсир бессмертия, одним из компонентов которого был волшебный гриб *линчжи*. Его изображение часто встречается в произведениях искусства. В индийских сказаниях появляется божественный нектар *амрита* — напиток бессмертия. Боги и демоны добыли его пахтанием Молочного океана, обвязав вокруг горы Мандары змея Васуки и вращая его как мутовку. Этому событию посвящен праздник Кумбха Мела (Праздник Кувшина), который ассоциируется с битвой богов и демонов-асуров за обладание кувшином *амриты*, спахтанной из Молочного океана.

Культурные герои, остающиеся в вековой народной памяти, начинают уступать место вполне земным персонажам, которые страдают, радуются, борются за свое счастье. Целый ряд старинных преданий превращается в бытовые истории, где нет чудес, а сюжет строится на переплетениях человеческих характеров и поступков. Излюбленная тема сказаний у всех народов — это история любви. В Китае она отражена в таких произведениях, как «Сон в Красном тереме», «Западный флигель». Действие повести «История Лян Шаньбо и Чжу Интай» происходит в IV в. Любовь главных героев была несчастливой, при жизни они не могли соединиться, а после смерти превратились в бабочек. Именно изображение парящих бабочек является стойкой аллюзией на тему китайских Ромео и Джу-

льетты. В Индии на протяжении веков живет история любви царевича Рамы и его жены красавицы Ситы, а также бога-пастушка Кришны (*аватара* бога Вишну) и его возлюбленной Радхи.

С течением веков легендами стали обрести жизнь и деяния реальных знаменитых людей. Знакомясь с ними, порой невозможно выяснить, где подлинная история, а где вымысел. Одной из самых известных и почитаемых личностей на Дальнем Востоке стал великий философ Кун Фуцзы, или Конфуций (551–479), основатель учения конфуцианства (*кунцзя*) на Дальнем Востоке. Несмотря на то что Конфуций не занимался вопросами религии, он был канонизирован и в его честь построено много храмов⁹. По сей день в Китае идут театральные спектакли, снимаются многосерийные фильмы о знаменитой китайской красавице Ван Чжаоцзюнь (I в. до н.э.), которая согласно традиции принадлежала к числу женщин, «сотрясающих основы государственности». Трагична судьба великой поэтессы Японии Оно-но Комати (IX в.), жизнь которой включает множество загадочных событий.

Мифологическая основа в более поздних легендах и сказках проявляется опосредованно, со значительной трансформацией в виде аллюзий, намеков. Ряд легенд и сказок, родившихся из древних мифов, связаны единой сюжетной нитью, являются как бы продолжением друг друга. Появляются многочисленные вариации этих сюжетов, поскольку они бытовали на протяжении даже не веков, а тысячелетий, обрстая новыми напластованиями. Показательны в этом отношении китайская народная картина, на которой изображен бог богатства, летящий в семью на самолете, или китайская вырезка из бумаги середины XX в. «Чан Э встречает на Луне советскую ракету». Чтобы понять смысл таких сюжетов, надо проследить многовековую мифологическую историю, начиная с возникновения светил во вселенной, затем перейти к почти бытовым подробностям жизни героев, к следующему волшебному превращению героини и — как апофеоз — к реалиям нового времени, где соединяются сдвигая древность и технический прогресс.

Особенностью данной книги является то, что в ней представлены произведения разных регионов и разного времени, но тем интереснее найти и увидеть в них потаенные источники мифотворчества, вплоть до сегодняшних дней питающие художественную деятельность восточных мастеров.

⁹ Красочные предания и фантастические апокрифы включены в жизнеописание полулегендарных личностей — Будды Шакьямуни (563–483), создателя буддизма, и китайского мудреца Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.), основоположника даосизма.

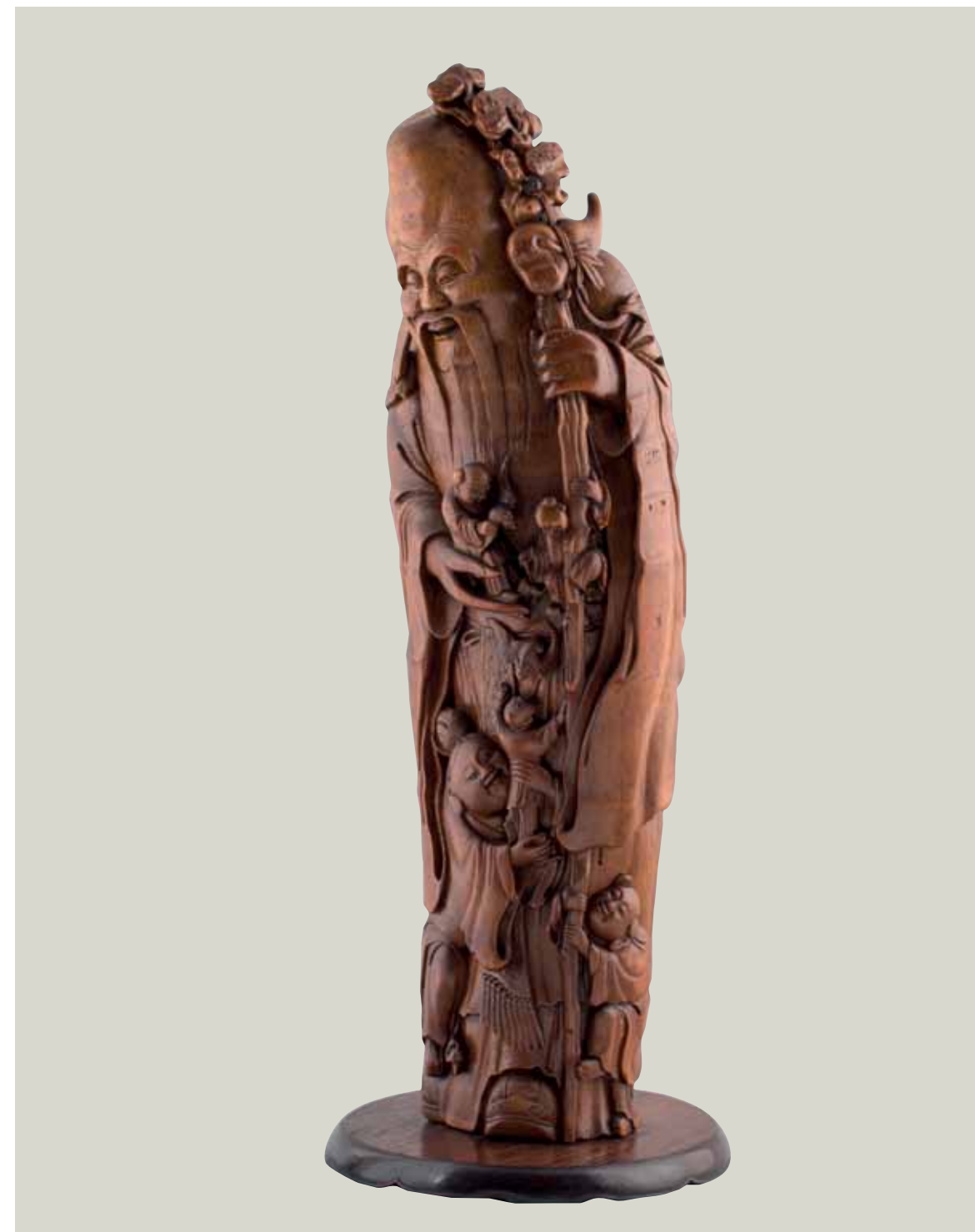
Д.Н.

Ил. 1
Шоу-син
Китай, XIX в.
бамбук, резьба
Инв. № 1595 I

Шоу-син (*шоу* — «долголетие», *син* — «звезда») — божество долголетия, входящее в триаду «звездных божеств», олицетворяющих три звезды Большой Медведицы. К ним относятся также божество счастья **Фу-син** (*фу* — «счастье», *син* — «звезда») и божество удачной карьеры **Лу-син** (*лу* — «карьера», *син* — «звезда»). Фу-сина нередко изображают с ребенком, а Лу-сина с оленем, поскольку слова «олень» и «карьера» звучат одинаково — *лу*. Шоу-син представляет собой глубокого старца, всегда улыбающегося, с большой лысой головой, напоминающей по форме сердцевидный персик. Такие плоды, как говорят легенды, даруют бессмертие, и созревают они в саду Сиванму — богини Запада. Шоу-син обычно держит в руках персик, что символизирует здоровье и долголетие. Одна из легендарных историй рассказывает об императоре династии Северная Сун (X–XIII вв.), который как-то гостеприимно принял во дворце похожего на Шоу-сина старца. Император дожил до глубокой старости и считал, что своим долголетием он обязан той знаменательной встрече. Атрибутом Шоу-сина также является тыква-горлянка, привязанная к посоху, на который опирается старец. Одно из названий этого растения созвучно слову «поколение», поэтому оно символизирует процветание потомства. Нередко Шоу-сина показывают вместе с играющими детьми, как в данном случае. Изображения малышей сулили появление многочисленных сыновей, а летучие мыши, которых ловят дети, — счастье (поскольку «летучая мышь» и «счастье» в китайском языке являются омонимами и произносятся как *фу*).

Скульптура выполнена из цельного ствола бамбука, при этом мастер, с одной стороны, как бы «преодолевает» материал, поскольку процесс резьбы затрудняют продольные стволовые капилляры, создающие на срезе точечный рисунок, с другой — следует материалу, сохраняя характерный плавный изгиб ствола бамбука. В художественное решение образа включается и текстура бамбука, его изысканный золотистый оттенок. Естественная коленчатая структура ствола прекрасно передает складки одеяния Шоу-сина.

Л.К.

Ил. 2
Куй-син
Китай, XIX в.
дерево, наплывы корня, резьба, тонировка
Инв. № 8693 I

Куй-син (досл. «первая звезда») в китайской мифологии является помощником бога литературы Вэньчана и отождествляется с первой звездой Большой Медведицы. Он имеет демонический облик — лицо в наростах, спутанные волосы, а на ногах только по три пальца (знак слияния с образом птицы), одет в набедренную повязку и развевающийся шарф. В руках у него казенная печать и ковш Большой Медведицы. Иногда изображается с кистью и сосудом — атрибутами ученого. Предание гласит, что Куй-син выдержал государственный экзамен лучше всех и ему полагалась аудиенция у императора. Однако правитель, узнав о безобразном облике победителя, отказал ему в этой чести. В отчаянии Куй-син бросился в море, но его вынесла на поверхность гигантская волшебная рыба *ао*. С тех пор ему поклоняются как покровителю всех учащихся и студентов, отправляющихся на конкурсные экзамены.

При создании образа мастер использует природную форму корня, сохраняя его неровную поверхность, трещинки, переплетения тонких корешков, беспорядочные, словно пузырящиеся наплывы. Эта игра фактур естественно-го материала обогащает художественный образ, делая его более выразительным и гротескным. Отдельные фрагменты — лицо, открытые части ног, шею и грудь — резчик тщательно вытачивает, дополнительно полируя и тонируя их. Художественное решение и метод работы основаны на категории *цзыжань* («естественность»). Она связана с философией и эстетикой даосизма, в основе которой лежат представления о естественном ходе вещей в природе, которому должен следовать и человек как один из ее важных объектов. Основная идея этого учения — достижение единства с первоосновой мира *дао* (букв. «путь»). В данном случае это следование материалу, выявление его природных свойств.

Л.К.

Ил. 3
Сосуд для воды
Эпоха Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.)
камень, резьба, тонировка
Инв. № 7371 I

Уже в 1-м тысячелетии до н.э. на основе древних представлений об устройстве мира в Китае складывается система космологических символов. Согласно ей каждая часть света и центр соотносятся с определенным животным, первоэлементом и цветом. Востоку соответствуют дракон, дерево, синий или зеленый цвет; югу — трехлапая птица (позже феникс), огонь, алый или красный цвет; западу — тигр, металл, белый цвет; северу — черепаха со змеей, вода, черный цвет, а центру — земля, желтый цвет. Позже, с развитием благопожелательной символики, с каждой частью света стали соотносить также злаки, фрукты, цветы «четырех сезонов» — сливу, пион, лотос и хризантему. Сосуд в виде мифической черепахи, обвитой змеей, выполнен из светлого камня, а коричневой краской на него нанесен геометрический узор, передающий рисунок панциря. Черепаха, как указано выше, символизирует север, и ей соответствует цвет, получаемый ритуальным окрашиванием, который в Китае называется *сюань*. Сначала наносилась алая краска, а затем черная, которая полностью закрывала предыдущую. Символически это соответствовало космологическому процессу — «в недрах мрака зарождается свет». Символичны и существа, в виде которых выполнен сосуд для воды — и черепаха, и змея олицетворяют стихию воды. Подобные изделия являлись необходимой принадлежностью ученых и каллиграфов, которые использовали их для разбавления водой туши. В период Хань начинает широко распространяться образование в духе конфуцианства, чему способствовали указы императора У-ди (156–87 гг. до н.э.) о повсеместном открытии в Китае школ, обучение в которых было доступно даже для детей из сельской местности. Соискатели, прошедшие испытания, могли получить чиновничью должность и стать, так же как и члены их семей, «благородными».

Л.К.

Ил. 4
Пресс для бумаги
Китай, XX в.
хрусталь, резьба
Инв. № 2192 I

В Древнем Китае образ зайца приобретает символические значения задолго до возникновения животного календарного цикла и прихода буддизма, в притчах которого этот персонаж очень популярен. Согласно древним сказаниям заяц обитает на Луне, где под коричневым деревом толчет в ступе порошок для эликсира бессмертия. В Китае, Японии и Вьетнаме во время полнолуния 15-го дня 8-го месяца (т.е. в сентябре), в праздник середины осени принято любоваться полной луной и печь лепешки *юэбин* с рельефным изображением зайца. Заяц (или кролик) вошел в круг символов 12-летнего календарного цикла. Хрустальный пресс из коллекции ГМВ выполнен в форме этого животного. Такие предметы для прижимания бумаги или шелка во время работы каллиграфа — необходимые принадлежности «стола ученого». Они были гладкими, обтекаемыми, удобной формы, обеспечивающей релаксацию и тренировку руки каллиграфа. Кроме этого различные предметы из камней использовались для массажа рук и лица, поскольку люди верили, что камни, в том числе и хрусталь, обладают целебными свойствами. Горный хрусталь (кристаллический кварц) высоко ценился аристократами и учеными-интеллектуалами за совершенную чистоту и прозрачность. Он олицетворял незапятнанную репутацию истинно благородного ученого или чиновника. С древности считалось, что этот минерал является окаменевшим льдом, поэтому хрустальные предметы особенно приятно было осязать в летние месяцы, что психологически помогало пережить жару. Хрусталь, или, как его часто называли, «сущность воды», часто встречается в поэтических образах, связанных с водой, каплями росы, лунным светом, хрустальными вазами и чашами, как, например, в четверостишии танского поэта Вэй Инъу (VIII в.):

На гранях ее —
Везде отраженья вещей,
Сама ж и внутри
Она остается пустою.
Беру я ее
и к лунному свету несу.
Блестит и горит,
А вдруг она станет водою?

Л.К.

О том, почему изображения драконов появились на императорской одежде, рассказывает следующая легенда. Когда-то драконы спасли от гибели Шуня, прародителя и мифического государя народа шан. Прежде чем тот взошел на престол, его пытался погубить сводный брат Сян. Как-то раз, когда они вместе отправились чистить колодец, Шунь по совету своих жен надел платье с драконами. После того как Шунь спустился в колодец, брат засыпал его землей и камнями. Однако драконы с одежды будущего правителя помогли ему выплыть по руслам подземных источников.

С течением времени дракон в Китае превратился в символ верховной власти и стал непременным украшением императорского костюма, принципы покроя и декорирования которого окончательно сложились в период Цин (1644–1911). Считалось, что власть правителя имеет сакральный характер и исходит от божественного начала — Неба. Император, «господин вселенной, которому все должны подчиняться», являлся Сыном Неба и посредником между небесами и землей. Он включался в космологическую систему при помощи официального парадного костюма, одним из элементов которого был халат *лунпао*. Облаченная в него фигура правителя символизировала Ось мира (или Мировое древо), связующую Небо и Землю. Идея центра подчеркивалась орнаментикой и цветом одеяния: только император, наследник и другие сыновья могли иметь желтый халат. Его подол украшалось символическое изображение глубин моря *лишуй* и волн *пиншуй*, в которых плавали драгоценности, означавшие благие пожелания. С четырех сторон по подолу поднимались трехглавые горы *бошань*. Основным элементом декора *лунпао* были пятикоготные драконы. Они располагались следующим образом: на груди, спине и плечах помещалось по одному дракону, изображенному анфас, на подоле спереди и сзади — по два обращенных друг к другу в профиль дракона, еще один дракон был не виден, т.к. помещался на закрытой части полы спереди.

Халаты чиновников имели сходную систему декора, но шились из ткани иного цвета. Драконы на таких одеждах имели четыре когтя. Женские официальные халаты отличались от мужских отдельными, не очень заметными деталями кроя. В данном случае представлен женский летний праздничный халат, сшитый из красного шелка. Декоративная полоса на рукаве на уровне локтя означает, что он был предназначен для особы, приближенной к императору, которой могла быть мать императора, его жена или наложница, принадлежавшая к одному из высших рангов.

Л.Ш.

Народная картина**«Три улыбки у Тигриного протока»**

Китай, Янлюцин, печатня Исинхэ, кон. XIX — нач. XX вв.

бумага, цветная ксилография, раскраска

Инв. № 1919 I

Лубок *няньхуа* («новогодняя картина») выполнен на сюжет народной повести XVII в. «Су Сяомэй озадачивает жениха». Су Сяомэй была дочерью знаменитого ученого и писателя XI в. Су Сюня и сестрой великого поэта и художника Су Дунпо. Девушка была весьма образованна и славилась многими талантами. О ней узнал молодой поэт и ученый Цинь Гуань и решил сначала тайком посмотреть на нее. Юноша переоделся монахом и подкараулил момент, когда Су Сяомэй приехала в храм на поклонение. Девушка ему очень понравилась, и он попросил у отца ее руки. Свадьба была сыграна, но когда Цинь Гуань направился в брачные покои, то увидел, что дверь заперта. Служанка объяснила ему, что, прежде чем войти в спальню, он должен ответить в стихах на три стихотворные задачи Су Сяомэй. На две он ответил легко, а ответ на третью никак не мог придумать, пока брат девушки Су Дунпо, который симпатизировал зятю, не подсказал ему ответ.

На лубке изображена Су Сяомэй, играющая на цитре (*цин*ь), рядом ее служанка, а у ступеней в нерешительности стоит молодой Цинь Гуань. Правее находится Су Дунпо, который беседует с буддийским наставником Фоином. Когда-то Фоин уговаривал Су Дунпо стать буддийским отшельником, но тот предпочел остаться в миру. Однажды наставник прислал Су Дунпо длинное стихотворение. Тот не смог прочесть этот сложный иероглифический текст, но талантливая Су Сяомэй подобрала к нему ключ. Народный художник изобразил ее исполняющей эти стихи под аккомпанемент цитры. Судя по надписи, в композиции соединены два сюжета: свадьба Су Сяомэй и Цинь Гуаня и пение стихов. Кроме того, здесь присутствует намек на сюжет предания о великом поэте IV в. Тао Юаньмине, которого китайцы называют «родоначальником всех поэтов-отшельников от древности до наших дней». Тао Юаньмин разочаровался в придворной службе и удалился в уединенное место, где выращивал хризантемы, дружил с даосским и буддийским монахами. Жил он недалеко от Тигриного протока. Именно поэтому на картине на переднем плане изображен тигр, сидящий у воды.

Л.К.

Ваза декорирована росписью на традиционный сюжет «Драконы среди морских волн». Согласно ряду преданий драконы живут под землей и стерегут там клады. По другим версиям, зиму они проводят в спячке под землей, осень в море, а летом парят в небесах. С развитием дуалистических представлений о мире, в основе которых лежит взаимодействие двух начал, дракон стал олицетворять светлое мужское начало *ян*, сливающееся с темной женской стихией *инь*. Поскольку *ян* — огонь, а *инь* — вода, то дракон изображался летящим в облаках или плывущим среди волн, объятый языками пламени, исходящими из его плеч и бедер. В словаре «Шовэнь» (I в. н.э.) о драконе сообщается следующее: «Он может становиться невидимым, а может себя полностью проявлять; может становиться крохотным и огромным; может уменьшаться в длину и может увеличиваться. Когда наступает весеннее равноденствие, поднимается на небо; в осеннее равноденствие скрывается в пучине». Кроме того, драконы могут быть пяти цветов: *хуан-лун* — желтые, *цин-лун* — зеленые, *хун-лун* — красные, *бай-лун* — белые, *сюань-лун* — черные.

В повседневной жизни китайцев важное место занимал культ водной стихии, от которой зависела жизнь этого земледельческого народа, поэтому особого почитания удостоивались многочисленные божества и духи морей и водоемов. Среди них главным являлся дракон Лун-ван, управлявший Восточным морем. Именно к его помощи апеллировали китайцы в случае засухи или наводнения. Морские драконы считались могущественными владыками, имевшими на морском дне богатые дворцы и несчетное число приближенных и воинов. Известная легенда о путешествии восьми бессмертных за море повествует о том, как они направились с подарками на день рождения к богине долголетия Сиванму. Они взяли с собой земного слугу, но так как тот не мог летать по воздуху, то для него был выстроен плот. Внезапно в море разразился тайфун, плот перевернулся, слуга и подарки пошли на дно. Бессмертные обвинили в происшествии дракона Ао Циня, властителя Южного моря, и потребовали объяснений. Ао Цинь повелел всей своей армии выступить против обидчиков, однако бессмертные призвали на помощь дракона Лун-вана. Под угрозой потери власти Ао Цинь вернул слугу и подарки и принес извинения бессмертным.

Л.Ш.

Ил. 8

Народная картина

«Второй раз посещает тростниковую хижину»

Китай, XX в.

бумага, цветная ксилография, раскраска

Инв. № 1859 I

Сюжетом картины послужил эпизод из романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV в.), посвященного борьбе между царствами Шу, У и Вэй, образовавшимися после распада империи Хань. В 37-й главе романа рассказывается о том, как правитель царства Шу, справедливый Лю Бэй, боролся с правителем царства Вэй, коварным и сильным Цао Цао. Чтобы победить противника, Лю Бэю были необходимы мудрые советы. Как-то он узнал о непревзойденном стратеге и даосском мудреце Чжугэ Ляне, жившем на горе Во-лун. Правитель вместе с побратимами Гуань Юем и Чжан Фэем отправился в путь, чтобы в соответствии с конфуцианской этикой лично пригласить мудреца к себе на службу. Дважды он посещал соломенную хижину — уединенное жилище Чжугэ Ляна, но никак не мог застать хозяина, а встречал лишь его друзей, родственников или слуг. Гуань Юй и Чжан Фэй удивлялись, зачем правителю царства многократно лично ездить к какому-то отшельнику, когда можно просто вызвать его ко двору. Но Лю Бэй, следуя лучшим традициям образа гуманного правителя, проявил настойчивость и, явившись к Чжугэ Ляну в третий раз, застал его дома. Тронутый таким уважением и твердостью государя, Чжугэ Лян вышел к нему и, поклонившись, сказал, что почтет за честь служить у него. Мудрец стал советником, а вскоре и первым министром в царстве Шу и своей прозорливой политикой и военными победами полностью оправдал надежды Лю Бэя.

На картине изображен второй неудачный визит Лю Бэя в дом Чжугэ Ляна, когда мудрец в сопровождении мальчика-слуги даже не остановился перед правителем, сказав, что идет слушать звуки водопада.

К.П.

Ил. 9

Народная картина

«Башня Желтого журавля»

Китай, Янлюцин, печатня Айчжучжай

(«Кабинет любящего бамбук»), кон. XIX в.

бумага, цветная ксилография, раскраска

Инв. № 17052 I

На картине представлена сцена из пьесы «Башня Желтого журавля», посвященной событиям эпохи Троецарствия (времени перманентной войны между царствами Шу, У и Вэй, существовавшими на территории Китая в III в. н.э.). Интересно, что данный эпизод не вошел в текст романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие», созданного во второй половине XIV в., хотя сюжет пьесы пользовался популярностью и нередко вдохновлял создателей народных картин. Полководец Чжоу Юй был доверенным советником правителя царства У. Однажды он пригласил князя царства Шу, благородного Лю Бэя, на пир в башню Желтого журавля, намереваясь взять его в плен и заставить вернуть царству У ранее захваченный город Цзинчжоу. Лю Бэй отправился на пир в сопровождении своего преданного полководца Чжао Юня. Коварный хозяин окружил башню, где проходил пир, своими войсками, приказав никого не выпускать. Тем временем первый министр царства Шу, гениальный стратег Чжугэ Лян, гадая по звездам, узнал об опасности, грозящей его повелителю. Он предупредил Лю Бэя, а также добыл и передал ему верительную бирку, служившую пропуском для выхода из башни. Лю Бэй показал бирку воинам и невредимым покинул западню.

Изображение решено как театральная сцена с минимумом предельно лаконичных декораций. В представлениях стул, к примеру, мог изображать и трон императора, и повозку, и холм, с которого полководец обычно руководит сражением. В данном случае находящийся в левой части картины стул имитирует ступени башни, по которым поднимается Чжоу Юй, а за ним следуют Лю Бэй и Чжао Юнь. В правой части лубка — не имеющее отношения к сюжету изображение сорок на ветвях сливы в жанре классической живописи «цветы и птицы». Совмещение жанровой сценки с декоративным мотивом в одной композиции народной картины было характерным приемом мастеров печатни Айчжучжай.

К.П.

Ил. 10

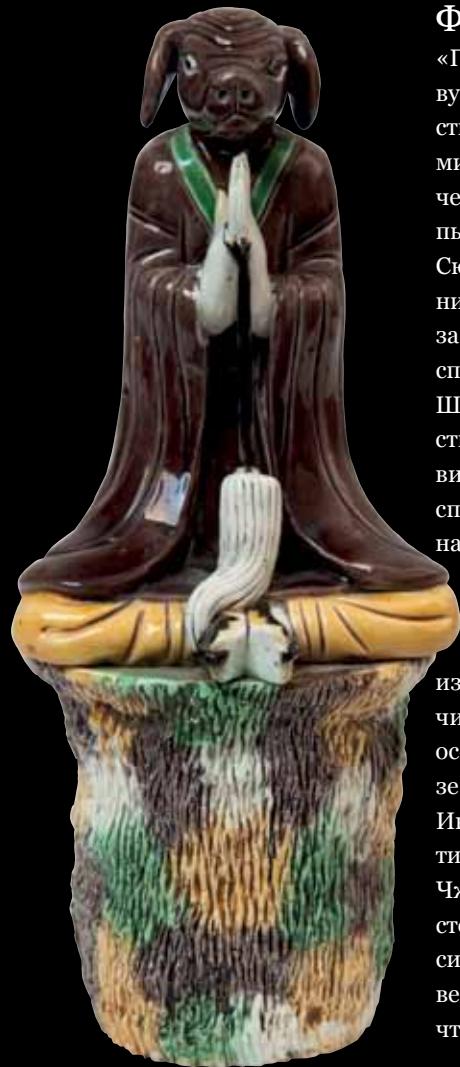
Чжу Бацзе

Китай, XVIII в.

фарфор, роспись эмалями в колористической гамме

«зеленого семейства»

Инв. № 21809 I

Фарфоровая скульптура изображает героя знаменитого романа «Путешествие на Запад» писателя XVI в. У Чэнъэня. В нем повествуется о том, как монах Сюаньцзан в VII в. совершил паломничество в Индию за священными буддийскими книгами и реликвиями. Путь этот был трудным, поскольку его большая часть проходила через горные перевалы. Помимо этого различные злобные демоны пытались помешать паломнику совершить религиозный подвиг. Сюаньцзан как истинный буддистский монах не мог причинить никому вреда и весь путь проделал верхом на коне, опустив глаза. В помощники ему самим Буддой были определены волшебные спутники, среди которых — небесная обезьяна Сунь Укун, оборотень Ша-сэн и получеловек-полукабан Чжу Бацзе. Это странное существо когда-то обитало на небесах, но за неумеренное потребление вина, после которого он грубо приставал к небесным девам, было спущено на землю, чтобы в трудном паломничестве, защищая монаха, искупить свои грехи. Чжу Бацзе мог вырастать до небес, при помощи заклинаний и своего мощного пяточка расчищать непроходимые заросли. После того как герои по истечении четырнадцати лет вернулись со священными книгами и реликвиями из Индии в китайскую столицу Чанъань (ныне г. Сиань), они получили от самого Будды, представ перед его троном, награды в виде особых званий. Сунь Укун стал Победоносным Буддой, а Чжу Бацзе — Очистителем жертвенников в священных буддийских местах. Иконография персонажа отмечена чертами религиозного синкретизма. Хотя в романе пропагандируются идеи буддизма, в руках Чжу Бацзе держит мухогонку, которая является атрибутом и буддистов, и даосов. Она, словно противореча бурной деятельности героя, символизирует категорию *увэй*, т.е. «недеяние». У героя тело человека, одетого в традиционный китайский халат, и кабанья голова, что является отголоском древних тотемистических представлений.

Л.К.

Ил. 11

Стопка для кистей

Китай, XVIII в.

нефрит, резьба, гравировка

Инв. № 7616 I

В китайской мифологии существует прямая связь карпа с драконом. В «Бэнь цао ган му» («Основные сведения по фармакологии», XVI в.) Ли Ши-чжэня в описании облика дракона указывается, что его тело имеет чешую, как у карпа. Более поздние легенды рассказывают о том, что эта рыба при определенных условиях может превратиться в дракона. На реке Хуанхэ есть узкое ущелье, называемое Лунмэнь — «Ворота дракона». Там такие высокие пороги и такое стремительное течение, что оно имеет дурную славу места, губительного не только для людей, но и для рыб. Считается, что благополучно преодолевшие это препятствие рыбы превращаются в драконов, и наиболее смелые карпы, обитающие в Хуанхэ, устраивали состязания в прыжках. Те, которым удавалось выйти победителями, в новом, драконьем, облике попадали в спокойное течение реки, выходящей из ущелья на Великую китайскую равнину. Состязание карпов обычно выступает метафорой государственных экзаменов, которые в старом Китае сдавали студенты, надеясь получить чиновничью должность, поэтому его изображение включает в себе пожелание, чтобы родившийся в семье мальчик сдал экзамены и сделал карьеру чиновника. Помимо этого слово «рыба» (кит. *юй*) является омонимом слова «достаток», что символизирует богатство в доме.

Л.Ш.

Подобные монохромные фигуры создавались в печах Дэхуа южной провинции Фуцзянь с конца XVI в. В Европе их называли *блан-дэ-шин*, т.е. «китайские белые». Буддийское божество милосердия Гуаньинь, образ которой восходит к *бодхисатве* Авалокитешваре, в спокойной величественной позе восседает на спине фантастического зверя *сечжая*. Она облачена в соответствии со средневековой иконографией в длинные, струящиеся складками одеяния, слегка обнажающие грудь, украшенную бусами с подвеской. Голова божества увенчана высокой прической с диадемой. Чудодейственная сила и мудрость Гуаньинь почитается в Китае представителями всех религиозных направлений. Первоначально божество было бесполом, но к XVI в. под влиянием образов Девы Марии, которые стали распространяться в Китае благодаря деятельности католических миссионеров, приобрело женские черты. Это заступница на небесах за всех страждущих, избавляющая от болезней и несчастий. Ей поклоняются как матушке-чадоподательнице, молясь о ниспослании потомства.

Благопожелательный смысл в данной скульптуре усилен фигурой мифического животного. *Сечжай*, или *сечжи*, — единорог, но в отличие от *цилиня* имеет не копытца, а львиные лапы. В облике *сечжая* традиционно объединены черты разных животных — тело и ноги льва, голова дракона с рогами и длинными усами. Зверь, по поверьям, отличается необыкновенной добротой: когда он идет по земле, то не ломает ни травинки, не раздавит ни букашки. Считалось, что появление на земле этого волшебного существа несет с собой умиротворенность, является знаком предстоящего появления на свет совершенного правителя, поэтому образ *сечжая* ассоциировался с гармонией во вселенной, государстве и семье, а в народных верованиях — с рождением сыновей. Также он был пожеланием долголетия, счастья и успешной карьеры

Л.К.

Ил. 13
Лю Хар
Китай, XIX в.
дерево, резьба
Инв. № 5373 I

В китайской даосской мифологии Лю Хар является богом монет, входящим в свиту бога богатства Цай-шэня. Существует несколько вариантов легенд о Лю Харе. Согласно официальному жизнеописанию его наставником в постижении даосского учения был Люй Дунбинь, один из восьми бессмертных. Лю Хар стал отшельником и занялся поиском ингредиентов для эликсира бессмертия. Изготовив пилюлю вечной жизни и приняв ее, он превратился в журавля и улетел на небо. Появление трехлапой жабы в качестве спутницы Лю Хара объясняет другая легенда. Однажды Люй Дунбинь опустил свой пояс с привязанной на конце золотой монетой в колодец и велел Лю Хару «удить» в колодце жабу. Та в прошлом рождении была врагом Лю Хара, известным своим стяжательством. Жаба закусила монету, и Лю Хар вытащил ее из колодца. С тех пор трехлапая жаба стала символом обогащения. Одна из народных сказок повествует о том, что Лю Хар был бедным дровосеком. Однажды в лесу ему повстречалась плачущая девушка, потерявшая свою семью. Лю Хар взял ее в жены, привел в дом к матери, где они все вместе зажили счастливо. Но однажды в горах дровосека окликнул камень и сообщил, что его жена — лиса-оборотень, забирающая его жизненные силы, для чего каждую ночь кладет ему в рот волшебный шарик. Камень посоветовал Лю Хару проглотить шарик, без которого лиса умрет. Дровосек так и сделал. Умирая, жена посоветовала мужу разрубить камень, вытащить из него веревку, к концу которой будет привязана трехлапая жаба, и сесть на нее. Жаба вознесет дровосека на небо, оставив веревку матери. Дернув за нее, женщина будет осыпана дождем из золотых монет. Бог монет изображен сидящим на жабе, в одной руке у него веревка, а в другой — монета. Лицо, поднятое к небу, сияет блаженной улыбкой, свойственной бессмертным. Распущенные волосы, служащие символом отрешения от мира, ложатся длинными прядями на спину.

Л.Ш.

Ил. 14
Лев шицзы
Китай, XVIII в.
фарфор, скульптурное моделирование, глазурь
Инв. № 21336 I

В Китай образ льва проник, по всей видимости, на волне распространения буддизма, в середине периода Хань. Поскольку эти животные не водились в стране, представления китайцев о них были основаны на описаниях львов в буддийских текстах и рассказах чужеземных миссионеров и торговцев, дополненных значительной долей фантазии. Этим объясняется возникновение образа диковинного существа *шицзы*. Он сразу же занял верховное место в иерархии священных животных, о чем свидетельствует его китайское имя, возникшее примерно в I–II вв. н.э., где иероглиф *ши* означает «наставник, учитель», а *цзы* — «лев». Предположительно, в I–III вв. в Китае была выведена порода собак, получившая название *шицзы-гоу*, т.е. «львиная собака», которая служила своего рода «заместителем» льва, а ее крохотные размеры лишь подчеркивали величие фигуры императора, которому «сам лев едва достает до лодыжек». Скульптурные изображения этих собак имели характерные признаки данной породы: массивную голову с круглыми глазами навывкате и приплюснутым носом, квадратную оскаленную пасть, широкую выпуклую грудь, пушистую гриву и туловище на коротких согнутых лапах. За образом *шицзы* закрепилась символическая функция стража, защитника от злых сил. Начиная с периода Тан изваяния львов стали обязательной частью погребальных ансамблей, возводимых над императорскими усыпальницами. Позднее пары львиных фигур помещали по сторонам входа в любой архитектурный ансамбль. В этом случае в композицию обычно входили скульптуры животных разного пола — льва и львицы, причем изображение льва, как правило, было дополнено шаром, лежащим под лапой зверя, а фигура львицы окружалась изображениями одного или нескольких детенышей. Существует поверье, согласно которому из лап *шицзы* струится целебное молоко, которое можно добыть шара. Расширилась и символика образа льва: он стал олицетворением благородства, чистоты и величия помыслов человека, а также знаком мужества, стойкости и жизненных успехов. В эпоху Цин изображение льва служило официальной эмблемой военных чиновников I ранга.

Л.Ш

Образ слона появился еще в Древнем Китае, поскольку эти животные водились там до изменения природных условий. Впоследствии, когда племена, двигаясь с берегов Хуанхэ, выжигали леса, продвигаясь на юг, многие представители фауны, обитавшие в Центральном Китае, — слоны, тапиры, носороги — исчезли. Популярными изображения слонов стали в период распространения буддизма, пришедшего из Индии. Для буддистов слон является символическим воплощением Будды Шакьямуни в одном из его прежних рождений. В последней жизни слон как знамение явился его матери Майе, увидевшей во сне чудесного белого слоненка, вошедшего к ней в лоно, а через десять лунных месяцев на свет появился принц Сиддхартха Гаутама, в тридцать пять лет ставший Буддой. Нередко буддийские святые изображаются вместе со слонами. Возникла даже благопожелательная формула: «Слоны приходят и приносят с собой счастье». В народных верованиях это благородное животное символизировало долголетие и богатство, а бездетные женщины молились перед изображениями слонов о ниспослании потомства.

На музейной завесе изображен слон, несущий на спине вазу с дарами. Изпод сосуда спускается попона с узором, символизирующим взаимодействие двух начал: Неба в виде облачков и Земли, обозначенной волнами Мирового океана с поднимающейся скалой — сакральным центром вселенной. Благопожелательный смысл композиции усиливается включением в нее летучих мышей, которые сулили счастье, а также даров в сосуде. Это алебарда и коралловая ветка — пожелание удачной карьеры, а также жезл *жуи* с навершием в виде шляпки гриба — символ исполнения всех желаний.

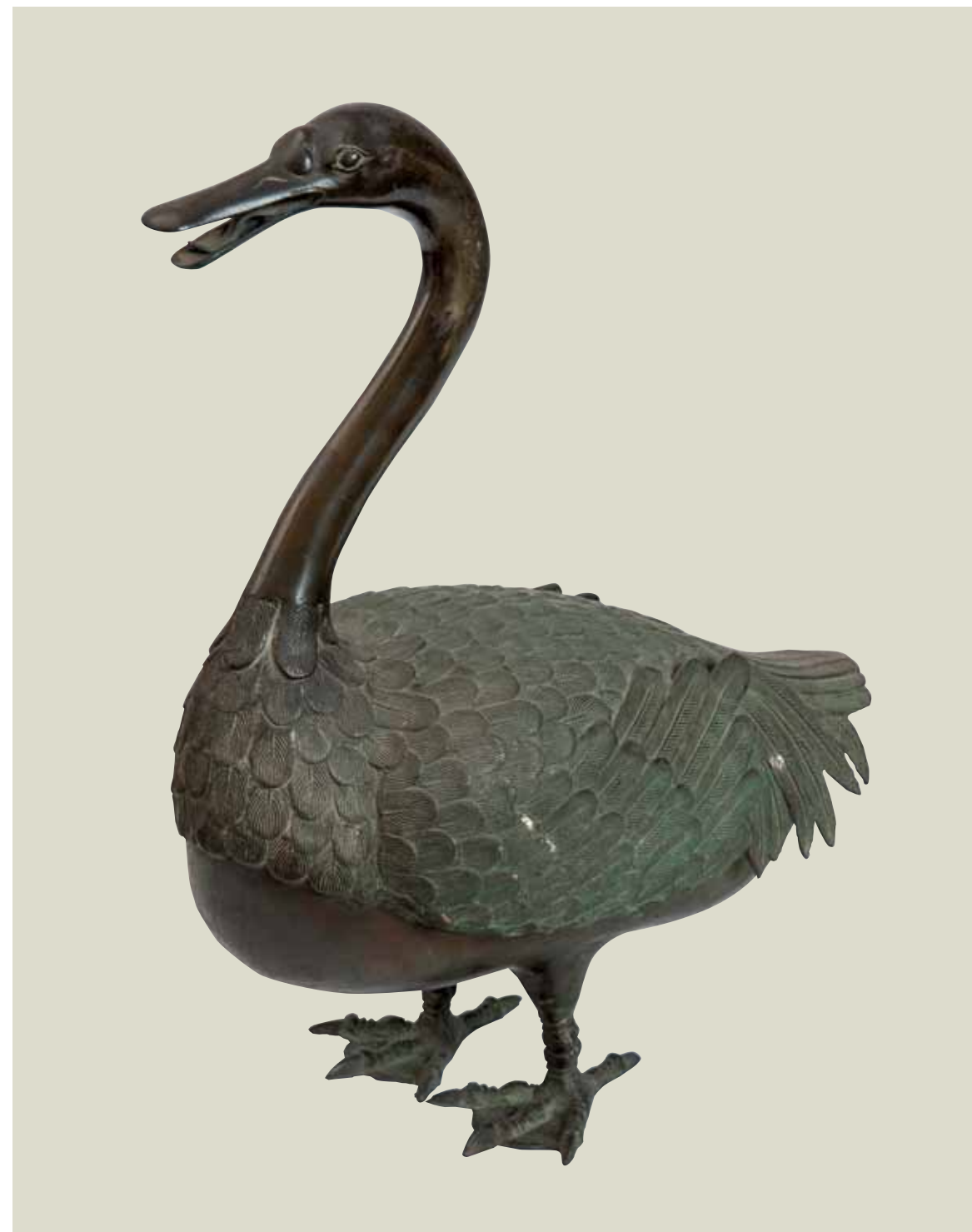
В Китае вышивку называли «живопись иглой», настолько тонким и виртуозным было это искусство. Подобные завесы, расшитые шелком и золотыми нитями вприкреп, широко использовались в традиционном богатом интерьере, где гармонично сочетались с темным резным деревом.

Л.К.

В Китае существует множество легенд, связанных с гусями. В одной из них рассказывается о той роли, которую они сыграли в судьбе автора «Чайного канона» Лу Юя, который жил во времена династии Тан. Его рождение окутано тайной: на третий день после появления на свет младенец был оставлен на берегу цзинлинского озера Сиху, где его стали охранять три диких гуся. Нашедший мальчика настоятель расположенного неподалеку буддийского монастыря Лунгай («Драконий покров») был удивлен происходящим и из сострадания взял ребенка в монастырь на воспитание. Имя ребенку он выбрал, погадав на «Книге перемен». При гадании получилась сдвоенная триграмма *багуа* — гексаграмма *цзянь* («течение»), комментарий к шестой черте которой гласил: «Дикий гусь ищет прибежища на суше. Его перья могут быть применены в обрядах». Настоятель использовал знак *лу* («суша») в качестве фамилии, а знак *юй* («перья») — в качестве имени, поэтому ребенка называли Лу Юй. Вторым его именем стали два других знака из той же цитаты: *хун* («дикий гусь») и *цзянь* («приближаться»), то есть Хун Цзянь. Лу Юй вырос в монастыре, где в обычае было чаепитие. Позже он сбежал от своих наставников и, путешествуя, исследовал чайные районы, расспрашивая местных жителей о том, как они собирают и производят чай. Накопив с годами множество знаний, Лу Юй удалился в горы и вложил весь свой опыт в написание книги. В итоге он создал бессмертный шедевр — «Чайный канон», сыгравший в истории китайской культуры колоссальную роль. Его сочинение легло в основу дальнейшего развития чайной церемонии, а Лу Юя впоследствии стали почитать как чайное божество.

Л.Ш.

На картине представлен один из эпизодов фантастического романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI в.). История гласит, что в VII в., во времена правления танского императора Тай-цзуна, буддийский монах Сюаньцзан предпринял многолетнее и опасное паломничество в Индию за книгами буддийского канона. Вернувшись в Китай, Сюаньцзан занялся переводом привезенных книг и, кроме того, составил записки о своем путешествии. В воображении последующих поколений путешествие обросло увлекательными подробностями, где наряду с главным героем появляется фантастический персонаж — обезьяна-странник. По-видимому, этот образ сложился под влиянием индийских легенд о Ханумане. В романе У Чэнъэня едва ли не центральным персонажем стал Сунь Укун — волшебная обезьяна, наделенная сверхъестественными способностями, преданно сопровождающая и оберегающая Сюаньцзана в паломничестве. Другими учениками-спутниками монаха становятся Чжу Бацзэ и Ша-хэшан — небесные полководцы, сосланные за провинности на землю. По сюжету романа герои постоянно сталкиваются с непреодолимыми препятствиями, подвергаются нападению многочисленных чудовищ, сражаются с враждебно настроенными жителями лежащих на его пути государств. Только благодаря усилиям своих спутников и заступничеству *бодхисатвы* Гуаньинь Сюаньцзану удастся достичь Индии и выполнить свое благочестивое намерение.

Однажды во время странствия принявшие облик красавиц пауки-оборотни захватили в плен Сюаньцзана, но его верные ученики пришли на помощь и при поддержке небесных сил спасли наставника, победив пауков и их покровителя-многоножку — оборотня. Роман У Чэнъэня приобрел огромную популярность, на основе его отдельных эпизодов возникли театральные пьесы, имена героев стали нарицательными, — в частности, китайский язык обогатился идиомой «паутинная пещера» — смертельно опасная ловушка, безвыходная ситуация. На картине, решенной в виде театральной сцены, ученики Сюаньцзана — Сунь Укун, Чжу Бацзэ и Ша-хэшан — сражаются с одним из пауков-оборотней, который изображен в центре с двумя длинными перьями в головном уборе.

К.П.

Легенда о Волопасе и Ткачихе связана с праздником Единения на Небесной реке, отмечаемого в Китае в седьмой день седьмого лунного месяца. В ней рассказывается о двух братьях, живших в старину в одной деревне. Старший брат женился, но его жена возненавидела младшего брата и потребовала его отделить. При разделе хозяйства юноша попросил себе сломанную телегу и старого вола, на котором обычно пахал, за что его прозвали Волопасом. Но животное было не простым, а волшебным, а именно сошедшим на землю духом звезды Золотого вола Ньюцзиньсин. Вол посоветовал юноше в день, когда внуки небесного государя пойдут к Небесной реке (Млечному Пути) стирать свою одежду, похитить платье седьмой внучки — прекрасной Ткачихи, чтобы заставить ее выйти замуж в обмен на одежду. Юноша выполнил все наставления вола и женился на небожительнице. У Волопаса и Ткачихи родились сын и дочь, но через некоторое время, когда дети подросли, фее пришлось вернуться на небо, оставив семью. Долго горевал Волопас, но потом по настоянию вола зарезал его и, завернувшись вместе с детьми в шкуру волшебного животного, отправился искать на небесах свою жену. Злой тесть не дал любящим супругам соединиться вновь, и с тех пор Волопас и Ткачиха (в европейской традиции это звезды Альтаир и Вега) живут на разных берегах Небесной реки. Они могут встречаться лишь раз в году — в седьмую ночь седьмой луны, когда сороки, слетевшись со всего мира, строят для них мост, сцепившись хвостами.

В Китае герои этой легенды олицетворяли любовь и верность, а сороки символизировали счастливую встречу. На лубке слева мы видим Волопаса с детьми, поднявшимися на небо, чтобы встретиться с женой. Над ними изображена фея, льющая воды Небесной реки. В центр композиции помещена Ткачиха, а вокруг нее — придворные небесного императора.

Л.К.

В фольклоре многих народов значительная роль отводится образам животных. Китайцы в этом отношении не были исключением. Действующими лицами басен и сказок начиная с древности часто становятся, например, свирепый и сильный тигр, быстроногий заяц, хитрая лиса. При этом в народе к лисам было весьма негативное отношение — они изображались коварными, изворотливыми и жадными. Народная картина на сюжет притчи о том, как лиса и журавль приглашали друг друга в гости, представляет собой известный бродячий сюжет, известный и в русском фольклоре. Лиса потчевала журавля вином и едой из мелкой миски, из которой он не мог есть. В отместку журавль, пригласив лису в гости, предложил ей угощение в кувшине с узким горлышком, в который гостя не могла просунуть морду. Этот рассказ, записанный в правой верхней части картины, заканчивается сентенцией: «Очевидно, раз ты подшутил над другим, то другой тоже подшутил над тобой. Ты сам целиком навлек это на себя».

Изображение решено в двух планах: на заднем слева показан фрагмент стены с проемом, ведущим в сад, а справа — низкая ограда, как бы отделяющая иероглифический текст от сценки на переднем плане. Справа здесь представлены персонажи притчи. Судя по плоским тарелкам, в роли хозяйки в данный момент выступает лиса. Рядом изображен глядящий на них ребенок, удивленно всплескивающий руками, а слева — две молодые дамы. Можно предположить, что женщины рассказывают ребенку эту назидательную историю, а лиса и журавль присутствуют лишь в воображении рассказчиц и слушателя. Существующая в некой вечной фольклорной реальности история лисы и журавля представлена в момент своего очередного вербального воплощения.

К.П.

Ил. 20
Журавль
Китай, XIX в.
бронза, литье
ГМВ КП 36393

Скульптура танцующего журавля — типичный образец китайской металлической пластики. Подобные скульптуры предназначались для украшения дворцов и садово-парковых комплексов. Птица полна грациозности: взмахнув крыльями, она словно готовится к разбегу перед взлетом. Журавль был спутником многих божеств и святых, почитался как священная птица, на которой святые и бессмертные путешествуют, отправляясь в заоблачные выси. Он олицетворял бдительность, мудрость, символизировал долголетие и удачу, а также сыновнюю почитательность, был героем многих преданий. С журавлем часто изображались бог долголетия Шоу-син, богиня Магу и другие божества. Есть легенда о старце-даосе, который долго пирировал в корчме, а потом апельсиновой коркой нарисовал на стене желтого журавля. Когда рисунок был закончен, нарисованный журавль отделился от стены, даос уселся на него, и они скрылись в небесах. В Китае популярна старинная притча о князе Вэй И и журавлях. Правитель Вэй И, живший в период Чжаньго (V—III вв. до н.э.), очень любил журавлей и всякий раз испытывал высокое наслаждение, наблюдая за их изящными повадками и грациозными движениями. Однажды во время битвы он засмотрелся на журавлиный танец и проиграл сражение, потеряв все свои владения — состояние высшего эстетического наслаждения оказалось для правителя дороже земных благ. Эта притча была излюбленной у интеллектуалов, поскольку журавль, по верованиям даосов, являлся птицей бессмертных, ведущей души в небесные сферы. Известно, что великий каллиграф IV в. Ван Сичжи подолгу наблюдал за гусями и журавлями, чтобы рука, держащая кисть, переняла плавность их движений.

Л.К.

Ил. 21
Мальчик на буйволе
Китай, XIX в.
нефрит, резьба
Инв. № 3407 I

Композиция «Мальчик на буйволе» часто встречается в китайском искусстве, как в живописи, так и в декоративной скульптуре. За этой, казалось бы, простой жанровостью мотива скрывается глубокий философский смысл. Изображение мальчика на буйволе или быке связано с практикой *чань-буддизма* — разновидности учения *махаяны*. В *чань-буддизме* постижение истины шло не через слова, которые являются «помехой для мысли», а через медитацию, приводящую к внезапному озарению. Адепты учения в своей практике опирались на притчи, иносказания, нередко абсурдистского характера. Подвижник узнает, что такое собственная природа и конечная реальность, но не видит способа рассказать об этой реальности посредством слов, поскольку «невыразимое нельзя высказать словами». Появляется изобразительная формула «десять быков» — это десять стадий постижения истины, которые иллюстрируют этапы освоения практик *махаяны*, ведущих к просветлению и совершенной мудрости. Ученик в поисках быка, являющегося метафорой просветления, истины в действии, решает отправиться в дикие места, но его усилия поначалу оказываются бесплодными. Не смущаясь, он продолжает поиск и наконец находит следы животного на берегу реки. Когда он видит быка в первый раз, то поражается его великолепию. Однако ученик должен еще тяжело потрудиться, чтобы приручить быка. В конечном счете через десять этапов приручения быка он достигает высокого просветления и возвращается в мир, на который теперь способен духовно влиять. В музейной скульптуре отображена шестая стадия постижения истины, условно называемая «Еду на буйволе». Философской идее соответствует и использованный в этом произведении материал — благородный нефрит, высоко ценимый в Китае как драгоценный камень. В поздний период такие изображения символизировали радость и удачу.

Л.К.

Ил. 22

Панно «Пир в саду богини Сиванму»

Китай, XVIII в.

шелк, золотые нити, вышивка гладью и вприкреп

Инв. № 15613 I

Образ Сиванму в мифологических представлениях китайцев на протяжении многих столетий подвергался радикальным изменениям. Если в архаических мифах она была богиней страны мертвых и имела весьма неприятную внешность, то уже в текстах рубежа новой эры ее изображали красавицей, царицей Западной страны. Сиванму вошла в даосский пантеон как владелица волшебного сада, в котором растут персики бессмертия. Согласно легенде ее Нефритовый дворец находится на сказочной горе Куньлунь на берегу Нефритового пруда. Здесь в райском саду и растет божественное персиковое дерево, плоды которого дают бессмертие вкусившим их. Поскольку идея продления жизни и поисков способа достижения бессмертия была центральной для средневекового даосизма, Сиванму, в подчинении которой находилось бесчисленное количество бессмертных гениев, стала одним из главных персонажей даосских мифов.

Действие, представленное на вышитом панно, происходит на пиру у Сиванму по случаю празднования дня ее рождения, приходящегося на третий день третьей луны. На празднестве Сиванму восседает на яшмовом троне, облаченная в одеяние из золотой парчи. В руках она держит жезл *жуи* (символ исполнения желаний) и чудесный персик. За ее спиной — служанки с опахалами. На скале стоит птица *луань*, вестник счастливых событий, перья которой славятся переливами синего цвета. Поздравить Сиванму обычно собиралось огромное количество гостей. Кто-то из них прилетал на волшебных разноцветных облаках, кто-то — на журавлях бессмертных. На панно представлены гости, наиболее приближенные к богине. Среди ее свиты выделяются две группы небожителей. В одной находятся богини Цветов, Плодов, Злаков и Трав. В другой — небесная Ткачиха, лунная фея Чан Э, феи Сюаньнью и Ветерок. В центре под деревом изображены бессмертные гении единения и согласия Хэ Хэ, один из которых держит цветок лотоса, а другой коробку. Внизу слева представлены Фу-син — звездное божество счастья с мальчиком на руках — и Лу-син — небесный покровитель карьеры. Справа стоит Магу — бессмертная фея, помогающая людям, попавшим в беду.

Л.Ш.

Риза высшего даосского духовенства отличается предельной простотой покроя, представляя собой два широких полотнища, сшитых вертикальным швом на спине, а также по бокам, где оставлены проймы для рук. Пышный декор, отражающий даосскую модель вселенной, располагается главным образом на спине. В районе плеч сияют солнце (с фигурой петуха) и луна (с фигуркой зайца, толкущего в ступке снадобье бессмертия), между которыми расположены три звезды из созвездия Большой Медведицы. В центре композиции — окруженные 28 звездами небесные чертоги, изображенные в виде семярусной башни. По сторонам извиваются пять драконов, символизирующие пять сторон света (в соответствии с традиционной китайской космологией это восток, юг, запад, север и центр). Второстепенные символы, вышивавшиеся на ризах, могли варьироваться. В данном случае это пара журавлей — птиц, верхом на которых путешествовали даосские небожители. Общим фоном изображения на спине ризы служат облачный узор, исполненный золотой нитью, и вышитые разноцветными шелковыми нитями цветы. На воротах из светлой материи в верхней части по центру расположен символ *тайцзи*, ниже — атрибуты восьми даосских бессмертных: справа показаны меч, свиток, тыква-горлянка, слева — веер, кастаньеты, ваза (корзина и удочки выполнены на ризе спереди). Внизу даны фигуры Белого тигра (символа Запада) и Зеленого дракона (символа Востока). На широкой красной кайме, идущей по рукавам, изображены восемь магических триграмм *багуа*.

Подобный декор облачения был обусловлен даосскими представлениями о принципиальном подобии вселенной и отдельного человеческого существа и должен был обеспечить на протяжении церемоний и экзорцистских обрядов мистическую связь адепта с макрокосмом. Такие халаты и поныне используются даосскими священниками в КНР и на Тайване во время торжественных богослужений.

К.П.

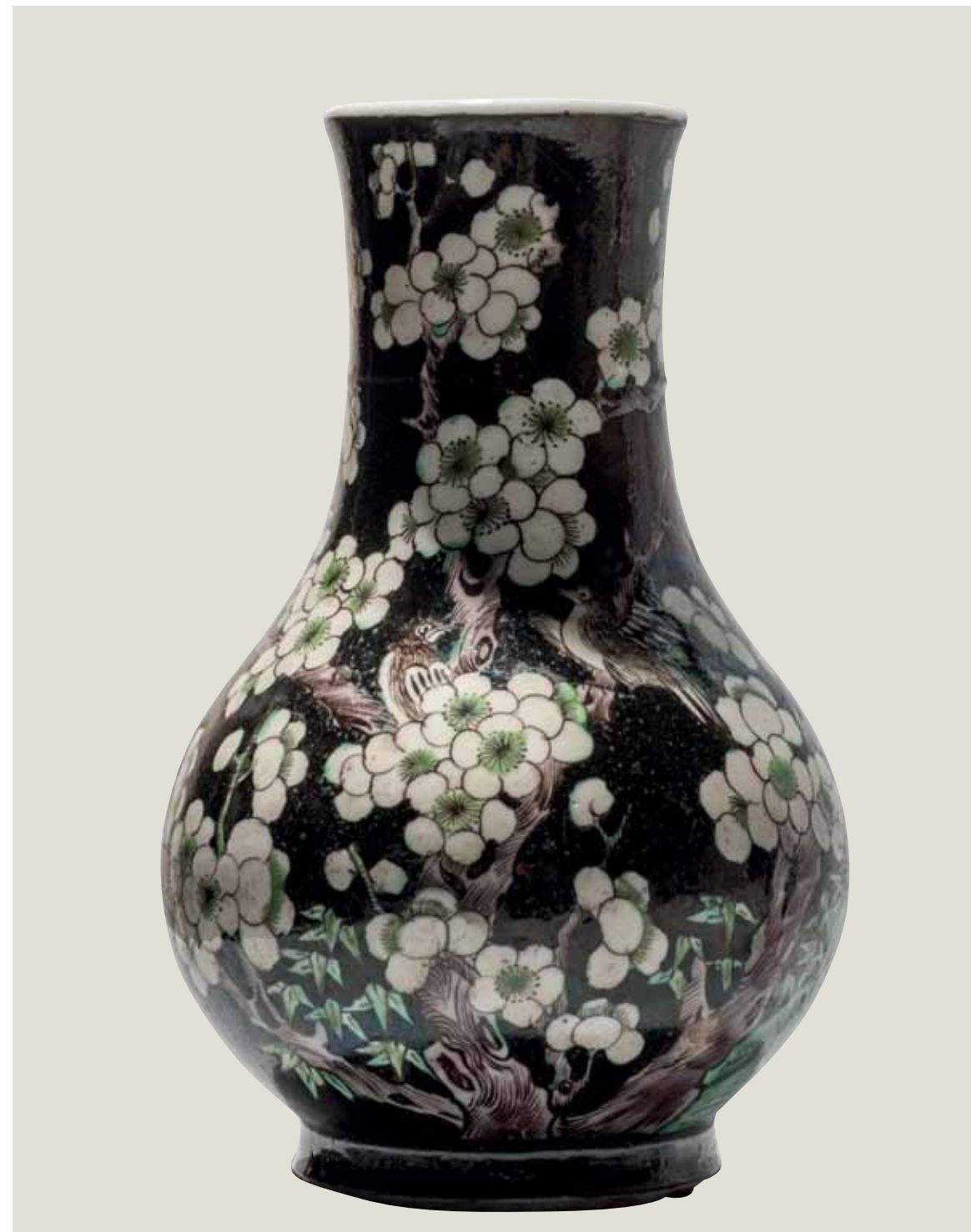

На вазе, выполненной в колористической гамме «черного семейства», изображены цветы сливы *мэйхуа*. Древний цветочный календарь на Дальнем Востоке включал четыре сакральных растения, которые соотносились с определенной частью цвета. Северу и зиме соответствовала слива *мэйхуа*, востоку и весне — пион, югу и лету — лотос, а западу и осени — хризантема. *Мэйхуа* связана с космологической и благопожелательной символикой. Ее пять лепестков означают не только четыре стороны света и центр, но и пять элементов — воду, дерево, огонь, землю, металл. Соединение черных ветвей с белыми (или алыми) цветами воплощало основополагающую идею Бытия, которое зиждется на взаимодействии двух начал — *инь-ян*. Слива открывает новый цикл в вечном круговороте природы, знаменуя конец зимы, раннюю весну и наступление Нового года по лунному календарю. Поскольку она зацветает еще при снеге и холодах на голых искривленных ветках, то ассоциируется со стойкостью духа и благородством. Рядом с ней часто изображали сорок, символизировавших удачу и счастливую встречу Нового года. В старом Китае существовал обычай, когда ученый должен был перед Новым годом отправиться в горы и найти среди снега зацветающую сливу.

Образ сливы — предвестницы весны, воспеваемой поэтами, один из самых популярных в Китае на протяжении веков. Выдающаяся поэтесса начала XII в. Ли Цинчжао так описывает ее цветение:

*Полураскрыты, воздушны,
Нежно цветы засияли,
Тонкий, едва уловимый,
Льется вокруг аромат.
Словно красавица вышла
И без забот, без печали
Тут же в саду примеряет
Новый весенний наряд.*

Л.К.

В старом Китае на двустворчатые двери домов было принято крепить парные картины с изображением двух грозных полководцев, которые назывались *мэнь-шэнь* (*мэнь* — «ворота», *шэнь* — «божество»). В китайской мифологии это духи — хранители ворот, которые связывались соответственно с темным и светлым началом (*инь* и *ян*). Особенно важную роль эти картины играли в период, когда за неделю до Нового года в семье символически «отправляли» бога домашнего очага Цзао-вана на небо, сжигая его лубочное изображение, и дом оставался без защиты патрона. Поэтому на каждой створке помещалось по фигуре полководца, который призван был не пропускать в дом нечисть. Происхождение этой традиции связывается с разными преданиями. В самых древних упоминаются двое святых Шэньту и Юйлэй, которые стояли на страже около мистических Ворот Духов и уничтожали злых демонов. Впоследствии в качестве *мэнь-шэнь* стали выступать хранители врат в царстве духов. В старых легендах говорится: «На северо-востоке находятся священные врата, через которые проходят сонмы духов. У врат стоят двое святых: Шэньту и Юйлюй. Они проверяют каждого из духов и, если увидят зловредного, связывают его тростниковой веревкой и отдают на съедение тигру». Таким образом, их фигурки стали ставить по обе стороны от ворот, а на воротах рисовали огромного тигра, который должен был охранять дом от нечисти, пожирая ее. Так Шэньту и Юйлюй превратились в духов дверей дома.

Есть и более поздняя легенда о полководцах VII в. Цинь Шубао и Ху Цзиндэ, которые впоследствии были обожествлены. Согласно «Запискам о поисках духов трех религий», они вызвались встать в карауле у дверей спальни танского императора Тай-цзуна, которого будто бы беспокоили призраки. После спокойно проведенной ночи император приказал живописцам нарисовать портреты обоих сановников и вывесить их на дверях во дворце. О печатных изображениях *мэнь-шэнь* упоминают уже памятники XII в., а в позднее средневековье эти герои стали едва ли не самыми популярными персонажами новогодних народных картин. Лубки с фигурами стражей вешались на дверях общественных зданий, храмов (кроме буддийских), частных домов. Образы Цинь Шубао и Ху Цзиндэ находили свое воплощение в повествовательной прозе, в частности в романе «Путешествие на Запад», и др.

К.П.

Ил. 26

Будай

Китай, мастерские Дэхуа, XVIII в.

фарфор, глазурь, скульптурная лепка

Инв. № 576 I

Одним из самых популярных святых в буддизме является будда будущего Майтрея, или Милэ согласно китайской транскрипции. Он считается носителем грядущего благого начала, процветания и блаженства, который в настоящее время пребывает на небесах как *бодхисатва*. В китайском народном буддийском пантеоне Милэ олицетворяет божество радости, благополучия и довольства. Обычно его именуют Будай хэшан («монах с мешком»). По преданию, этот буддийский святой долго странствовал, собирая милостыню, но, несмотря на суровый образ жизни, толстел, с его лица не сходила улыбка, а сам он излучал сияние. Изображения Будая получили широкое распространение в китайской скульптуре из камня, фарфора, дерева, в которых он предстает в облике тучного смеющегося человека с обнаженным животом и бритой головой. Обычно он сидит, облокотившись на мешок, с четками в правой руке, лежащей на колене. По традиции мешок этого божества связывают с атрибутом реального исторического деятеля китайского буддизма Цицы (ум. в 917 г.), который был чаньским монахом, постоянно имевшим при себе холщовый мешок (кит. *будай*), за что и получил свое прозвище. Китайцы воспринимали Цицы как одно из земных воплощений Майтреи. Другое предание гласит, что в X в. один из буддийских монахов был необычайно популярен благодаря умению предсказывать погоду. Имя и происхождение его были неизвестны, а личность монаха стала постепенно обрастать легендами. Так, известна история о том, как однажды кто-то, увидев монаха купающимся, заметил на его спине третий глаз — символ мудрости. Пораженный этим, зритель воскликнул: «Да вы Будда!» И услышал в ответ: «Тсс! Только не говори никому!» После таинственного исчезновения монаха все знавшие его укрепились во мнении, что это мог быть сам Милэ, а культ Милэ стал приобретать все большую популярность, которая сохранилась до наших дней.

Л.Ш.

Ил. 27

Настольное украшение

Китай, XIX в.

нефрит, резьба

Инв. № 14266 I

Скульптура изображает группу причудливых грибов, сросшихся друг с другом. Резчик виртуозно отразил природный образ в серовато-зеленоватом нефрите, предельно «преодолевая» камень, используя его текстуру, цветовые вкрапления, прожилки. Гриб *линчжи* встречается в природе, его ботаническое название — трутовик лакированный. Шляпка гриба имеет волнистые очертания и напоминает облако. Неслучайно эта форма послужила прообразом наверхия жезла *жуи* — символа исполнения всех желаний. *Линчжи* образно называют «грибом духовной силы», а в Японии он известен как *рейши*. Благодаря галлюциногенным свойствам уже в Древнем Китае *линчжи* стали считать волшебным грибом, его включали в состав эликсира бессмертия, рецепт которого искали даосские мудрецы. Широко распространен легендарный сюжет на тему приготовления даосами чудодейственного напитка. Они поднимались высоко в горы и в уединенном месте, чтобы никто не мог проникнуть в тайну снадобья, долго варили его на костре. Правители под страхом наказания требовали от них изготовления этого волшебного эликсира. Помимо гриба в чудесном настое большое значение придавалось киновари, которую принимали внутрь, несмотря на ее ядовитость. Отвар из гриба применялся в даосской практике, предполагавшей особый образ жизни и суровую диету (вплоть до поедания минералов и собственной слюны). Нередко гриб изображают как цветок в окружении листьев. Вероятно, здесь прослеживается связь с волшебной травой бессмертия, которая упоминается в древнекитайских легендах. Эту траву вместе со шляпкой гриба держат в клювах журавли, дарующие долгую жизнь. Образ *линчжи* символизировал счастье, здоровье и долголетие и с периода раннего средневековья стал популярным мотивом в дальневосточном искусстве.

Л.К.

Сценка, изображенная полихромными эмалями в медальоне изысканной вазы, отсылает зрителя к известному классическому роману «Хунлоумэн» («Сон в красном тереме»), написанному Цао Сюэцинем в XVIII в. Его можно назвать энциклопедией китайской жизни того времени. Сюжетную канву романа составляет история любви главного героя Бао Юя и двух его кузин — Линь Дайюй и Баочай. Однако за внешними событиями, подробными описаниями жизни многочисленных обитателей богатой городской усадьбы семьи Цзя, скрыт философский подтекст, в котором причудливо соединились древнейшие мифологические представления китайцев с даосскими и буддийскими идеями. В романе реальность и фантастика переплелись так тесно, что их сложно разделить. Главные герои знали друг друга в небесной жизни. Баоюй в прошлом был волшебным камнем, брошенным с небес на землю, где ему пришлось пройти цикл превращений и испытать «сон жизни» со всеми его земными перипетиями. Таким образом, он существо одновременно и небесное, и земное. Его потусторонняя сущность проявилась в любви к Линь Дайюй, обитавшей до начала действия романа в царстве феи Вспугнутой мечты в облике Травы бессмертия. Позже она воплотилась в прекрасную девушку и также была послана на землю. Влюбленным не удалось соединиться в земной юдоли, которая для них была сном. Бао Юй женится на Баочай, а хрупкая Линь Дайюй умирает молодой от тоски. Но герои вернутся в свою «настоящую жизнь» на небесах.

Линь Дайюй — талантливая поэтесса, чьи стихи в романе признают лучшими все участники поэтических состязаний. В миниатюрной росписи на вазе запечатлен момент, когда девушка учит попугая декламировать написанные ею сочинения.

Л.К.

Картина исполнена на сюжет известной пьесы китайского драматурга Ван Шифу «Западный флигель» (XIV в.). Студент Чжан (крайний справа), отправившись в столицу на экзамен, остановился в монастыре у знакомого настоятеля, где одновременно с ним проживали девица Инъин (крайняя слева) с матерью, младшим братом и служанкой Хуннян (изображена правее Инъин, с раскрытым веером в руке). Богатая семья первого министра, к которой принадлежала девушка, жертвовала на этот монастырь, поэтому им были выделены покои в западном флигеле — отсюда и происходит название драмы. Инъин, прогуливаясь по монастырскому саду в сопровождении верной служанки, увидела студента у окна за подготовкой к экзаменам. Чжан влюбился в девушку с первого взгляда и через служанку передал ей письмо с выражением своих чувств. Второй справа на картине — буддийский монах, вероятно, настоятель монастыря, где произошла нежданная встреча героев. Верная служанка устраивает свидание влюбленных, но мать, узнав про их отношения, запрещает дочери встречаться с бедным студентом, который еще не сдал конкурсные экзамены и не стал благородным ученым. Девушка от горя заболевает, и служанка укоряет госпожу в жестокости по отношению к своей дочери. История завершается счастливым соединением влюбленных — студент помогает монахам прогнать разбойников, которые напали на обитель, и мать девушки становится к нему более благосклонной. Чжан едет в столицу и успешно сдает экзамены.

Сюжет пьесы «Западный флигель» является популярным в китайском искусстве и используется не только в живописи и графике, но и в росписи фарфора. Наиболее часто встречаются композиции со сценой свидания молодых людей под защитой бойкой служанки, которая их охраняла.

К.П.

Ил. 30

Блюдо

Китай, сер. XX в.

фарфор, надглазурная роспись

Инв. № 11309 I

Роспись блюда выполнена в сложной технике резервации — наложения красок с помощью трафарета. Изысканные абрисы летящих бабочек легко читаются на приглушенном охристом фоне.

Две бабочки — аллюзия на тему истории любви юноши Лян Шаньбо и девушки Чжу Интай. Шестнадцатилетняя дочь богатого семейства Чжу Интай хитростью заставляет своих родителей позволить ей пойти в школу в Ханчжоу, но при условии, что она отправится под видом юноши. По пути в школу Интай встречает семнадцатилетнего школяра Лян Шаньбо, направляющегося туда же. Почувствовав друг к другу глубокую симпатию, молодые люди приносят клятву как названные братья и дальше продолжают путь вместе. На протяжении трехлетней учебы бок о бок Интай постепенно влюбляется в Шаньбо, но юноше не приходит в голову, что перед ним девушка. Чжу Интай в письме получает приказ от родителей вернуться домой. Перед уходом девушка раскрывает свое инкогнито жене учителя и дает ей нефритовую подвеску с просьбой позже передать ее Шаньбо как знак любви и обручения. Сам Лян Шаньбо провожает ее, но по-прежнему не догадывается, кто перед ним. Вернувшись в школу, Шаньбо в течение нескольких месяцев не может сосредоточиться на учебе из-за разлуки с верным другом. Видя это, жена учителя раскрывает ему тайну Интай и передает знак ее любви. Вне себя от радости юноша стремится к любимой, но, добравшись, получает неожиданный удар — господин Чжу уже давно просватал дочь за сына богатой и влиятельной семьи. Потерявший надежду Лян Шаньбо заболевает от горя и вскоре умирает. Узнавшая об этом Интай, вынужденная согласиться на замужество, по пути к месту обряда заставляет свадебную процессию остановиться около гробницы Шаньбо и молит небеса позволить ей соединиться с любимым если не в жизни, то в смерти. Раздается гром, могила раскрывается, и девушка прыгает в нее, чтобы никогда больше не разлучаться с возлюбленным. Из образовавшегося на месте погребения холма вылетают две бабочки и скрываются в заоблачной выси.

Л.К.

Великий мудрец древности Конфуций (латинизированная форма от Кун Фуцзы — «ученый муж из рода Кун», 551–479 гг. до н.э.) был основателем конфуцианства (*кунцзя*) — этико-политического учения. Его деятельность была направлена на поиск путей к преодолению раздробленности Китая и представляла собой наставления правителям, как преодолеть хаос в стране, восстановить путь к гармонии и укрепить государство. В основе учения Конфуция лежат три постулата: соблюдение жесткой социальной иерархии, или «выпрямление имен»; гуманность (*жэнь*), когда правитель должен быть человеколюбив к подданным, исполнять роль строгого, но справедливого отца; сяо — учение о почитании родителей, что означало повиновение младших старшим и одновременно большое уважение к ним. Семья рассматривалась как ячейка государства, а государство, в свою очередь, как большая семья. На этой основе появился цикл «24 притчи о сыновней почтительности». Конфуций не занимался вопросами религии, все его устремления были обращены к регулированию отношений в обществе. Тем не менее он переосмыслил культ Неба и предков в сторону усиления важности соблюдения ритуалов и церемоний, обеспечивающих гармоничное соотношение между небом и социумом. Во всем должен преобладать порядок, соблюдаться нравственные нормы.

В искусстве конфуцианская линия выразилась в четкости и симметрии, скрупулезной разработке декора, в трудоемких технологиях, требующих большого терпения и мастерства. Изображение мудреца в образе знатного чиновника с книгой или свитком в руках чрезвычайно популярно в Китае, поскольку ассоциируется с конфуцианским понятием *цзюньцзы*, которое обозначает истинно благородного человека, получившего блестящее образование, ставшего знатным и прославившего свой род. В музейной скульптуре Конфуций облачен в длинные одеяния сановника с широкими рукавами, отходящими симметрично в стороны от сложенных перед грудью рук, на которых лежит книга. Лицо с правильными чертами, несколько суровое, что подчеркивается резкими складками на переносице, мочки ушей удлиненные, на грудь спускается клиновидная борода. Китайцы верили, что изображение Конфуция обязательно принесет успех во всех начинаниях, удачную карьеру и исполнение всех желаний.

Л.К.

Картина иллюстрирует историческое предание, впоследствии легшее в основу пьесы традиционного китайского театра. По преданию, красавица Ван Чжаоцзюнь была взята в гарем императора Юань-ди (I в. до н.э.), у которого было так много наложниц, что он приказал придворному художнику нарисовать их портреты для того, чтобы оценить их внешность. Дамы бросились одаривать художника, прося изобразить их попривлекательнее. Только красавица Ван Чжаоцзюнь отказалась платить, и художник представил ее некрасивой, с рябым лицом. В результате император так и не призвал ее к себе. Однажды к нему прибыли послы от гуннов с предложением заключить мир и с просьбой отдать в жены их правителю какую-нибудь из дворцовых женщин. Юань-ди велел принести портреты и выбрал самую непривлекательную — ею оказалась Ван Чжаоцзюнь. Когда она вышла в зал, где ее ждали послы, чтобы попрощаться с императором, он, впервые увидев ее, был буквально ошеломлен неземной красотой, но сделать уже ничего не мог. Он подарил Ван лисью шубу, дал свиту в провожатые и музыкантов, чтобы ее развлекать. Позднее художник и его подмастерья понесли суровое наказание.

В картине на фоне зимнего пейзажа из ворот с надписью «Стольный град» выезжает процессия — впереди посол, следом Ван Чжаоцзюнь на белом коне, которого ведет под уздцы служанка с плетью, рядом едет верхом служанка с лютней-*пила* за спиной, два всадника сзади — вероятно, послы гуннов. В основе образа Ван Чжаоцзюнь лежит биография реальной исторической личности, имя которой со временем обросло легендами, и она вошла в число четырех величайших красавиц в китайской истории, которые «сотрясают основы государственности».

К.П.

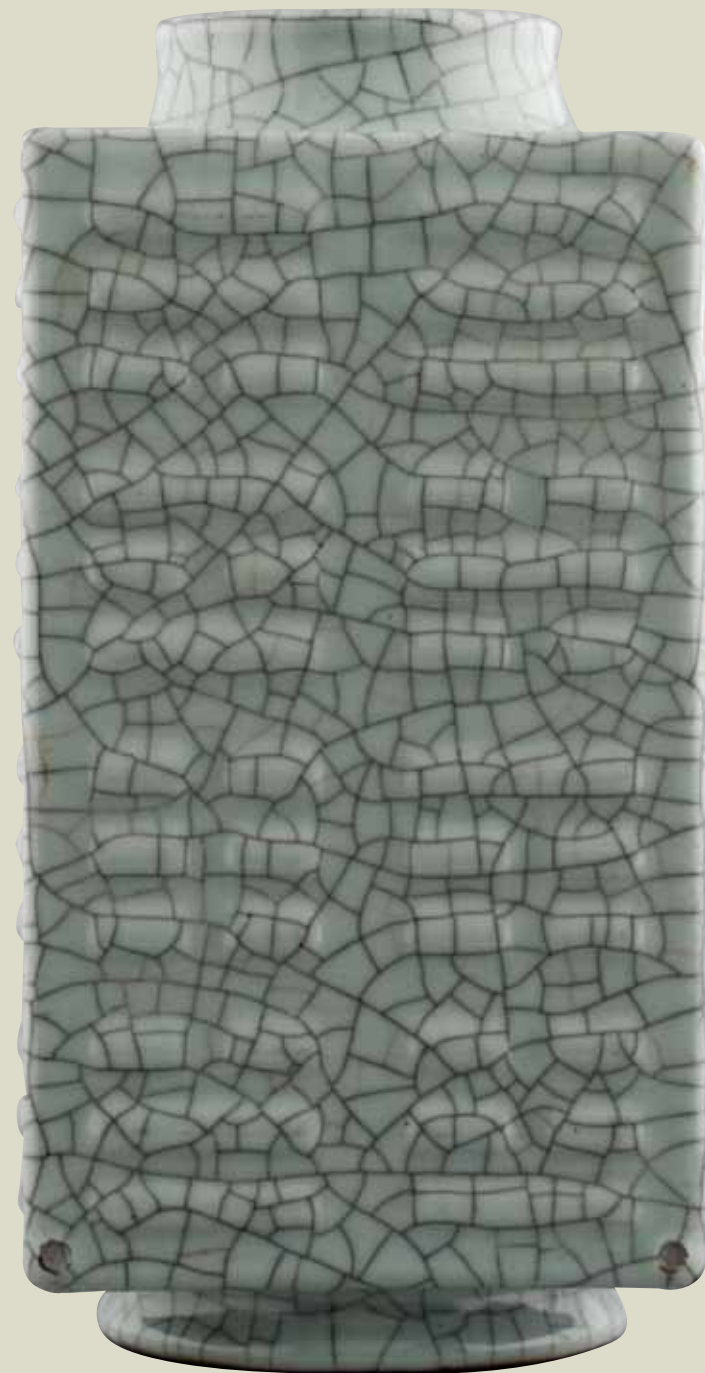

Ваза выполнена в виде ритуального сосуда *цун*, в форме и декоре которого отразились древнейшие космологические представления китайцев. Основное число Земли — четыре. Именно поэтому древняя пиктограмма, а затем и иероглиф «земля» обозначались квадратом, разделенным внутри еще на четыре квадрата. Сосуд *цун* в виде четырехгранной призмы соответствовал такой числовой символике. Внутри его имелось отверстие, куда вставлялся цилиндр, обозначавший священное соитие Неба и Земли. Древние сосуды *цун* изготавливались из нефрита с желтыми прожилками, поскольку этот цвет олицетворял Землю и идею центра.

Гармония вселенной определялась творческим взаимодействием двух великих сил — *инь* (пассивное, темное, в виде темной запятой, земное женское начало, четное число, квадрат, знак-триграмма из трех разорванных надвое горизонтальных черт) и *ян* (активное, светлое, в виде красной или светлой запятой, небесное мужское начало, нечетное число, круг, знак-триграмма из трех целых черт). Они не постоянны и бесконечно меняются местами. В день летнего солнцестояния господствует алая запятая, а зимой — черная. Триграммы представляют собой комбинации из прерывистых (Земля, женское начало) и непрерывных (Небо, мужское начало) линий. Всего их восемь, что соответствует восьми сторонам света — четырем основным и четырем промежуточным. Легенда гласит, что эти священные знаки увидел на спине огромной черепахи мифический предок Фуси, который вместе со своей супругой Нюйва создал людей, научил их охоте, рыболовству и различным ремеслам.

В искусстве воплощением взаимодействия *инь-ян* стал образ дракона с пылающей жемчужиной (молнией), символизирующий грозу, — кульминационный момент соединения посредством дождя Неба с Землей. Сочетание геометрических фигур, выражающих идею *инь-ян*, обнаруживается в узорах на древних бронзовых зеркалах, в планировке культовых сооружений (квадратный Алтарь Земли и круглый Храм Неба в Пекине) и даже целых архитектурных ансамблей.

Л.К.

Ваза украшена в сложной технике нанесения эмалей на фарфоровую основу, имитирующих причудливые разводы древней патинированной бронзы, декоративный эффект которых усилен напылением золотой краски. Применение позолоты придает сосуду особую нарядность и торжественность. На тулове вазы с помощью рельефной моделировки выполнены затейливые узоры, в которых читается маска мифического чудовища *таоте* (досл. «железное чудовище»). В древности она служила оберегом для жертвенного вина или пищи, помещенных в сосуд. Впервые эта маска появляется на бронзовых изделиях II тыс. до н.э., находимых в царских погребениях. Маска изображает голову чудовища-монстра с огромными круглыми выпуклыми глазами, мощными надбровными дугами и крупными разветвленными рогами, обычно образующими спиралеобразные изгибы. Она имеет ряд модификаций: то это выполненная в реалистическом стиле устрашающая морда монстра со свирепой разинутой пастью, то лишь часть лица с глазами и рогами, то изображенный в весьма условной манере фрагмент геометризованной личины.

По одной из версий, маска символизировала пожирание божеством жертвы, а по другой — представляла иконографический облик верховного божества-первопредка Шанди, который сочетал в себе черты человека и тотемного животного. Есть еще одно объяснение: маска *таоте* восходит к трофею, который добыл в бою благородный мифический император Хуанди, победив грозного великана Чию и поместив его голову на бронзовый сосуд. С Хуанди связано множество преданий. В переводе его имя означает «желтый император», и в соответствии с цветовой символикой он олицетворял сакральный центр вселенной. По древним мифологическим представлениям император имел лик дракона, волшебный рог и четыре глаза. Он выступает и как культурный герой — Хуанди приписывают изобретение колесницы, топора, ступки, стрел, одежды и обуви.

Л.К.

Картины с приглушенной красочной гаммой, которые выпускались в периоды государственного траура, получили название «траурные лубки». К этому типу относится представленная музейная картина, изображающая один из традиционных новогодних ритуалов. Во второй день первой луны жители старого Китая возносили в своих домах молитвы Цай-шэню, богу богатства, от которого зависело материальное благополучие семьи в наступившем году. На лубке Бог богатства в театрализованном костюме высокого сановника входит во двор в сопровождении свиты, впереди прислужник катит в тележке волшебную вазу, извергающую сокровища (они переданы в виде пирамидки из жемчужин, охваченных небесным пламенем). Рядом с богом чинно вышагивает его помощник по прозвищу Отрок. Хозяева дома почтительно вышли на крыльцо встречать гостей. Между ними идет свинья, обозначающая год свиньи в соответствии с календарным животным циклом.

В картине отразились яркие приметы XX века: чиновник, увеличивающий прибыль от торговли, летит по небу на самолете и сверху бросает во двор усадьбы атрибуты богатства — монеты, слитки серебра, жемчужину и т.д. Самолет является не единственной реалией новой эпохи — фуражка на голове мальчика, вышедшего с фонарем осветить путь дорогому гостю, застекленное окно с переплетом западного типа свидетельствуют о европеизированном быте богатого дома, в который прибыл бог богатства Цай-шэнь.

К.П.

Древняя легенда гласит, что давным-давно существовало десять братьев-солнц, которые по очереди всходили на небо. Но однажды этот порядок был нарушен, светила не захотели уступить друг другу и появились одновременно. Земля стала трескаться от жара, реки пересохли, и все живое могло погибнуть. Тогда небесный стрелок Хоу И взобрался на волшебное дерево Фусан и по очереди стал стрелять в братьев. Когда они падали на землю, то превращались в трехлапых птиц. Пощадил он только последнее солнце, которое до сих пор светит на небе. За то, что стрелок спас Землю от гибели, боги подарили ему волшебный эликсир, благодаря которому можно было парить в небесах. Его жена, красавица Чан Э, случайно обнаружив снадобье, без разрешения выпила весь флакон. Тело ее стало легким, она взлетела вверх и не могла нигде остановиться, пока не приземлилась на Луне. С тех пор она, став феей, и живет там. По другой версии, Чан Э превратилась в Лунную жабу.

Изображение на лубке наполнено реалиями нового времени — фея видит советский спутник, летящий к Луне. Чан Э стоит рядом с коричневым деревом, держась рукой за его ветку. В китайской мифологии такое дерево является символом благородного ученого, а также, поскольку цветет в сентябре, связано с праздником Середины осени, совпадающим с осенним равноденствием. В этот день катаются на лодках, любуются полнолунием, пекут лунные лепешки *юэбин* с рельефным изображением зайца, который, по одной из легенд, живет на Луне и под коричневым деревом толчет в ступе порошок для эликсира долголетия и бессмертия.

Произведение представляет собой китайскую вырезку из бумаги *чуанхуа* («оконные узоры» или «оконные цветы») — традиционный вид прикладного искусства. В такой технике создавали украшения для бумажных окон и фонариков. Раньше этим ремеслом занимались крестьянки в зимнее время, свободное от сельскохозяйственных работ, а в середине XX в. к нему обратились мастера-профессионалы. Нередко они вырезают произведения ножницами без предварительных набросков, не прерывая движение руки.

Л.К.

Легенды Японии

Ил. 37

Ваза с изображением Аматаэрасу

Япония, период Мэйдзи (1868–1912)

фарфор, глазурь, эмали, суйкин (творёное золото), роспись

Галерея «Восточная коллекция»

Аматаэрасу («Сияющая в небесах») возглавляет многотысячный пантеон синтоистских богов и богинь. Она является богиней Солнечного света и всего мира. Широко известен миф о ссоре Аматаэрасу с ее братом Сусаноо, повелителем моря и бури. Сусаноо, которого изгнали из небесной страны за неповиновение и буйный нрав, пришел попроситься к сестре. Они решили расстаться мирно и обменялись своими вещами, из которых произвели на свет богов. Аматаэрасу из меча создала трех богинь, а Сусаноо из ожерелья — пять богов-мужчин. Сестра решила, что перевес на ее стороне, поскольку создала себе новых богинь, а мужские боги тоже имеют к ней отношение, так как появились из ее ожерелья. Сусаноо разгневался и в конце концов крупно напакостил сестре — разрушил ее рисовые поля, сильно напугал ее и работавших вместе с ней ткачих, забросив в дом шкуру лошади, что считалось осквернением жилища. Оскорбленная Аматаэрасу удалилась в небесную пещеру, и мир погрузился во тьму. Боги, крайне обеспокоенные грозящей миру бедой, собрались у входа в грот и принялись уговаривать Аматаэрасу выйти, однако их усилия были тщетны. Тогда богиня Ама-но Удзумэ вскочила на возвышение (по одной версии, на перевернутый котел, по другой — на широкий пень) и начала плясать. При этом она спустила с плеч свою одежду, и довольно низко, что вызвало гомерический хохот богов. Аматаэрасу удивилась: чему так могли радоваться еще недавно глубоко опечаленные боги? Будучи хоть и божественной, но женщиной, она не удержалась и полюбопытствовала, что же там происходит. Аматаэрасу выглянула, и тут же один из богов перекрыл за ней вход в пещеру соломенной веревкой, запел петух, возвещая возвращение солнечного света (в синтоизме петух, как и все куры, считается священной птицей).

Г.Ш.

На раннем этапе формирования синтоизма (*синто* — «путь богов») Ама-но Удзумэ, или просто Удзумэ, была одной из множества божеств. В мифологии она приобрела известность благодаря своему необычному участию в истории, связанной с Аматаэрасу, богиней солнечного света. Оскорбленная братом, богиня удалилась в пещеру, и мир погрузился во тьму. Находчивая Удзумэ исполнила шаманский ритуальный танец *камикура*, символизировавший благоприятное прорастание ростков риса, и ее эмоциональные движения вызвали хохот собравшихся богов. Заинтересованная этим Аматаэрасу выглянула из пещеры, и боги загородили ей путь обратно. Когда Аматаэрасу посылала на землю своего внука Ниниги, то поручила Удзумэ сопровождать его и устранять возможных врагов. Согласно древним хроникам от Ниниги ведет свое происхождение японская императорская династия. На земле Ниниги со своей свитой встретил Сарутахико *оками*, который был главой земных божеств. Он поначалу был настроен не слишком доброжелательно и не желал подчиняться Ниниги, но не смог противостоять очарованию и соблазнительному поведению Удзумэ, на которой в конце концов женился. Сарутахико *оками* считается воплощением силы и власти, покровителем воинских искусств. Возможно, поэтому музейная фигурка Удзумэ представляет богиню сидящей на воинском доспехе.

Позднее Удзумэ получила известность в благопожелательном образе Отафуку (Большое счастье) или Окамэ (Черепаха). Сохранилась легенда, рассказывающая о том, что в одном из синтоистских храмов была служительница, которая особенно хорошо исполняла танец Удзумэ. Контур ее лица напоминал черепаху, отчего и появилось имя Окамэ. В японском искусстве сложился характерный иконографический облик Отафуку-Окамэ: у нее круглое улыбающееся лицо с полными щеками и узкими веселыми глазами. В комических пьесах *кёгэн* актер, исполняющий роль Отафуку, выступает в маске. Маска Отафуку используется и в народных праздниках. В этой ипостаси она выступает олицетворением удачи, жизненного благополучия, довольства и женской привлекательности, несмотря на утрированные черты и простонародность.

Г.Ш.

Фудзи — самая высокая гора Японии (3776 м) и самая красивая. Ее конусообразная вершина, величаво возносящаяся ввысь, видна за много километров в разных районах центральной части острова Хонсю. С древности она почитается как божественное место. Первым свидетельством этого является запись в Фудоки («Описание обычаев земель»), созданной в VIII в., в которой говорится о том, как Великий Предок совершал странствие по земле Хитати. Оказавшись вечером около горы Фудзи, он попросил о ночлеге. Дух Фудзи ему отказал, потому что был занят празднованием Ниинамэ (Осеннее благодарение). В гневе Великий Предок объявил, что отныне Фудзи будет навечно покрыта снегом и никто не сможет взойти на нее и поклоняться Духу горы.

Позднее божество Фудзи получило имена Сэнгэн (или Асама) и Конохана-сакуя-химэ. Мифическая история жизни Коноханасакуя-химэ («Девушка, заставляющая цвести деревья») зафиксирована в хрониках VII в. В фольклорном творчестве сложилась своя легенда. У молодого крестьянина по имени Ёсодзи тяжело заболела мать. Он обратился к магу, и тот посоветовал ему набрать воды из целебного источника около храма у подножия горы Фудзи. Когда юноша уже был близок к храму, дорога разветвилась на три стороны, и он не знал, по какой пойти. Неожиданно перед ним возникла прелестная девушка и показала ему дорогу к источнику. Ёсодзи сам напился чудесной влаги и набрал ее для матери. Он приходил сюда еще пять раз и не только поил водой свою мать, но и раздавал всем, кто просил. Вскоре все стали здоровыми и сильными. Односельчане горячо благодарили его, а Ёсодзи понимал, что спасибо нужно сказать девушке, открывшей ему путь к волшебному источнику. Он снова отправился в путь, но, подойдя к месту, увидел, что источник высох. Ёсодзи упал на колени и горько заплакал, а когда приподнялся, то увидел стоявшую неподалеку девушку. Он спросил ее имя, но она только молча улыбалась. Тут спустилось облако, окутало девушку и подняло ее на вершину. Ёсодзи понял, что ему помогла сама богиня горы Фудзи. Пока облако поднималось, богиня бросила ему ветку с розовыми цветами в знак своей симпатии к юноше.

Г.Ш.

Ил. 40

Кукла девочки

Япония, 1981 г.

дерево, левкас, шелк, парча, шелковые нити, резьба, роспись

Инв. № 18350 I

Ваза для икэбаны

Япония, сер. XX в.

бамбук, резьба

Инв. № 20797 I

Кукла представляет собой девочку в придворной одежде, которая надевалась для разного рода торжественных событий, например при посещении императорского двора. Хотя автор куклы не стремился к исторической достоверности, такие детали, как широкие рукава верхнего одеяния, длинные распущенные волосы и изящная поза, напоминают о женском типе периода Хэйан (IX–XII вв.). В то время было создано много замечательных образцов национальной литературы, один из них — «Такэтори-моногатари» («Повесть о старике Тэкэтори», IX в.), в сюжете которой переплелись легенды и фольклорные сказания, в том числе и китайские.

В одной местности проживал старик, который рубил бамбук и делал из него на продажу разные изделия, нужные в хозяйстве, из-за чего получил прозвище Такэтори («Тот, кто добывает бамбук»). Однажды в глубине зарослей он заметил яркое свечение, а когда подошел ближе, обнаружил в стволе бамбука чудесную крохотную девочку. Принес он ее домой и стал вместе с женой воспитывать дочку, которая росла не по дням, а по часам. Старик тем временем разбогател, потому что каждый раз, приходя в лес за бамбуком, в каком-нибудь стволе находил золотые монеты. Дочь стала дивной красавицей, и жрец дал ей имя Наётакэ-но Кагуя-химэ («Лучезарная дева, стройная, как бамбук»). Прослышав о несравненной красоте девушки, к ней стали свататься женихи — принцы, князья, министры. Особенно настойчивыми были пятеро из них, и когда они совсем уж надоели, она дала им трудное задание: найти в далеких землях волшебные вещи — ветку жемчужного дерева, платье, сотканное из шерсти огненной мыши, и др. Женихи не смогли достать эти сокровища и решили обмануть Кагуя-химэ, принеся похожие изделия. Их ожидало горькое разочарование — девушка разгадала обман. Вскоре про Кагуя-химэ прослышал император и велел доставить красавицу во дворец, но она отказалась не только от дворцовой службы, но и от встречи с императором. В конце концов выяснилось, что Кагуя-химэ была лунной феей, которую за некое прегрешение сослали на землю. Когда прошел срок наказания, явились лунные небожители, накинули на нее платье из птичьих перьев и она вознеслась на луну.

Г.Ш.

Корабль сокровищ в Японии является одним из символов Нового года. Точно неизвестно, когда появилось поверье о том, что в первые три новогодних дня на землю к людям приплывают на своем волшебном корабле семь богов счастья *ситифукудзин*, чтобы наделять различными благами верующих. Полагают, что эта группа богов стала формироваться в конце XV в., но окончательное сложение их культа произошло в период Эдо (1603–1868), когда *ситифукудзин* приобрели большую популярность, в первую очередь благодаря их благопожелательным функциям. Состав группы несколько варьировался и окончательно определился к XVII в. Трое богов — Бэндзайтэн, Бисямонтэн и Дайкокутэн — происходят из индуистского пантеона, трое других — Фукурокудзю, Хотэй и Дзюродзин — имеют китайские даосско-буддийские корни, и только один — Эбису — пришел из местной мифологии. Предыстория корабля *такарабунэ* может быть связана с «небесными лодками», на которых боги спускались с небес на землю.

Ситифукудзин изображались по-разному: в скульптуре и на картинках, всей группой и по отдельности, по два-три персонажа. Небольшого размера печатные листы с *такарабунэ*, на палубе которого располагаются боги счастья и сокровища *такарамоно*, и по сей день продаются перед Новым годом в храмах. Эти картинки кладут под подушку во вторую ночь наступившего года, чтобы приснился счастливый сон. Если же привидится что-то не очень хорошее, картинку пускают по течению реки.

Такарабунэ с сокровищами может изображаться и без богов счастья, как в данном случае. Нос корабля выполнен в виде головы дракона, на парусе — старое написание иероглифа *такара* («сокровище») и парное изображение фениксов. Дракон и феникс имеют многообразную благопожелательную символику, прежде всего — гармонии и любви. Палуба заполнена мешками с рисом, означающими богатство и процветание. Это один из символов Дайкоку. На мешках расположены другие *такарамоно*. Впереди — шляпа-невидимка (*какурэгаса*), счастливый плащ (*какурэмино*), мешок удачи Хотэя (*нунобукуро*), две пары стилизованных рогов носорога (знаки счастья), корзина Эбису, символизирующая удачу и благоденствие, три свернутых свитка, в которых записана истинная мудрость бытия. За парусом помещены слитки золота, на которых выгравирована надпись «Тысяча золотых монет».

Г.Ш.

Дайкоку (Дайкокутэн) попал в Японию через Китай из Индии, где он был гневным божеством Махакалой, охранителем веры, эманацией бога Шивы. Божество стали называть Дайкокутэном — так дословно переводится на японский язык санскритское имя Махакала («Большой черный»). Старейшее изображение Дайкокутэна в Японии датируется концом XII в. Начиная с эпохи Муромати (1333–1573) отношение к Дайкоку трансформируется, постепенно он приобретает функции покровителя земледелия, становится божеством счастья и домашнего очага (совместно с Эбису). В период Эдо (1603–1868) среди семи богов счастья (*ситифукудзин*) Дайкоку воспринимается широкими народными массами как главное божество богатства и процветания. Его постоянные атрибуты — колотушка счастья и мешки с рисом.

Значительную роль в символике Дайкоку играют мыши (или крысы). В одной из легенд рассказывается о том, что, видя, как его почитают люди, боги позавидовали Дайкоку. Повелитель загробного мира Эмма-О решил послать умного и изворотливого демона Сиро, чтобы тот перехитрил бога богатства и тем самым посрамил его. Добравшись до дворца, Сиро еле нашел Дайкоку, который спокойно сидел в одном из своих амбаров. Крыса, служившая Дайкоку, увидев Сиро, тут же побежала в сад и принесла ветку падуба, которой легко прогнала демона прочь. С тех пор в Японии существует обычай втыкать в дверную притолоку лист или побег падуба в канун Нового года как оберег от темных сил. Дайкоку также покровительствует торговле.

Скульптура представляет храмовый образ Дайкоку. Лицо и руки у него темные, что соответствует его имени. На голове божества характерный головной убор в виде берета — *дайкоку дзукин*. Нагрудник украшен тройным изображением буддийской драгоценности *ходзю* — жемчужины, исполняющей желание.

Г.Ш.

Ил. 43
Эбису
Япония, 1997 г.
папье-маше, роспись
Инв. № 21508 I

Эбису относится к древним автохтонным божествам Японии. Другие его имена — Хируко и Котосиронуси-но *ками* (Котосиронуси). Согласно мифу он, будучи первым сыном богов-прародителей Идзанаги и Идзанами, родился чрезвычайно слабым, мало похожим на человека, и был отправлен в маленькой лодке на волю морской стихии. Младенец не только пережил это испытание, но и достаточно окреп и смог самостоятельно вырасти, оказавшись на берегу. Несмотря на то что он остался хромым и глуховатым, характер у него оказался веселым, дружелюбным. Сначала его называли Хируко (Ребёнок-пиявка), позднее он получил имя Эбису (Иноземец), в котором нашло отражение его изначальное появление на земле со стороны моря. Он стал одним из синтоистских богов, соотнесенных с водной стихией.

Другая мифологическая история связывает Эбису с сыном синтоистского бога Окунинуси (Правитель великой страны) по имени Котосиронуси, который проводил много времени на море и любил ловить рыбу. Согласно легенде раз в году в десятый лунный месяц все боги отправлялись в храм Идзумо на встречу с Окунинуси. Только Котосиронуси оставался охранять оставленные богами храмы.

Со временем Хируко и Котосиронуси стали идентифицироваться с Эбису, культ которого получил широкое распространение по всей Японии. В составе группы из семи богов счастья он стал покровителем рыбаков, моряков, честных торговцев. Особую популярность Эбису получил в паре с Дайкоку. Их почитают все, кто связан с торговлей, бизнесом. Эбису всегда представляется улыбающимся, потому его называют «Смеющимся богом». Обычно его изображают с удочкой и рыбой *тай* (морской лещ), а на голове у него характерная шапка с заломом — *кадзаори эбоси*.

Г.Ш.

Ил. 44
Хотэй
Япония, XVIII в.
дерево, золотой лак, резьба, роспись
Инв. № 376 I

Хотэй (досл. «холщовый мешок») — бог удачи, довольства, охранитель детей. Его образ связывается с реальным человеком — китайским монахом, известным под именем Будаи, история о котором сохранилась в Японии, получив, правда, своеобразную интерпретацию. В Китае Будаи считался реинкарнацией Майтреи (яп. Мироку), поэтому и в Японии Хотэя почитали в дзэн-буддийских храмах как будду будущего. В народной среде смеющийся беззаботный монах с большим животом стал восприниматься как символ радости и удачи, и неудивительно, что его включили в число *ситифукудзин* — семи богов счастья. Хотэй всегда изображается с большим мешком, в котором у него лежат или *такарамоно* (сокровища), или — по другой версии — подарки для детей и тех взрослых, кто верит в него. Когда Хотэя спрашивали, что у него в мешке, как повествует одна из легенд, он отвечал: «Весь мир». Несмотря на то что Хотэй, по сути, являлся монахом, он выглядел как бездомный бродяга. Однажды люди, увидевшие его спящим под открытым небом в снежную метель, были поражены тем, что он оставался абсолютно сухим, незамерзшим и безмятежно улыбался. Говорят также, что Хотэй был замечательным рассказчиком и мог долго без остановки читать буддийские сутры и другие тексты. Его предсказания всегда сбывались, но он отказывал тем людям, кто не был готов услышать всю правду. Хотэя считают покровителем предсказателей, поваров, барменов, а также политиков, адвокатов и коллекционеров. В Японии встречаются разные вариации изображения Хотэя: с глазом на затылке, символизирующим его способность вселенского видения, и в виде игрушек, катящихся или вращающихся, что понятно в связи с его любовью к детям. Иногда Хотэя изображают сидящим в повозке, которую тащат дети.

Г.Ш.

Ил. 45
Бисямонтэн
Япония, XVII в.
дерево, резьба, золотой лак
Инв. № 20982 I

Бисямонтэн (Бисямон, известен и как Тамонтэн) является синкретическим божеством, в образе которого нашли отражения как индуистские, так и буддийские влияния. Наиболее тесно он связан с индуистским богом Вайшраваной, хранителем севера и богом богатства. В японской буддийской традиции Бисямонтэн стал трактоваться в первую очередь как защитник, охранитель не только священных территорий, но и всех людей. Его почитают как одного из небесных стражей четырех сторон света, которые охраняют священную гору Сумеру. Именно поэтому его изображают в воинском облачении с копьем в левой руке. В правой руке он обычно держит маленькую пагоду, символизирующую сокровище буддийской истины. В японском фольклоре образ Бисямонтэна обрел свои интерпретации. Одна из легенд рассказывает, что страдающий от голода крестьянин молил Бисямона о помощи. Вскоре к нему пришла незнакомая женщина и принесла миску риса, количество которого не уменьшалось в течение нескольких месяцев. Когда еда все-таки закончилась, бедолага снова обратился с молитвой к Бисямону. Пришла та же самая женщина, но уже с письмом, и сказала, куда его отнести. Адресат оказался демоном, находившимся в подчинении у Бисямона. Мужчина получил от него полный мешок риса, который уже никогда не кончался. Когда местный правитель узнал об этом необычном мешке, он велел его забрать себе, и крестьянин не посмел возразить. Однако когда мешок доставили в замок, он тут же опустел. Правителю ничего не оставалось, как вернуть его крестьянину. По народным верованиям, Бисямонтэн не только помогает сохранить богатство, но и способствует его приумножению. Он является также покровителем военных, священников, врачей и ряда других профессий.

Г.Ш.

Бэндзайтэн, или просто Бэнтэн, — единственная женщина в семерке богов счастья. Ее происхождение связано с индуистской богиней Сарасвати (Богатая водами), покровительницей музыки, поэзии, знаний, искусств, а также рек, поскольку первоначально она была богиней реки. Практически все эти функции унаследовала и Бэндзайтэн, которая позже была включена в число *ситифу-кудзин*. У нее появилась драгоценность, исполняющая желания, которая может быть нефритом или жемчужиной.

Култ Бэнтэн, начавший формироваться в Японии с VI–VII вв., тесно связан со змеями и драконами. Храмы, посвященные Бэнтэн, всегда расположены у воды. Монах буддийского храма Бэнтэн на острове Эносима, одного из трех главных храмов богини, в своих записях, сделанных в 1047 г., указал, что Бэндзайтэн является третьей дочерью Мунэцути — дракона-правителя озера, лежащего согласно буддийской космологии в центре мира. Во время праздников, проводимых в храмах, посвященных Бэнтэн, продаются вотивные картинки с изображением змей. По сей день сохраняется поверье — если в бумажник или кошелек положить кусочек сброшенной змеиной кожи, то это принесет владельцу богатство и процветание.

По одной из легенд, Бэнтэн спустилась с небес на землю, чтобы побороть дракона, который поедая детей в одной местности. Она действительно победила его, но необычным способом — богиня покорила его своей красотой, дракон исправился и умолил ее выйти за него замуж. Поэтому Бэнтэн нередко изображают вместе с драконом, как в музейной скульптуре. В поднятой руке богиня держит большой шар, означающий волшебную жемчужину. Обычно в руках у нее *бива* — музыкальный инструмент типа лютни, так как она считается патронессой людей искусства: музыкантов, актеров, танцоров и гейш. В данном случае она представлена в виде танцующей китайской красавицы, держащей в опущенной руке китайский веер.

Г.Ш.

Ил. 47
Дзюродзин
Япония, период Мэйдзи (1868–1912)
фарфор, глазурь, формовка
Инв. № 480 I

Дзюродзин является богом мудрости и долголетия, входит в семерку божеств счастья. Происхождение его связано с даосским божеством Полярной звезды. Есть также легендарная история о том, что он был историческим лицом, даосом-отшельником, жившим в Китае в период Сун (960–1279), который нашел эликсир бессмертия. Дзюродзин всегда представляется почтенным старцем с длинной бородой в китайском халате и традиционном головном уборе ученого-чиновника. Его атрибуты — посох, веер и свиток, символизирующий мудрость божества. Старец, по народному поверью, обладает способностью понимать язык животных и птиц, и его часто изображали с оленем. Китайцы считали оленя умным животным, который с возрастом становится все более мудрым. Олень, проживший две тысячи лет, обретает черный цвет. Спутниками Дзюродзина помимо оленя могут быть журавль и черепаха, также связанные с символикой долголетия. Как ни странно, но этому богу приписывали такие слабости, как любовь к вину и женскому обществу. В одной легендарной истории говорится, что Дзюродзин был приглашен на императорский пир. Никто не знал, кто он на самом деле. Вина было предостаточно, и он пил сверх меры до самой ночи. Императору бог объяснил, что он родом с юга, где принято много пить. На следующий день он явился во дворец, чтобы поблагодарить императора, который был несказанно удивлен тем, что гость оказался абсолютно трезвым и бодрым. Когда правитель попросил гостя назвать свое имя, подозревая, что перед ним не обычный человек, Дзюродзин предсказал процветание императорского правления и исчез, оставив после себя легкое облачко.

Г.Ш.

Ил. 48
Фукурокудзин
Япония, период Мэйдзи (1868–1912)
фарфор, глазурь, эмали, роспись
Инв. № 20609 I

Имя божества Фукурокудзю состоит из трех иероглифов, означающих счастье, богатство и долголетие. Считается, что в этом образе японцы объединили трех китайских благопожелательных божеств — Фусина, Лусина, Шоусина. В составе *ситифукудзин* (семи богов счастья) Фукурокудзю является божеством долголетия, имеет облик старичка маленького роста с высоким лбом и большой белой бородой, в китайском монашеском плаще. Традиционные его атрибуты — посох и свиток, в котором записаны судьбы всех людей. Часто он изображается вместе с белым оленем и черепахой, животными, которые являются долгожителями. Фукурокудзю — единственный из семи богов счастья, обладающий способностью возрождать умерших. Будучи большим любителем шахматной игры, Фукурокудзю якобы однажды выразил следующее мнение: «Действительно велик тот, кто наблюдает игру в шахматы без обсуждения». Известна легенда, повествующая о молодом крестьянине, который, идя по своим делам, увидел под деревом двух мужчин, играющих в шахматы. Юноша подошел и стал с интересом следить за игрой. Старик с белой бородой угостил его кусочком необычной еды, которая моментально утолила голод. К концу дня молодой человек спохватился, вежливо попрощался с игроками и отправился домой. Однако когда он пришел в деревню, то не нашел своего дома. Оказалось, что прошел не один день, а минуло два столетия с тех пор, как он отправился в лес.

Г.Ш.

Ил. 49

Дарума

Япония, 1957 г.

папье-маше, глина, раскраска

№ 1467 ДВ II

Традиционная фигурка Дарумы, выполненная из папье-маше, считается игрушкой (яп. *омотя*), но фактически является талисманом, оберегом, получившим особую популярность в новогодние праздники. Прообразом этой игрушки стал легендарный буддийский монах Бодхидхарма, живший в VI в. По-японски его имя произносится как Бодай Дарума. Он пришел из Индии в Китай, где основал монастырь Шаолинь и создал учение *чань*-буддизма (яп. *дзэн*-буддизм). Широкую известность получила история о его медитации в пещере в течение девяти лет, после чего у него отнялись ноги — он боролся со сном, сохраняя благодаря своей сверхъестественной силе воли вертикальное положение.

Самый известный образ Дарумы — это *омотя* округлой формы с ярко-красным туловом, на которое нанесены вертикальные золотые полосы, а впереди обычно написан скорописью иероглиф *фуку* («счастье»). Фигурки Фуку Дарумы разных размеров покупаются на новогодних базарах. На месте глаз у них нарисованы только кружки. Загадывают желание и рисуют Даруме левый глаз. Если в течение года задуманное исполняется, рисуют второй глаз, фигурку ставят на полку, а потом относят в храм, где в первые дни Нового года старые Дарумы сжигаются. Фуку Даруму приобретают также перед важными событиями в жизни, например перед бракосочетанием. Игрушка стала символом стойкости и целеустремленности. В ее основание помещается груз, обычно глина, что придает ей устойчивость. Эта особенность породила поговорку: «Семь раз упасть и восемь раз подняться, как Дарума».

По сей день большая часть игрушек типа Фуку Дарума производится в городе Такасаки (префектура Гумма). Сохранилось предание о том, что основатель дзэнского монастыря Сёриндзан еще в XVII в. раздавал местным крестьянам картинки с обобщенным изображением Бодхидхармы в качестве оберега от бед и несчастий. В XVIII в. девятый настоятель храма на основе этого рисунка вырезал из дерева форму и посоветовал окрестным жителям использовать ее для создания фигурок Дарумы из сложенной в несколько слоев мокрой бумаги, чтобы продавать их и иметь какой-то дополнительный доход, что особенно важно было в неурожайные годы.

Г.Ш.

Китайский легендарный персонаж Циньгао получил известность в Японии под именем Кинко. В период Эдо (1603–1868) был переведен и напечатан китайский трактат, посвященный биографиям бессмертных («Рэссэндэн»), одним из которых считался Циньгао. Согласно этому источнику Циньгао был советником Янь-вана (328–280 гг. до н.э.), правителя государства Су, существовавшего в то время на территории Китая. Циньгао был ученым мудрецом, ставшим со временем бессмертным.

Люди с раннего времени мечтали о долголетию и других жизненных благах. В Китае эта тематика получила отражение в даосизме, представляющем собой религиозно-философскую традицию, в основе которой лежит идея о Дао, или Пути вещей. Следовать Дао означает плыть, не сопротивляясь потоку жизни, сохраняя при этом гармонию равновесия полярных сил — позитивной *ян* и негативной *инь*. С этой целью в даосизме появились особые практики и методы достижения абсолютного здоровья и долголетия. Наглядными примерами выступали бессмертные, о которых были сложены разные легенды. В Японии даосизм не получил сам по себе какого-либо распространения, но был известен в контексте традиционной китайской культуры. Идея не столько о бессмертии, сколько о долголетию была привлекательна и для японцев, поэтому образ Циньгао (Кинко) приобрел популярность в период Эдо как символ долгих лет жизни. Сложилась устойчивая иконография: его изображали сидящим на большом карпе.

В легендарной биографии Кинко говорится о том, что он превосходно играл на *цине* (щипковый инструмент типа цитры) и был замечательным художником, особенно любя рисовать рыб. Однажды, когда он сидел на берегу, из воды показался огромный карп, царь рыб, и пригласил его в гости в свои подводные владения. Через два месяца ученики Кинко собрались на берегу реки и вскоре увидели, как из глубины, сидя на спине карпа, появился их учитель. Кинко недолго оставался на земле. Завещав ученикам никогда не причинять вреда рыбам, он исчез в воде, сам превратившись в карпа.

Г.Ш.

Журавль — очень значимая птица в культуре дальневосточных стран. В «Исторических записках» Сыма Цяня рассказывается о некоем князе Пин, правившем в IV в. до н.э. Однажды, когда князь музицировал, журавли, услышав прекрасную музыку, которая была понятна лишь существам высокой добродетели, постучали клювами в дверь и, когда их впустили в покои князя, стали танцевать. Так обнаружилась проникновенная мудрость этой чудесной птицы. Журавль стал воплощением чистоты духа, возвышенности мыслей, одним из самых известных символов долголетия и бессмертия. В природе журавли многогамны, и это дало повод связать с ними еще одно символическое значение — супружескую верность и гармонию в браке.

Красивая благородная птица в японских легендах и сказках всегда представляется как светлый, добрый, благодарный персонаж. Есть несколько сказок, в которых журавль превращается в девушку, чтобы помочь своим спасителям. Так, в сказке «Как журавль за добро отплатил» старый крестьянин освободил журавля, попавшего в силоч. В тот же зимний вечер в его дом постучала незнакомая красивая девушка, сказав, что заблудилась в метели. Крестьянин с женой были рады милой гостье, предложили ей остаться и стать им дочкой. Девушка согласилась и сказала, что зовут ее О-Цуру и за их доброту она наткет им хорошего полотна, но велела не заглядывать в комнату, где будет работать. Полотно действительно получилось замечательным, и торговец тканями щедро заплатил за него. Бедные люди обрадовались, но, когда торговец пришел второй раз за чудесным полотном, старик отказал ему, т.к. заметил, что дочка похудела и побледнела, пока ткала. Тогда торговец пригрозил, что вообще перестанет покупать у них ткань. Старики испугались, опасаясь, что им не на что будет жить, а дочка сказала, что наткет еще, но это будет в последний раз, и опять попросила не заглядывать в комнату. Она продолжала работать, и, когда пришел торговец и без разрешения раздвинул дверные створки, он увидел журавля, который выдергивал из своих крыльев самые мягкие перышки, из которых ткал дивное полотно. После этого девушка улетела, оставив старикам на память свою ткань.

Г.Ш.

Ил. 52

Яги Хадзимэ (р. 1925)

Комод

Япония, 1957 г.

дерево, лак, перегородчатая эмаль

Инв. № 12445 I

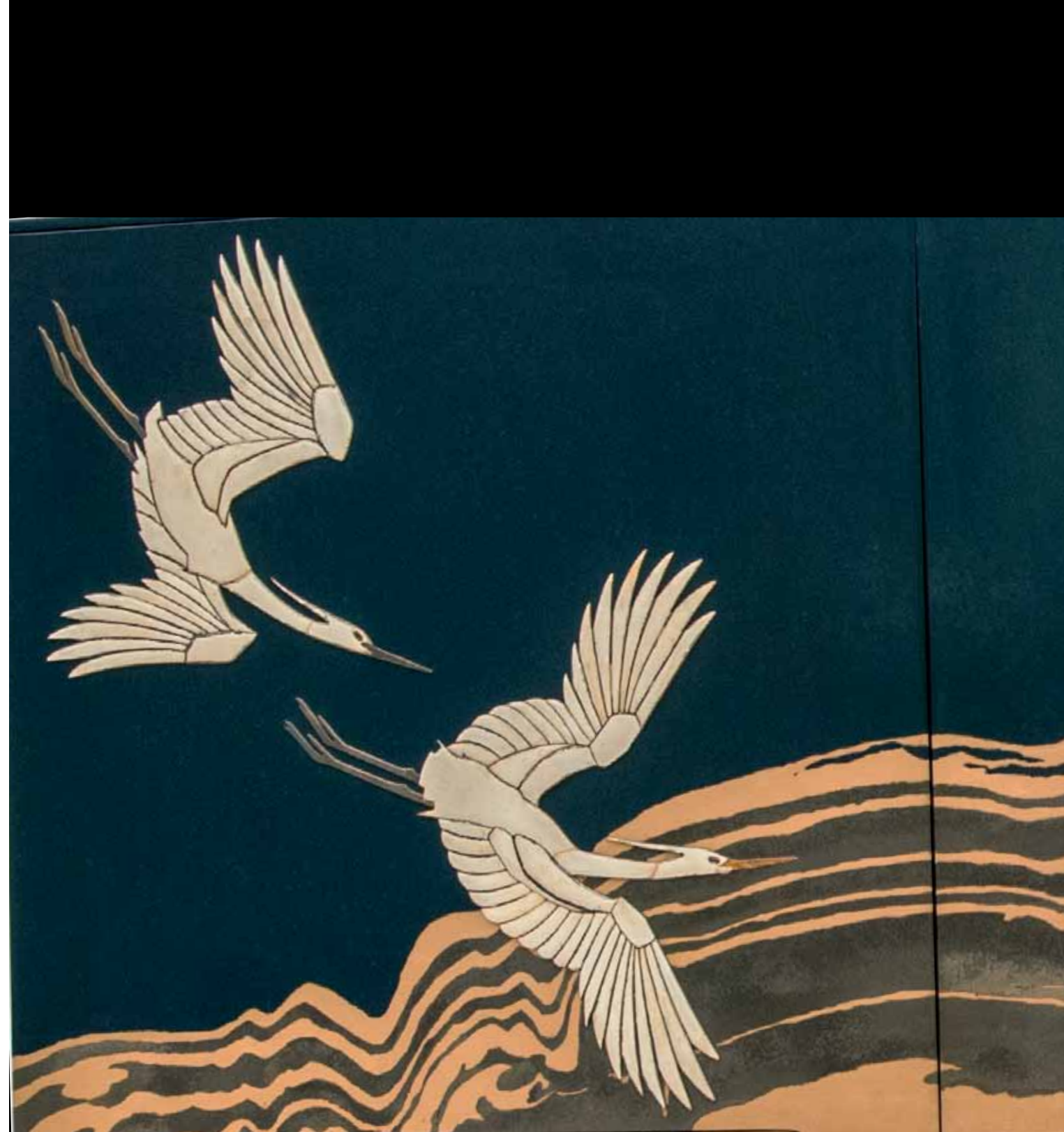
Комод — невысокий шкафчик с полкой, который в традиционном японском доме располагался рядом с *тигаидана* (полки около ниши *токонома*). На комодке выполнена декоративная сцена с фигурами трех белых птиц, летящих над волнами. Обычно так изображают журавлей, но в данном случае небольшие хохолки на головках птиц говорят о том, что это белые цапли *сирасаги*.

Белые цапли, как и журавли, считаются возвышенными существами, воплощениями светлого начала, символами долголетия. В буддизме белая цапля вместе с белым лотосом олицетворяет чистоту. Буддисты также оценили способность *сирасаги* долго стоять на одной ноге с закрытыми глазами, но при этом не спать. Это было столь похоже на состояние медитации, что птица стала олицетворением благочестия (на самом деле цапля, стоя неподвижно, караулит добычу). В дзэн-буддизме образ цапли интерпретируется как символ печали перед последующим просветлением.

С цаплями связана история человека по имени Окада, который был птицеловом. Две его дочери, приверженные последовательницы буддийского учения, очень огорчались по поводу несправедного занятия отца. Однажды они узнали, что отец собирается ночью охотиться на *сирасаги*, и решили воспользоваться этим случаем, чтобы направить его на истинный путь. Поздно вечером, до того как отец вышел из дома, девушки надели белоснежные одеяния и отправились на побережье. Когда Окада пришел туда, он издали заметил белеющие в темноте ночи пятна и, приняв их за птиц, выстрелил. Когда он подошел ближе, то увидел, что это его собственные дочери. Он понял, что они пожертвовали собственными жизнями ради спасения его души. Окада совершил погребальный обряд, после этого обрил голову и стал монахом в удаленном горном монастыре.

Г.Ш.

Минамото Ёсицунэ (1159–1189) принадлежит к числу наиболее прославленных героев средневековой Японии. В его жизни было много необычных событий, сражений, дружеских отношений и предательств. Ему посвящены литературные произведения и народные легенды, в которых он предстает мужественным, сильным, искусным воином. Со временем он стал олицетворять идеал самурайской доблести и чести. В качестве поучительного образца для подрастающего поколения его изображения включались в оформление Праздника мальчиков (5 мая).

Отец Ёсицунэ был главой феодального рода Минамото, и Ёсицунэ был его девятым сыном. Между Минамото и Тайра, другим влиятельным военным кланом, началась жестокая борьба за верховную власть в стране, в ходе которой отец Ёсицунэ погиб. В семилетнем возрасте мальчика отдали на попечение в буддийский храм на горе Курама неподалеку от столицы Хэйан (Киото). Через несколько лет он узнал о том, как погиб его отец, и решил отомстить за него. Он ушел от монахов и стал усердно заниматься боевыми искусствами. Согласно одной из легенд обучали его воинскому мастерству горные духи *тэнгу*. Превосходно освоив тайны владения мечом, юный Усивакамару (детское имя Ёсицунэ) победил знаменитого монаха Бэнкэя в схватке на мосту Годзё. Огромный неукротимый монах поклялся, что отнимет 1000 мечей у проходящих по мосту воинов и отдаст их на строительство храма. Ёсицунэ оказался как раз тысячным проходящим, на которого напал Бэнкэй, но юный воин одержал уверенную победу, после чего Бэнкэй стал его верным спутником и слугой.

Другая легенда рассказывает о том, что Ёсицунэ смог прочитать «Лютао» — секретный китайский трактат о боевом искусстве, который позволял изучившему его приобрести поистине феноменальные способности. Копия этого трактата хранилась в доме известного гадателя, который был сторонником Тайра. Ёсицунэ стал каждый вечер играть на флейте перед домом гадателя, чем пленил его дочь. Влюбленная девушка достала для Ёсицунэ тайную книгу, и он освоил ее за 60 дней. После этого он оставил красавицу и отправился к своему старшему брату Ёритомо, чтобы вместе начать борьбу против клана Тайра.

Г.Ш.

В самом раннем возрасте японские дети знакомятся с легендарным персонажем Момотаро, который стал образцом героя, смелого, настойчивого в достижении цели, уверенного в победе. Он появился из большого аппетитного персика, который приплыл по реке в то место, где пожилая крестьянка полоскала белье. Женщина поймала чудесный подарок и отнесла домой, чтобы полакомиться вместе с мужем, но... плод оказался необычным. Когда персик (момо) хотели разрезать, он неожиданно треснул и из него выскочил крепкий веселый малыш, который попросил стариков не пугаться. Он поведал им, что появился по велению небесных богов, которые пожалели бездетных супругов и послали им его в качестве сына. Старик со старухой очень обрадовались и назвали его Момотаро («Мальчик-персик»). К пятнадцати годам Момотаро стал мужественным красивым юношей, превосходившим всех силой и отвагой. Потянуло его на подвиги, и отправился он на далекий остров, где жили черти, чтобы покарать их за набеги на родную страну. По пути к нему присоединились собака, фазан и обезьяна, которым он дал по рисовому колобку, что испекла ему в дорогу мать, и силы их удесятились. Закончился поход полной победой, одержанной маленькой дружиной, и захватом богатой добычи.

Куклы разного размера, изображающие Момотаро, стали использовать в оформлении Праздника мальчиков, который получил повсеместное распространение в эпоху Эдо. В домах, где росли сыновья, к этому дню устанавливали ступенчатую горку, покрытую зеленым или синим сукном. На самом верху помещали куклу, представляющую самурая в полном воинском облачении (иногда выставляли только доспехи). Ниже располагали символические предметы, имеющие отношение к древнему обряду очищения, и кукольные образы прославленных героев, напоминавшие мальчикам о том, что они должны расти храбрыми, сильными, верными долгу и чести. Куклы, если они были несколько большего размера, могли ставиться и рядом с горкой.

Г.Ш.

Сюжет росписи блюда воспроизводит историю, произошедшую с *сёгуном* (военным правителем) Минамото Ёритомо (1147–1199). После победы над соперничавшим с ним родом Тайра он добился утверждения императором своего нового титула — Сэйитайсёгун («Великий полководец, карающий варваров»). В 1192 г. Ёритомо основал свою резиденцию в небольшом местечке Камакура, где решил отпраздновать победу над Тайра. Он пригласил на охоту у подножия горы Фудзи большое количество людей, среди которых были князья и другие знатные и прославленные персоны. На третий день под стрелы охотников попал огромный дикий кабан. Разъяренный, он бросился прямо на Ёритомо, разметаю окружавшую его свиту. Не растерялся только один самурай по имени Тадацунэ: он вскочил на спину кабана, усевшись задом наперед, схватил зверя за хвост и убил. *Сёгун* оценил его находчивость и храбрость и пожаловал ему большой земельный удел. Кульминационное изображение на блюде является иллюстрацией этого эпизода.

Кабан в Японии считался самым смелым зверем, поскольку он всегда прямо мчался навстречу противнику и никогда не отступал. Он стал персонажем ряда легенд. Согласно мифологической версии династия японских императоров начинается в VI в. до н.э. С одним из них — Юряку (457–479) — связана следующая история. Будучи еще наследным принцем, Юряку однажды совершал восхождение на гору Кацураги. Неожиданно на него напал дикий кабан. Молодой человек выпустил стрелу, но кабан продолжал мчаться, подступая все ближе и ближе. Юряку испугался и быстро залез на большое старое дерево. Неизвестно, каким образом произошло его освобождение, но, как говорит предание, Юряку, еще сидя на дереве, сложил стихотворение, в котором описал эту ситуацию. Спустя века эта история получила неожиданный поворот — появился сюжет, в котором Юряку убивает кабана ударом кулака.

Г.Ш.

Ил. 56
Утки-мандаринки
 Япония, втор. пол. XIX в.
 керамика, глазурь, эмали, творёное золото, роспись
 Инв. №№ 2374/1–2 I, 4050/1–2 I

Пара декоративных шкатулок выполнена в форме уток-мандаринок (*осидори*), образы которых согласно традиционной символике означают верность и супружескую гармонию. Эти красивые птицы в природе живут неразлучной парой, что дало повод к сложению ряда легенд и сказок, например, о том, как князю одной из провинций охотники принесли селезня *осидори* дивной окраски. Князь созвал приближенных полюбоваться птицей. Среди его свиты был доблестный самурай, который после потери глаза в бою не мог больше участвовать в сражениях. Он тосковал в замке, часто уходил в лес, проводя там часы, вспоминая свою прежнюю жизнь воина. Когда князь позвал его посмотреть на селезня, самурай увидел в глазах птицы тоску по свободе, что было ему очень понятно. Осмотрев ров с водой, окружавший замок, он заметил там печальную самочку *осидори*. Самурай сказал господину, что дикую птицу не стоит держать в клетке, но князь только разгневался на него. Между тем селезень отказывался от еды и заметно слабел. Среди челяди была молодая служанка, которая пожалела его и, пробравшись ночью к клетке, открыла дверку. А самурай в эту ночь увидел во сне, как селезень улетает. Наутро князь, обнаружив пустую клетку, обвинил самурая в том, что это он выпустил птицу. Воин ответил, что видел только сон про улетевшего селезня. Князь не поверил ему и приказал его казнить. Служанка, услышав приговор, призналась, что это она освободила птицу. Князь велел обоим заключить под стражу и наутро казнить. Вечером в замок пришли два богато одетых человека и сказали, что по приказу императора надо привести ко двору всех, кому вынесен смертный приговор. Князь не мог ослушаться повеления императора, но в ожесточении велел связать самурая и девушке руки за спиной и отправить в путь в ту же ночь одних, без сопровождения. Идти им предстояло через большой лес, где водились дикие звери. Однако вскоре позади раздался мягкий шелест крыльев, и самурай почувствовал, что его руки свободны. Он развязал руки девушке, и, пройдя совсем немного, они вышли на опушку. Молодые люди полюбили друг друга, поселились подальше от княжеского замка и счастливо прожили долгую жизнь, с благодарностью вспоминая пару *осидори*.

Г.Ш.

Ил. 57
Манэки-нэко
 Япония, 1998 г. (слева, центр), 2013 г. (справа)
 фарфор, керамика, кобальт, глазурь, роспись
 Частное собрание

О происхождении *манэки-нэко*, или «манящего кота», существуют разные версии. Одна из наиболее старых, письменно зафиксированных историй, связана с храмом Готокудзи в Токио. В ней говорится о том, что в 1615 г. настоятель этого храма приютил бездомного кота. Храм находился в плачевном состоянии, денег на ремонт и достойное его содержание не было. Как-то настоятель посетовал, обращаясь к своему питомцу: «Я не виню тебя за то, что ты не можешь помочь, ты ведь всего лишь кот. Вот если бы ты был человеком, тогда бы ты мог что-нибудь делать в храме». Вскоре после этого мимо Готокудзи проезжал *даймё* (князь) Ии Наотака (1590–1656), со славой возвращавшийся из военного похода. Внимание его привлек сидевший у храмовых ворот кот, манивший лапой. Он спешился и вошел на территорию, где был встречен настоятелем. Мудрый монах произвёл на *даймё* большое впечатление, и он дал средства на восстановление обители, которая позднее стала родовым храмом семьи Ии. В начале весны в Готокудзи проводится церемония, посвященная «коту-благодетелю», и продаются *манэки-нэко*. Из этого храма происходит фигурка, изображенная в центре иллюстрации. Существует много разновидностей этой игрушки-талисмана, которую делают из глины и фарфора, папье-маше и дерева. Сохранились и старинные каменные изображения, а сегодня используют и современные материалы. У *манэки-нэко* выделяются четыре особо значимых элемента: поднятая лапа, нагрудник, цвет и монета. Наиболее распространенная версия трактует поднятую левую лапу как приманивающую деньги, а правую — удачу. Согласно другому варианту левая привлекает клиентов, правая — деньги. Прежде цвета *манэки-нэко* были не столь разнообразны, как в настоящее время, и имели определенное значение. Так, купцы Киото любили черных котов, а в Эдо (Токио) предпочитали белых. В некоторых местах черные фигурки считались талисманами против болезней, а красные оберегали от кори. Монета на шее появилась благодаря легенде о коте, который украл две золотые монеты у своего богатого хозяина, чтобы отдать их заболевшему соседу-торговцу, который постоянно угощал его рыбой.

Г.Ш.

Хризантема была завезена в Японию из Китая и давно стала олицетворением красоты осеннего времени. Девятого сентября празднуется *Кику-но сэкку* («Фестиваль хризантем»). С этим замечательным цветком связан целый ряд легенд. Одна из них повествует о двух сестрах — Сирагику («Белая хризантема») и Кигику («Желтая хризантема»), которые росли на диком лугу. Как-то раз мимо них проходил старый садовник, и ему очень приглянулась Желтая хризантема. Он предложил ей переселиться в его сад и обещал самый заботливый уход. Кигику, забыв про сестру, с радостью согласилась. Садовник бережно вынул ее из земли и перенес в свой сад, где она превратилась в изысканный цветок с длинными волнистыми лепестками. Белой хризантеме было горько остаться одной и чувствовать себя отвергнутой. Но однажды и ее судьба переменилась. В сад, где царила прекрасная Кигику, пришел слуга *даймё* (князя), который искал хризантему для того, чтобы создать *мон* (герб) для господина. Садовник с гордостью показал ему Желтую хризантему, но слуга сказал, что она слишком изнеженна и изящна и не подходит для образца. По пути домой он заметил на лугу скромную Белую хризантему и был пленен ее чистой красотой. Когда Сирагику принесли в замок *даймё*, все присутствующие восхитились совершенством ее формы и безупречностью белого лика. Были приглашены знаменитые художники, которые нарисовали изображение Белой хризантемы на самых важных и ценных вещах *даймё* — на доспехах, лакированной утвари, на кимоно, на занавесах, на резных панелях. Желтая хризантема цвела лишь для себя, с удовольствием выслушивая похвалы посетителей. Когда пришел срок, она увяла, и все забыли про нее, а Белая хризантема стала символом безупречного совершенства.

Г.Ш.

Ил. 59

Лиса

Япония, 1980-е гг.

дерево, резьба

Инв. № 18381 I

Кукла

Япония, 1981 г.

васи (японская бумага), роспись

Инв. № 18329 I

В Японии, как и в Китае, лиса всегда считалась необычным существом. Она стала постоянным спутником синтоистского бога Инари, главной функцией которого было покровительство рисового земледелия. В храмах, посвященных Инари, всегда находятся парные скульптуры лис, символизирующих благожелательность и недоброжелательность, поскольку бог Инари не всегда бывает добрым. В народных легендах и сказках ярко отражена способность лисы к магическим перевоплощениям. Чаще всего они превращались в красивых женщин, которые иногда становились женами обычных мужчин.

В одной из таких историй рассказывается, что во время облавы на лис, которая была устроена для императора, к охотнику по имени Ясунари убежала тысячелетняя белая лисица. Она стала умолять его спасти ей жизнь, хотя бы до того времени, пока она не родит потомство. Пожалел ее Ясунари, отпустил. Император, узнав об этом, страшно разгневался и отправил Ясунари в дальнюю ссылку. Его жена Кудзуноха не захотела с ним поехать и осталась в столице. Молодой придворный, едва добравшись до места, тяжело заболел от тоски по любимой супруге. Слуги заботливо ухаживали за ним, но он все больше слабел. Однажды во дворе появилась женщина, как две капли воды похожая на Кудзуноху. Она хотела войти в дом, но не могла переступить порог, потому что на двери был охранительный амулет. Она попросила слугу снять амулет и прошла к больному. Ясунари обрадовался, что жена приехала, и стал быстро поправляться. Зажили они душа в душу, родился у них мальчик, которого нарекли Досимару. Прошло время, и император пожаловал прощение опальному слуге. Забрать мужа в столицу приехала настоящая жена и увидела свою точную копию. Ясунари растерялся и велел обоим посчитать свои года. У одной вышло тридцать три года, а у другой тысяча три года. Покидая со слезами мужа и сына, белая лисица сказала на прощание, что тот, кому она дорога, сможет найти ее в лесу Синода.

Г.Ш.

Ил. 60

Театральные куклы Бунсити и Мусумэ

Япония, 1981 г.

дерево, парча, левкас, шелк, бамбук, металл

Инв. №№ 18429 I, 21878 I

В Японии начиная с XVII в. получил развитие кукольный театр Бунраку, известный также как *нингё дзёрури* (*нингё* — «кукла», *дзёрури* — устная форма рассказа в сопровождении игры на щипковом музыкальном инструменте *сямисэне*). Название Бунраку происходит от имени Уэмура Бунракукана (1737–1810), который впервые стал показывать кукольные спектакли в Осаке. Известно более 70 типов театральных кукол, к основным из которых относятся самурай Бунсити, исполняющий главные роли, и молодая девушка Мусумэ, олицетворяющая идеал женской красоты.

Сохранилась история о кукловоде Мосаэмоке с острова Авадзи. Каждую весну он добирался до горных селений, где устраивал замечательные представления со своими куклами. Закончив выступления, он возвращался домой, а кукол оставлял в сундуке у кого-нибудь из местных жителей до следующей весны. Куклам было обидно лежать в тесном ящике в дальней кладовой, и они роптали. «Мы не простые бесчувственные куклы, — сердилась самая лучшая из них, игравшая роли самураев. — Нас наряжают в людские платья и выводят на сцену, чтобы мы людей изображали. В этом наше высокое призвание. А нас свалили как попало в сундук, словно старую ненужную ветошь. О жестокость! О неблагодарность!» Чтобы развеять тоску и скуку, куклы брали со дна сундука гонги и барабаны и поднимали большой шум. Прохожие, слышавшие по вечерам эти звуки, поначалу думали, что это веселятся гости у хозяина. Как-то раз один человек из любопытства заглянул в кладовую и увидел, что она пуста, а из дальнего угла раздаются голоса. Он помчался к хозяину и рассказал ему, что происходит в кладовой. Когда хозяин дома пришел туда со своими домочадцами, то они застали самый разгар незримого представления, которое происходило в запертом сундуке. Послали человека за Мосаэмоном. Он вскоре приехал, открыл сундук, и все увидели, что куклы спокойно лежат на своих местах. Загадку разрешил знаменитый сказитель *дзёрури* Такэмото Гидаю, который оказался проездом в том селении. Он сказал, что это не простые куклы, а актеры и к ним нужно относиться уважительно, как к людям. Если все-таки приходится их убирать на время, то следует это делать бережно. Мосаэмон последовал этому совету, и с тех пор его куклы перестали жаловаться на свою жизнь.

Г.Ш.

Мукаси-мукаси, то есть «давным-давно», — так начинаются многие японские сказания и легенды, в которых увлекательный поучительный сюжет повествует о добром и злом началах в людях. Таковой является известная история о старике, получившем необычное имя Ханасака («Распускание цветов»). Этот старый крестьянин тихо жил со своей женой, выращивая урожай на маленьком поле. Детей у них не было, и всю свою нерастрченную любовь они отдавали собаке Сиро. Старики баловали его лакомыми кусочками еды, а Сиро преданно служил им, охраняя дом и поле. Однажды Сиро подбежал к хозяину и потащил его на край поля, где росло старое дерево. Там он начал лапами рыть землю, старику пришлось взять мотыгу и тоже копать. Копнув раза три, он обнаружил золотую монету, потом еще и так нашел целую горку блестящих новеньких золотых. Старики поделились радостью с соседями, а среди них был злой и завистливый человек, который терпеть не мог Сиро и всегда его ругал. Тем не менее он на следующий же день попросил старика дать ему песика на время. Тот удивился, но позволил взять собаку. Злому соседу не удалось заставить Сиро найти клад, вместо этого он откопал помойную яму. В ярости он убил собаку. Когда же хозяин собаки пришел за ней, сосед признался, что убил Сиро, но в свое оправдание наговорил напраслину на бедного пса. Старик опечалился и попросил у соседа срубить дерево, под которым был закопан Сиро. Сосед разрешил, и старик вместо собаки принес домой ствол дерева. В память о верном друге он вырезал из дерева большую ступку и пестик и стал толочь в ней просо для лепешек, чтобы помянуть Сиро. Ступка намолотила им не только большую горю муки, но и готовых вкуснейших лепешек. Опять повторилась история с соседом, который попросил на время ступку, но получил из нее собачий помет и в ярости сжег ее. Бедный старик собрал пепел от ступки и, придя домой, посыпал немного пепла в саду. Произошло чудо — зацвели засохшие сливы и сакуры, хотя время было не весеннее. Спустя некоторое время старика позвали оживить деревья в княжеском саду. Князь щедро наградил старого крестьянина и дал ему имя Ханасака. Злой сосед тоже попробовал повторить волшебство с пеплом, но только засорил глаза князю и его свите, за что угодил в темницу.

Г.Ш.

Ил. 62

Тэраи Наодзи (1912–1998)

Совы (Любовь)

дерево, лак, яичная скорлупа, ткань, роспись

Инв. № 12362 I

В современной Японии сова считается одним из благоприятных символов, поскольку слово *фукуро* не только обозначает сову, но и понятие «без проблем, без неприятностей», и ее изображения в разных вариантах приобрели большую популярность. В разных районах Японии сову наделяли разнообразными качествами — где-то она служила предсказателем погоды, где-то путеводной птицей, но чаще всего сова связывалась с темным, загробным миром. Несмотря на это, японские художники отдавали должное выразительности этой птицы и охотно делали ее изображения в технике монохромной туши.

Сова не часто, но встречается в японских легендах и сказках. В одной из них говорится о том, что в далекую старину Ворон был совершенно белым. А Сова в то время занималась крашением птичьих оперений, и заказы у нее не переводились. Посмотрел Ворон, в каких ярких нарядах щеголяют другие птицы, и тоже решил преобразиться. Пришел к Сове и попросил покрасить его в самый красивый цвет. Сова не возражала, но стала уточнять, что предпочитает ворон: «Хочешь голубое платье, как у Цапли? Хочешь узорчатый наряд, как у Сокола? Хочешь пестрый, как у Дятла?» Ворон заказал самый необыкновенный, какого ни у кого больше нет. Оставил свое платье и улетел. Сова долго думала и придумала — покрасила одежду в черный-пречерный цвет. Когда Ворон увидел свое платье, разгневался и бросился на Сову, та еле увернулась. С тех пор Ворон и Сова стали врагами. Пока Ворон днем летает, Сова прячется в дупле и только ночью осмеливается отправляться на охоту.

Тэраи Наодзи, мастер лаковой росписи, был удостоен звания «живое национальное достояние». Замечательно изобразив совиную семейку на старой иве и еще одну птицу, сидящую в отдалении, он называет картину «Любовь», предлагая зрителям по-своему, более широко трактовать этот сюжет.

Г.Ш.

Прославленная поэтесса и красавица Оно-но Комати жила в середине IX в. Она вошла в число шести бессмертных поэтов (Роккасэн), которые были включены в поэтическую антологию «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен»), составленную в 905 г. О жизни поэтессы достоверно известно совсем немного, зато ее незаурядная личность буквально окутана множеством легенд. Некоторые из них стали сюжетами для пьес театра Но.

В пьесе «Сотоба Комати» повествуется о встрече монахов, совершавших путь с горы Коя в Киото, со старой нищенкой, сидевшей на обветшавшей деревянной ступе. Это было священное место, и старший монах стал говорить женщине, чтобы она встала с него, поскольку сидеть там было проявлением неуважения к Будде. Женщина ответила на это поучение столь мудро, что монаху пришлось замолчать. Он понял, что перед ним необычная личность, и проявил к ней большую учтивость. Женщина без затруднений сложила пятистишие и продекламировала его. Монах был еще больше впечатлен. Она призналась, что ее зовут Оно-но Комати, и погрузилась в воспоминания о своей молодости, когда она служила при императорском дворе и была неотразимой красавицей. Ее любви добивались блистательные кавалеры, но она отличалась жестокосердием и безжалостно разбивала мужские сердца. Далее в сюжет пьесы вплетается легенда о придворном Фуакуса-но Сёсё, который без памяти влюбился в Оно-но Комати. Она обещала подарить ему свою любовь, если он в течение 100 ночей в любую погоду будет приходить к ее дому и оставаться до утра. Молодой человек 99 ночей провел около дома красавицы и внезапно умер. По другой версии, перед сотой ночью скончался его отец, и юноша не смог прийти. После этого от переживаний он и сам умер. В пьесе акцентируется буддийский постулат о воздаянии и спасении. В ее финале Оно-но Комати говорит, что в жизни нужно стремиться к тому, чтобы достичь просветления.

В народной легендарной версии Оно-но Комати была наказана за свои прегрешения — в старости она осталась в одиночестве, нищете и потеряла свою красоту. Именно этот поучительный образ старой некрасивой женщины и воспроизведен в музейной скульптуре.

Г.Ш.

Легенды Индии

Ил. 64

Вишну Анантасаяна

Индия, сер. XX в.

дерево, резьба

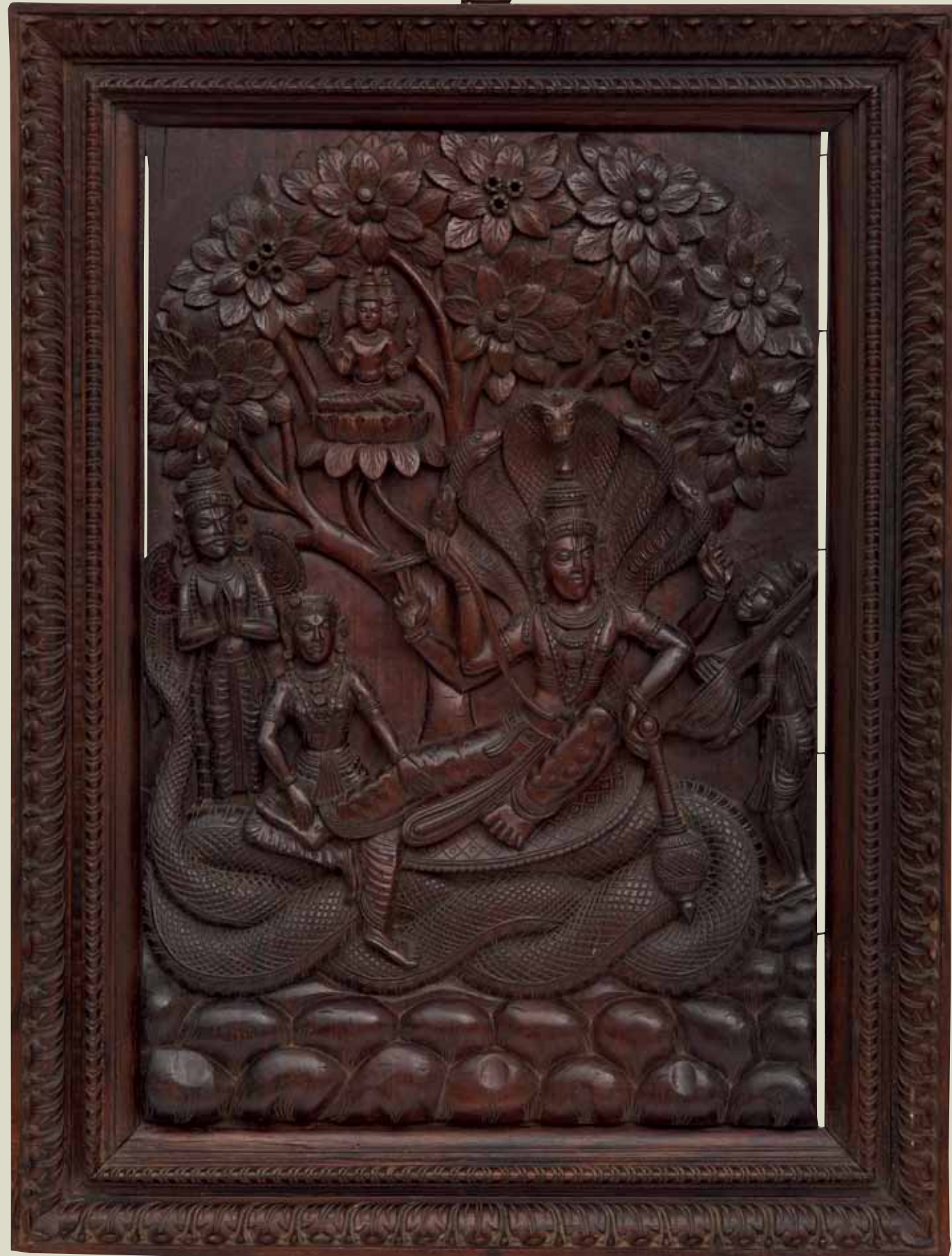
Инв. № 4639 II

На рельефе изображен Вишну, расположенный в центре композиции, он восседает на кольцах змея Ананты. Его супруга, божественная Лакшми, массирует ему ступню. За их спинами изображены Гаруда и небесный музыкант, а в верхней части доски мы видим бога Брахму.

Вишну является хранителем и защитником существующего мира, поддерживает в нем порядок и непрерывность традиции. Именно поэтому он занимает важнейшее место в индуистском пантеоне. Однако в то же время Вишну существует вне этого мира (т.е. не изменяется, когда мир разрушается и создается вновь) и является его источником, истинной сущностью. В этой ипостаси Вишну изображается дремлющим на кольцах тысячеглавого змея Ананты, который покоится на безграничной поверхности первичного Океана. Такую форму Вишну называют Нараяна — «покоящийся на водах». Затем Вишну начинает проявлять свою энергию: сперва появляется его *шакти*, женское начало, — богиня богатства и счастья прекрасная Лакшми. Затем из пупа Вишну прорастает стебель лотоса. Когда цветок открывается, в нем восседает бог Брахма. В руках Брахмы четыре рукописи — это четыре божественные Веды, священные книги индуизма. За спиной Вишну стоит, почтительно сложив руки на груди, его *вахана* — ездовое животное, мифический птичечеловек Гаруда.

Имя змея Ананта означает «бесконечность», то есть полное отсутствие времени, покой. Будучи могущественным царем змей-*нагов*, Ананта дал однажды обет сурового подвижничества и заслужил этим особое расположение Брахмы. В знак этого Брахма велел Ананте обитать на голове богини земли Притхиви, но так, чтобы не причинять ей неудобств. С тех пор все змеи обитают под землей.

Е.К.

В Ориссе художники, украшающие храм Джаганнатха в Пури, делают и памятные картины для паломников — *пата-читры*. Их сюжетами часто становятся важные индуистские легенды. Так, темой музейной *пата-читры* стал известный миф о пахтании Молочного океана.

Однажды святой мудрец Дурваса подарил владыке богов Индре цветочную гирлянду, а Индра отдал ее для развлечения одному из своих слонов. Узнав об этом, Дурваса так разгневался, что проклял Индру и всех богов, сделав их такими же беспомощными, как люди. В этот момент на богов пошел войной царь демонов-асуров Бали, и только божественный нектар *амрита*, сливки Молочного океана, могли вернуть богам их силы и дать шанс на победу. Чтобы вспахать Молочный океан и добыть *амриту*, одной силы богов было недостаточно. Поэтому боги заключили с *асурами* соглашение — те на время прекратят войну и помогут взбить океан, а взамен получают половину добытого нектара. Боги и *асуры* вырвали из земли гору Мандару и обвязали вокруг нее змея Васуки в качестве мутовки. Боги взяли за хвост, *асуры* за голову и стали тянуть змея по очереди. Постепенно из океана стали одна за другой появляться драгоценности: луна, дерево Париджата, слон Айравата, корова Сурабхи (она же Камадхену), богиня Варуни, небесные танцовщицы *апсары*, белый конь Уччайхшправас, богиня удачи Лакшми, *шанкха* (раковина), булава, волшебный камень *кауштубха*. Последним появился бог врачевания Дханвантари с сосудом, содержащим *амриту*. Тут же боги и *асуры* начали бороться за право первыми испить напиток бессмертия. Победа была уже на стороне *асуров*, как вдруг среди них появилась прекрасная дева в богатых одеждах. Это хитрый Вишну принял облик красавицы Мохини. Потерявшие голову от красоты Мохини демоны предложили ей решить, кто первый отведает *амриту*. Мохини посадила богов и *асуров* друг напротив друг и стала поить их, начав с богов. Но едва дойдя до *асуров*, Мохини испарилась, оставив демонов не солоно хлебавши.

Е.К.

Ил. 66

Джамна Дэви

Раху

Индия, Бихар, 1970-е гг.

бумага, краски

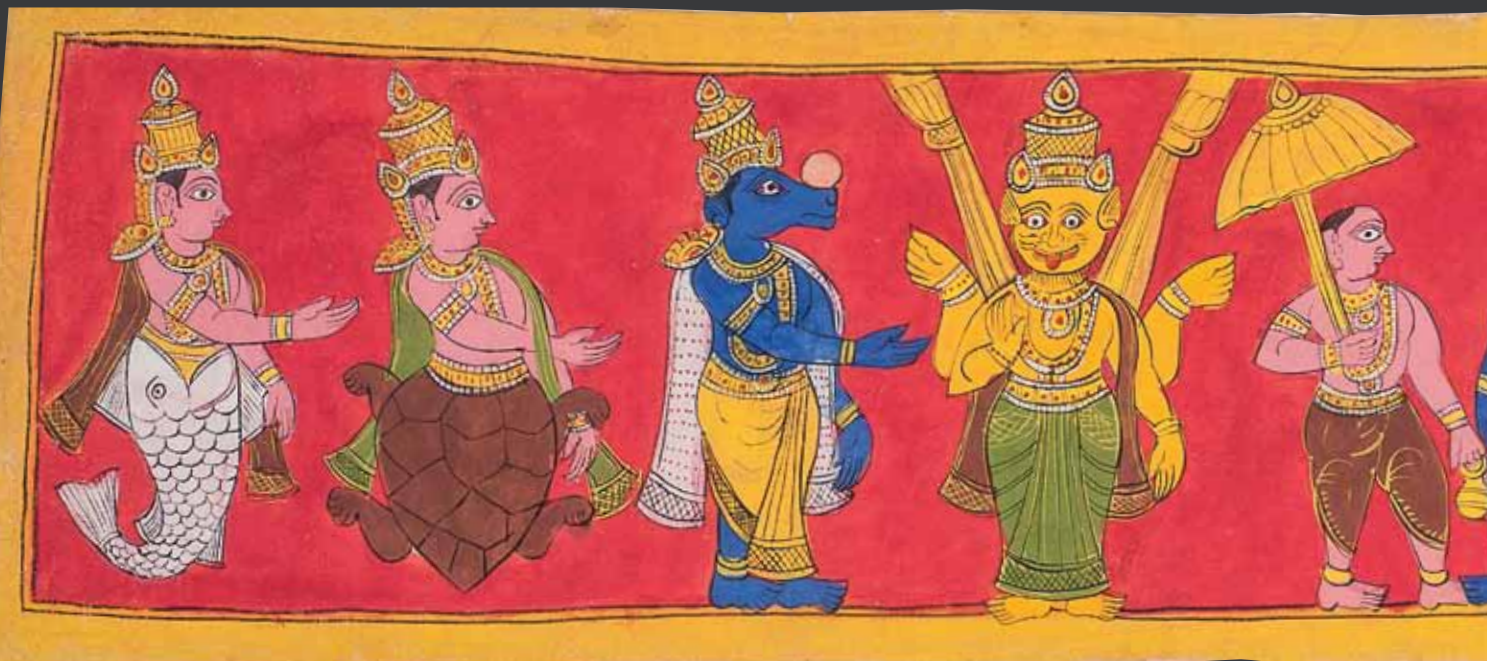
Инв. № 10528 II

В северном штате Бихар, в местечке Мадхубани, женщины традиционно украшали беленые стены своих домов рисунками. Это были благопожелательные символы, герои легенд, разнообразные божества. В последние десятилетия благодаря усилиям индийского правительства в области защиты ремесел эти рисунки переносят на бумагу — они стали известны миру под общим названием *мадхубани*.

В индийской космологии насчитывается девять планет: Рави, или Сурья (Солнце), Чандра (Луна), Мангала (Марс), Будха (Меркурий), Брихаспати (Юпитер), Шукра (Венера), Шани (Сатурн), Раху (место, где Луна пересекает эклиптику при движении с юга на север) и Кету (точка, где Луна пересекает эклиптику при движении с севера на юг). Легенда о происхождении Раху, вечно-го врага Сурьи и Чандры, восходит к истории о том, как боги и демоны пахтали Молочный океан, чтобы добыть напиток бессмертия *амриту*. Когда принявший вид красавицы Мохини Вишну делил *амриту* между богами и *асурами*, один из *асуров* сел в одном ряду с богами и успел глотнуть достаточно много, прежде чем его заметили Сурья и Чандра. Они позвали Шиву, и тот разрубил хитреца надвое своим волшебным оружием *чакрой*. Однако из-за действия *амриты* демон не умер, и Брахма сделал из обеих его частей две планеты — Раху и Кету. Раху стал смертельным врагом Солнца и Луны и постоянно стремится проглотить их. Иногда ему это удается — так случаются солнечные и лунные затмения.

Е.К.

Ил. 67

Накаш Д. Чандрая

Десять аватар Вишну

х/б ткань, грунт, краски

Инв. № 8228 П

Вишну, наверное, самый многоликий бог индуистского пантеона. Он известен своими демоноборческими воплощениями *аватарами*, десять из которых считаются основными. Первые *аватары* териоморфные, в них Вишну предстает в облике животных: Матсьи (рыбы), Курмы (черепахи) и Варахи (вепря). Затем он предстает в облике наполовину человека, наполовину льва Нарасимхи, потом карликом Ваманой, брахманом-воином Парашурамой, героем Рамой, Кришной и его братом Баларамой, а в конце — всадником будущего на белом коне Калки. С подвигами Вишну в его различных воплощениях

связаны многочисленные мифы и легенды. Среди наиболее известных — история о карлике Вамане. Злобный демон Бали благодаря суровой аскезе получил огромную силу и смог не только подчинить себе все миры, но и стал угрожать богам. Тогда Вишну в облике уродливого карлика-брахмана Ваманы отправился во дворец Бали. Тот принял его как полагается: омыл стопы брахмана и спросил, не пожелает ли гость чего-либо. Древняя традиция обязует царей даровать брахманам землю, и в такой просьбе нельзя отказывать. Поэтому Вamana попросил у Бали небольшой кусочек земли — всего-то на три шага. Бали был заранее предупрежден мудрецом Нарадой о том, что карлик Вamana — на самом деле воплощение Вишну. Однако нарушить закон гостеприимства и отказать брахману он не посмел и дал свое согласие. Тогда Вamana в одно мгновение вырос до гигантских размеров и покрыл тремя шагами все три мира, оставив Бали лишь преисподнюю. Говорят, что Вишну все-таки отдал дань подвижническим подвигам Бали, сделав его стражником ворот своего рая Вайкунтхи.

Е.К.

Лакшми-шора — ритуальная плакетка круглой формы, важный атрибут домашнего ритуала в Бенгалии, который приносит счастье, процветание и удачу в дом. Такие изделия выполняются преимущественно из глиняных дисков, высушенных на солнце и затем расписанных вручную. На музейной плакетке изображена богиня счастья и удачи красавица Лакшми, которая согласно мифу появилась во время пахтания Молочного океана. Отвратив свой взор от демонов-асуров, она направила его к богам, и всем стало понятно, кому достанется это сокровище. Лакшми подошла к Вишну и прильнула к его груди.

Однажды мудрецы-*риши* совершили большое жертвоприношение и поручили святому Бхригу решить, кто из богов получит первую, самую почетную долю жертвы. Бхригу по очереди посетил небожителей: сначала Брахму, но тот был занят любовными утехами со своей супругой Сарасвати, затем Шиву, который был занят своей возлюбленной Парвати. Третьим был Вишну, но и он был слишком увлечен Лакшми и не сразу заметил святого. Когда тот уже повернулся, чтобы уйти, Вишну увидел его и удержал, схватив за ногу. Раздраженный Бхригу пнул в ответ его ногой в грудь и попал в то место, где всегда пребывает Лакшми. Лакшми рассчитывала, что Вишну заступится за нее, но тот стал просить у святого прощения. В гневе Лакшми оставила супруга и удалилась к своему отцу в воды Молочного океана, из которого была рождена. С уходом Лакшми у Вишну дела пошли скверно: он утратил славу и богатство, люди перестали приносить ему жертвы и бедняге грозило полное забвение. Тогда Вишну стал умолять Молочный океан вернуть ему супруга, но тот запросил за это огромные сокровища, которых у обнищавшего бога не было. Вишну обратился к богу богатства Кубере. Тот согласился дать в долг, но с одним условием: Вишну должен вернуть его до конца существования этого мира. Так бог вернул себе супруга. В южноиндийском городе Тирумалаи в храме Тирупати верующие и сейчас несут Вишну драгоценности и украшения, чтобы он успел вовремя расплатиться с Куберой

Е.К.

Ил. 69

Шива, Ума и Сканда

Индия, X–XII вв. (копия сер. XX в.)

бронза, литье

Инв. № 3079 II

Изображение божественного семейства — Шивы, его супруги Парвати (Умы) и их сына Сканды (Карттикеи) — великолепный пример творчества мастеров империи Чола, что некогда располагалась на территории современного Тамилнада. Скульптуры индуистских божеств этого периода, отлитые из бронзы, можно, без сомнения, отнести к лучшим образцам индийской пластики.

Свадьба бога Шивы и Парвати должна была стать самой красивой и пышной: в доме отца невесты для праздничного стола приготовили огромное количество изысканных яств, жениха и невесту ждали богатые одежды, расшитые золотыми нитями и драгоценными камнями, золотые и серебряные украшения. Для Шивы, которого поджидали с минуты на минуту, приготовили самые роскошные покои в доме, которые убрали шелковыми тканями и цветами. Царь Парвата и царица Мена, отец и мать невесты, наблюдали за происходящим с балкона. Сначала начали прибывать сопровождавшие Шиву боги и небесные музыканты в богатых одеждах и с музыкальными инструментами. Когда мимо балкона проезжали разодетые боги в роскошных колесницах, один наряднее другого, Мена спрашивала: «Не это ли наш жених?» Наконец появился Шива со своей свитой: тысячами привидений, духов, демонов и безобразных карликов. Жених прибыл верхом на буйволе: как аскет, он был усыпан кладбищенским пеплом, его волосы были грязны и спутаны, в руках он держал череп и трезубец, а вместо нарядных одежд на нем была тигровая шкура. Увидев это, Мена упала без чувств, а когда пришла в себя, разразилась гневными криками. Она кричала, что это не великий бог, а грязное посмешище и что она лучше собственноручно убьет свою дочь, чем выдаст замуж за этого невежественного бездомного нищего. С большим трудом удалось ее успокоить словами о том, что у Шивы тысячи обличий, в том числе и отталкивающие. Но на свадьбу она согласилась лишь при условии, что Шива предстанет перед гостями в подобающем виде. Тогда жених явил свой блистательный облик — белокожего, неземной красоты молодого бога, облаченного в богатые одежды и усыпанного драгоценностями. Изумленной Мене пришлось извиниться и преклонить колени перед Шивой.

Е.К.

Ил. 70

Ардханаришвара

Индия, X–XII вв. (копия сер. XX в.)

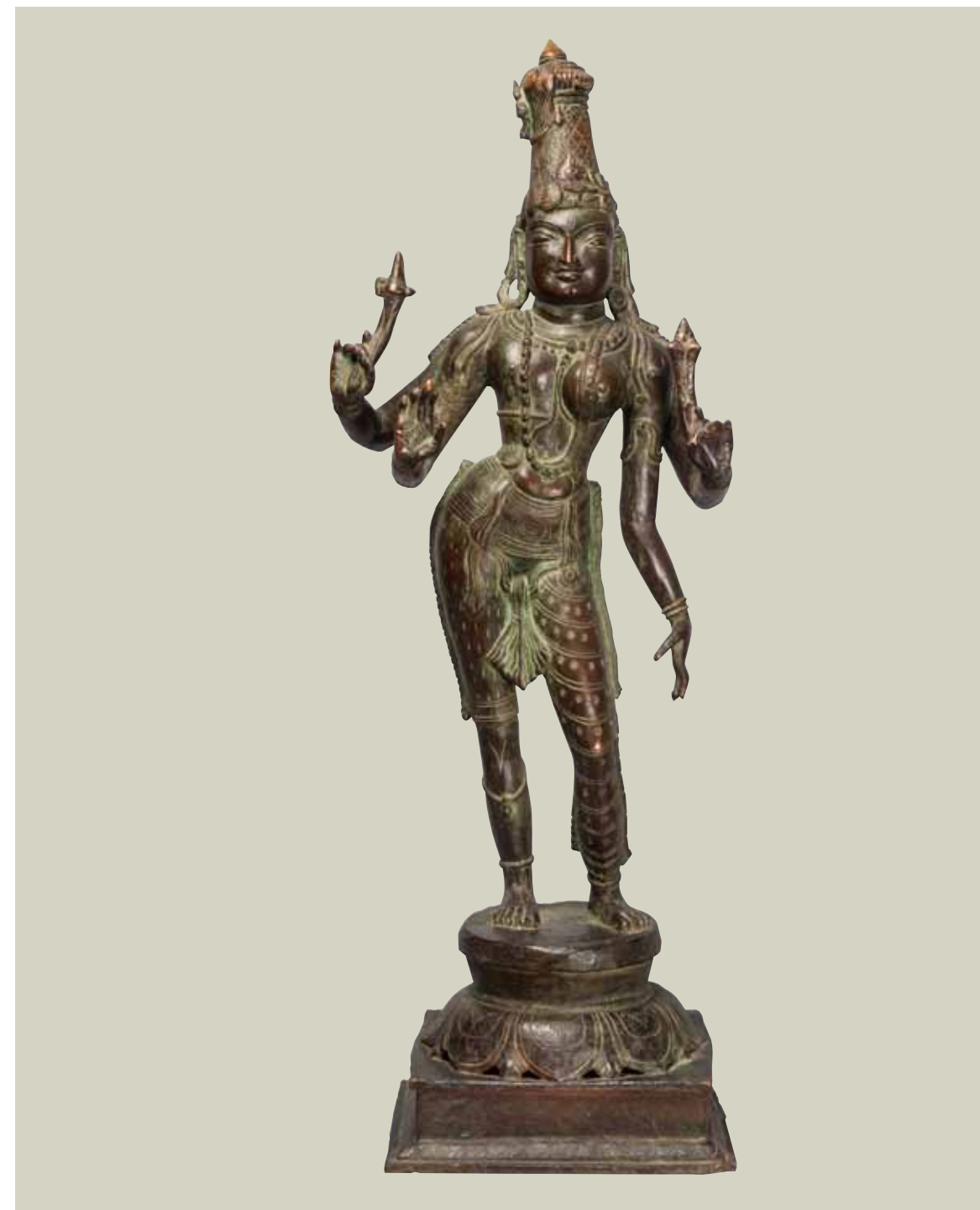
бронза, литьё

Инв. № 3077 II

Соединение мужской и женской энергий — ключевая идея в философии индуизма, выраженная в обязательном для каждого мужского божества присутствии супруги. Божественная пара Шивы и Парвати — идеальный пример такого сочетания, получившего наивысшее выражение в объединенной форме божеств Ардханаришваре.

В одной старой тамильской легенде говорится об упрямом мудреце Бхринги, поклоннике Шивы. Когда вместе с другими мудрецами он пришел в храм Шивы, то не стал в отличие от остальных поклоняться другим божествам, в том числе и присутствовавшей там супруге Шивы Парвати. Он поклялся поклоняться лишь одному Шиве и оставался верен своему слову. Оскорбленная богиня наслала на мудреца проклятие — она лишила его плоти и крови, оставив только иссушенный скелет. Мудрец в таком положении не мог даже стоять, так что сердобольные свидетели этой сцены приставили бедняге для поддержки третью, деревянную, «ногу». Богиня невольно выставила уважаемого мудреца на посмешище. Однако, поняв, что сломить Бхринги не удалось, благочестивая Парвати прибегла к строжайшей аскезе и заслужила этим благоволение Шивы. Наблюдавший за происходящим бог сжалился над супругой и даровал ей возможность соединиться с ним в форме Ардханаришвары, чтобы Бхринги наконец поклонился и ей. Однако мудрец был не так прост: он принял облик жука и, чтобы совершить обход только вокруг мужской части божества, пробурил в статуе Ардханаришвары дыру. Восхищенная такой верностью своим убеждениям, Парвати простила Бхринги и благословила его.

Е.К.

Алтарь богини Дурги, вырезанный из тростника *шола*, — неперенный атрибут ежегодного праздника Дурга-пуджа, с большим размахом празднуемого бенгальцами. Большой алтарь заказывает на свои средства семья, община или организация, его проносят по улице вместе с другими скульптурами во время праздничной процессии, а затем ритуально погружают в воды реки Хугли.

О том, как появилась Дурга, говорит древний миф. Богиня земли Дити, желая отомстить за погибших в битве с сыновьями Адити братьев, отправилась в леса и предалась суровому подвижничеству. За это ей было даровано родить могучего сына в облике буйвола, который был назван Махиша. С каждым днем сила его возрастала, и однажды *асуры* пришли к нему с просьбой возглавить их в войне против воинства богов. Битва между богами и *асурами* длилась сто лет — Махиша сверг Индру и воцарился над миром. Боги прошли к Брахме, Шиве и Вишну и рассказали им о бесчинствах, которые Махиша творит в небесных чертогах. Великие из великих разгневались, и от их гнева родилась огненная туча, из которой вышла великая богиня Дурга, грозным нравом и мощью превзошедшая всех *асуров*. Боги дали ей оружие: Шива трезубец, Вишну — боевой диск *чакру*, Агни — копьё, Ваю — лук и колчан со стрелами, Индра — *ваджру*, Яма — жезл, Варуна — петлю, а Вишвакарман — могучий топор. Владыка гор Химават, отец Парвати, узнал в этом воплощении энергию своей дочери и даровал ей ездовое животное — льва.

Из дыхания богини возникли сотни грозных воинов, которые бросились на *асуров*. Она колола врагов копьём и пронзала стрелами, а лев под ее ногами терзал разбегающихся в страхе *асуров*. Наконец, богиня набросила на Махишу петлю Варуны и крепко затянула ее, но демон начал превращаться — сначала во льва, затем в огромного слона, в человека, снова в буйвола. Таким образом каждый раз проворный демон выскальзывал из ее рук. В конце концов Дурге удалось копьём пригвоздить тело буйвола к земле. Стремясь ускользнуть, Махиша высунулся наполовину из буйволиной пасти, но богиня тотчас мечом отсекла ему голову. С тех пор Дургу называют Махисасурамардини — «сразившей демона Махишу».

Е.К.

Небольшая статуэтка представляет собой алтарный образ богини Кали, которому поклоняются в калькутском храме Калигхат. Кали является гневной ипостасью Парвати, супруги бога Шивы. Одна из посвященных Кали легенд рассказывает, как однажды двое братьев, грозные *асуры* Шумбха и Нишумбха, обрели такое могущество, что одолели небожителей в кровопролитной схватке. В страхе те бежали и укрылись в северных горах, где обитал Шива вместе со своей супругой, божественной Парвати. Боги воззвали к великой богине, помня ее героическую победу над демоном Махишей, и Парвати обернулась кровожадной, устрашающей Кали. Когда Кали появилась на поле битвы, Шумбха был сражен ее красотой и даже заслал к ней сватов. Однако Кали с негодованием ответила им: «Только тот, кто одолеет меня на поле боя, может стать мне мужем!»

Шумбха послал на бой войско *асуров* под предводительством демона Рактавиджу. Из каждой капли крови, пролитой Рактавиджу, рождались новые демоны. Битва шла, а войско *асуров* все росло. Тогда Кали сама вступила в бой с Рактавиджу, выпила всю его кровь и пожрала всех *асуров*, рожденных из его крови. Затем она вторглась в обитель нечестивых братьев и сразила Шумбху и Нишумбху. Однако кровь демонов так опьянила богиню, что она не могла остановить жажду убийства, и взгляд ее искал, против кого направить оружие. Боги устрешились и призвали на помощь Шиву. Сколько ни звал воинственную богиню Шива, в пылу схватки она не слышала его слов. Тогда Шива лег к ее ногам, и когда ступня Кали коснулась тела супруга, битва была закончена, а богине вернулась ее милостивая сущность.

Е.К.

Шиве в форме Вира Бхадры широко поклоняются в южноиндийских деревнях. Здесь из недорогого металла делают плакетки с его изображением, которые устанавливают в уличных деревенских святилищах. О том, как возникла такая форма божества, говорит следующее сказание.

Дакша был отцом супруги Шивы, божественной Сати. Однако отношения тестя с зятем не заладились, и между небожителями всегда существовала скрытая неприязнь. Однажды по просьбе богов Дакша задумал великое жертвоприношение, на которое были приглашены все, кроме Шивы. Возмущенная Сати отправилась к отцу с вопросом, как он мог так оскорбить ее супруга. Однако Дакша продолжал говорить весьма неприятные вещи про нее и Шиву, и гордой богине не оставалось ничего иного, как броситься в жертвенный огонь на глазах обидчика. Когда Шива узнал о произошедшем, он впал в страшную ярость. В гневе он принял облик воина Вира Бхадры, ворвался в дом Дакши и начал крушить все вокруг, не пощадив и богов. Он выбил зубы Сурье, отрубил руки Агни, раздавил Сому и оторвал голову самому Дакше, а жертвенный огонь разметал. С большим трудом богам удалось успокоить Шиву и уговорить его вернуть Дакше жизнь. Однако в суматохе голова его потерялась, и Вира Бхадра приставил на ее место голову козла. Вернувшись к жизни, Дакша получил прощение Вира Бхадры и стал самым яростным его поклонником. Так Дакшу и изображают — стоящим рядом с богом и сложившим руки в молитвенном жесте, а голова у него так и осталась с тех пор — козлиная.

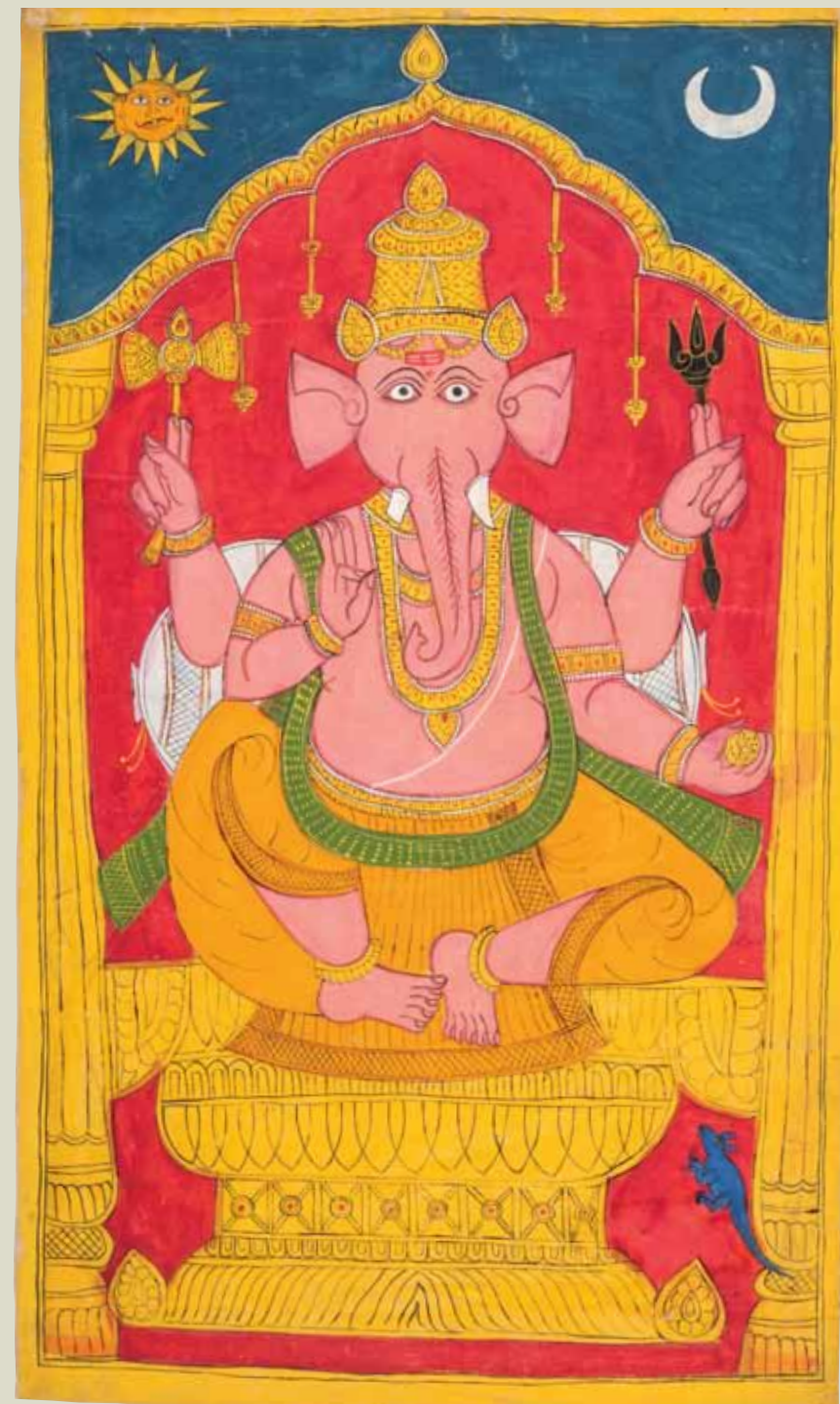
Е.К.

Ганеша — одно из наиболее популярных божеств индуизма, ведь обращение к нему является залогом успеха любого мероприятия. Покровителя начинаний Ганешу можно увидеть повсюду — от папок для хранения деловых документов до, как в данном случае, стенных завес.

Супруга Шивы божественная Парвати страстно мечтала о малыше, однако Шива был сосредоточен на подвижничестве и желания ее не разделял. Он сделал сверток из одежд богини и дал ей его со словами: «Вот тебе сын». Поначалу Парвати возмутилась, однако в лучах ее любви сверток ожил и превратился в прекрасного малыша. Счастью Парвати не было предела: она тут же велела совершить все полагающиеся при рождении ребенка обряды и созвать всех богов, чтобы показать им долгожданного сына. Когда все боги собрались, каждый глядел на младенца и возносил хвалу его красоте, только Шани (Сатурн) стоял в стороне, опустив глаза. Он был проклят собственной супругой за невнимательность к ней — каждый, на кого падал взгляд несчастного Шани, обращался в пепел. Парвати стала донимать гостя, чтобы и он восхитился ее малышом, и не желала принимать отказа. Разумеется, едва Шани взглянул на ребенка, голова младенца превратилась в головешку. Горе матери было безгранично, и, чтобы утешить ее, Шива послал своего слугу, могучего Нандина, на поиски другой, подходящей младенцу головы. Нандин вернулся с головой слоненка — ее и приставили сыну Парвати. Мальчик ожил, и боги щедро одарили его: Брахма сделал так, что имя его упоминается прежде всех других богов — так он стал покровителем всех благих начинаний; богиня мудрости Сарасвати принесла ему перо и чернила, и он стал богом учености; богиня земли Притхиви подарила ему в вечное услужение ездовое животное — крысу, а сам Шива поставил своего сына во главе *ган*, т.е. своих слуг и спутников. Оттого с тех пор его и зовут Ганеша.

Е.К.

Техника литья по утраченной восковой модели (*дхокра*) — один из древнейших способов художественной обработки металла. Представители разных племен, проживающих в Центральной и Восточной Индии, выполняют в этой технике небольшие votивные (посвятительные) изображения как местных, так и общиндуистских божеств. В этой технике сделана музейная скульптура Карттикейи, сына бога Шивы, о рождении которого рассказывает следующая легенда.

Воинственный демон Тарака был столь силен, что смог встать во главе *асуров* и победить войско богов, став повелителем трех миров. Поверженные и униженные боги во главе с Индрой явились к Брахме за советом. Тот напроорочил, что победить Тараку сможет лишь сын Шивы и дочери Химавата, прекрасной Умы. Ума страстно любила Шиву и мечтала выйти за него замуж. А вот сам Шива был всецело увлечен медитацией на вершине священной Кайласы, ничто другое его не интересовало. Тогда Индра послал к великому подвижнику бога любви Каму, чтобы его стрелы поразили неприступное сердце. Раздраженный тем, что ему мешают предаваться аскезе, Шива испепелил Каму своим взглядом. С тех пор Кама бестелесен. Тогда Ума сама взялась за дело — много дней и ночей совершала она подвиг подвижничества и таким образом заслужила наконец любовь Шивы. Целый год длилась их брачная ночь, и боги утрастились силы их объятий: что, если потомство их будет таково, что его не смогут нести на себе ни земля, ни небо? Посоветавшись, боги прервали утеху влюбленных. Уступив их просьбам, великий бог Шива уронил свое семя в пламя Агни. Тот не смог удержать его и обронил в воды Ганги. Но и для нее ноша оказалась непосильной, и семя Шивы оказалось в прибрежном тростнике. Там и родилось дитя, которое стали называть Сканды, что значит «отпрыск». Его вскормили жены семи мудрецов, которые, выполнив свою миссию, возшли на небо и стали там Криттиками (Плеядами). Поэтому второе прозвище сына Шивы и Умы — Карттикея.

Е.К.

В Индии реку Гангу почитают как мать и кормилицу и изображают в виде женского божества. Часто на этих изображениях рядом с ней можно увидеть бога Шиву — их связывает древняя легенда о том, как Ганга сошла с небес на землю.

По легенде, жены Сагары, царя Айодхьи, родили ему детей: одна — одного сына, а другая — тыкву, из которой появилось шестьдесят тысяч сыновей. Когда они подросли, Сагара почувствовал себя достаточно могущественным чтобы стать правителем всего мира. Он подготовил великое жертвоприношение *ашвамедху* и пустил царского коня пастись в трех мирах. Туда, куда ступала нога коня, отправлялась армия сыновей Сагары. Бог Индра решил ему воспрепятствовать и спрятал коня в нижнем мире, неподалеку от места, где медитировал мудрец Капила. Когда отправившиеся на поиски воины нашли коня рядом с мудрецом, они решили, что тот его украл. Тогда сыновья Сагары набросились на почтенного старца, но он мгновенно испепелил их взглядом — никто не спасся.

Дети Сагары могли быть возвращены к жизни только в том случае, если на них падут воды священной Ганги, но Ганга была отдана отцом в жены богам и протекала только в высших мирах. Сам Сагара, а затем и его потомки пытались спустить воды Ганги в нижний мир, но удалось это лишь одному из них — Бхагиратхе. Своими аскетическими подвигами он умилиствовал Брахму, и тот приказал реке спуститься на землю. Чтобы могучий поток не смыл все живое, Шива подставил водам свою голову: река запуталась и ослабла в его густой шевелюре, разделившись на несколько потоков. Один из этих потоков Бхагиратха привел в подземный мир, где покоился пепел его предков. Пророчество сбылось, и сыновья Сагары ожили.

Е.К.

Разъезжающий по небу на запряженной двенадцатью конями колеснице бог солнца Сурья особенно любим в Восточной Индии, где солнце рождается из бесконечной водной глади Бенгальского залива. Здесь, в Конараке, для Сурьи построили в XIII в. великолепный прибрежный храм в виде колесницы с огромными колесами и несущимися вперед каменными скакунами. Музейная скульптурная группа выполнена в середине XX в. в традициях восточноиндийской пластики.

Сестры Кадру и Вината были женами мудреца Кашьяпы, который предложил им выбрать то потомство, которое они пожелают. Кадру пожелала себе тысячу сыновей, и она принесла тысячу яиц, из которых вылупились волшебные существа — змеи-*наги*. Вината пожелала себе двоих сыновей, но таких, чтобы они превзошли всех сыновей сестры. Однако из ее двух яиц слишком долго не вылуплялось потомство, и она, не выдержав, расковыряла одно. Плод успел развиваться только наполовину. Разгневанный Аруна, так назвали родившегося из яйца сына, проклял свою завистливую и нетерпеливую мать, и она попала в рабство к собственной сестре.

Только через пятьсот лет вылупился второй сын Витаны — Гаруда, ставший истребителем змей в отмщение за рабство матери. Еще одно предназначение Гаруды было в том, чтобы помочь богу солнца, великому Сурье, которого тысячи лет повсюду преследовал и не давал покоя злобный Раху. Сурья призывал на помощь богов, но ни у кого не находил сочувствия. Тогда Сурья пригрозил, что сожжет мир своими лучами. По просьбе Брахмы Гаруда взял своего брата Аруну и поместил его на колесницу солнца, чтобы тот своим телом заслонял землю от ярких лучей и нестерпимого жара. С тех пор Аруна стал возничим Сурьи: на колеснице он стоит впереди солнца, правит его конями и озаряет своими лучами землю перед приходом солнца. А имя его — Аруна — означает Багряный.

Е.К.

Красная глина — традиционный для Западного Бенгала строительный и поделочный материал. Даже знаменитые терракотовые храмы Бенгалии здесь делают кирпичными и украшают штампованными и резными узорами. А в деревнях из красной глины лепят изображения местных божеств — от небольших, похожих на детские игрушки, до многофигурных алтарей.

Вот что рассказывает о богине Манасе старинная бенгальская поэма «Манасамангал-кавья». Один богатый бенгальский купец Чанд Садагар был яростным почитателем Шивы, а Манасе жертв вовсе не приносил. Сначала Манаса отравила красивый сад купца, и все цветы и деревья в нем увяли. Затем она превратилась в прекрасную девушку и влюбила купца в себя, а потом и вовсе наслала на его дом змей, которые убили шестерых сыновей несчастного. Но ничто не могло поколебать верность Чанд Садагара Шиве — он наотрез отказывался поклоняться Манасе. Тогда богиня утопила в море семь кораблей купца со всеми его богатствами, а самому ему пришлось скитаться в чужом краю, где на каждом шагу его поджидали подстроенные коварной Манасой несчастья. Через некоторое время купцу удалось вернуться домой, он вновь женился, и у него родился сын Лакшминдра. Мальчик вырос и в свою очередь женился на девушке по имени Бехула. Однако в первую брачную ночь подосланная Манасой змея укусила Лакшминдру. Согласно индийским поверьям в теле укушенного змеей еще какое-то время теплится жизнь, так что тело Лакшминдры украсили цветами, погрузили на плот и спустили по течению реки в надежде, что какое-нибудь чудо оживит его. Верная Бехула отправилась с телом любимого. Прошло шесть месяцев, прежде чем Бехуле попалась женщина, стирающая на берегу белье. Рядом с ней сидел маленький сын: Бехула увидела, как женщина удушила его, а затем sprysнула мертвое тело ребенка водой и тот ожил. Прачка эта была подослана Манасой. Она пообещала помочь Бехуле вернуть мужа к жизни, если ее свекор Чанд Садагар поклонится Манасе. Бехула согласилась, и Лакшминдра ожил. По возвращении домой Бехула рассказала обо всем случившемся Чанд Садагару и поставила свекру условие: они с супругом переступят порог отчего дома только после того, как купец принесет жертву Манасе. Так Манаса победила неуступчивого Чанд Садагара, которому не осталось ничего другого, как почитать ее величайшей из богинь.

Е.К.

Ил. 79

Бара Тхакур и Нараяни

Индия, Западный Бенгал, XX в.

глина, лепка, роспись

Инв. №№ 10472 II, 10473 II

Бара Тхакур (известный также под именами Дакшин Двар и Дакшин Рай), его мать Нараяни и Банбиби (она же Бан Деви, Бан Дурга) — местные бенгальские божества, связанные с почитанием самого большого мангрового леса на земле — Сундарбана. Банбиби изначально являлась богиней мусульманского происхождения, однако была ассимилирована в местных верованиях и почитается как дух леса. Согласно легенде, когда она впервые появилась в Сундарбана, Нараяни решила прогнать ее из семейной вотчины, встав во главе воинства демонов и призраков. Банбиби победила, однако не стала отнимать территорию полностью, взяв себе только необитаемую часть Сундарбана.

В эпосе «Раймангал-кавья», написанном в 1686 г. бенгальским поэтом Кришнарамом Дасом, приводится такая история о Бара Тхакуре. Один молодой и удачливый торговец, Пушпа Датта, решил построить несколько лодок для перевозки своих товаров. Он нанял лесника Ротхаи Баулю, который вместе со своими шестью братьями и единственным сыном пошел в мангровый лес за бревнами. Лучшие деревья, как известно, растут в сердце Сундарбана — туда они и отправились. Когда деревьев было срублено достаточно и команда собралась в обратный путь, Ротхаи увидел прекрасное дерево, росшее на самой кромке воды. Оно было таким высоким и таким прямым, что лесоруб не удержался и занес над ним свой топор. Ослепленный жадностью, он не понял, что покусился на жилище самого Бара Тхакура, повелителя Сундарбана. В ярости бог повелел шести тиграм схватить и разорвать братьев Ротхаи. Увидев это, убитый горем лесник решил отослать сына домой и покончить с собой. Но тут Бара Тхакур обратился к нему громовым голосом: «Твои братья были убиты за непочтительность и жадность. Но я буду милосердным: я верну им жизнь, если ты отдашь мне взамен жизнь твоего сына». Ротхаи покорно принес в жертву своего сына, и тут же Бара Тхакур вернул его к жизни вместе с шестью дядьями. С тех пор все вокруг поклоняются грозному, но милостивому Бара Тхакуру.

Е.К.

Ил. 80
Кошка

Индия, 1970-е гг.
глина, лепка, обжиг, раскраска
Инв. № 10483 П

Индийская культура наполнена легендами и сказаниями, известными с младенчества каждому ребенку. Вырастая погруженными в эту среду, индийцы наполняют смыслами самые, казалось бы, простые предметы. Так, детская игрушка в виде небольшой статуэтки кошки у бенгальца ассоциируется с легендами о богине Шастхи, которая покровительствует этим животным. В одной бенгальской деревне в зажиточной семье жили семь приемных дочерей. Младшая из них была настоящей обжорой — она постоянно воровала еду, а всю вину сваливала на несчастную кошку, которой за это доставалось от хозяев. Кошка решила пожаловаться богине Шастхи, которая, как известно, очень дружит со всеми кошками, на свою жестокую судьбу. По совету богини, когда младшая из семи сестер вышла замуж и родила сына, кошка выкрала его и принесла Шастхи. Так же она поступила и с другими шестью сыновьями, которых одного за другим родила несчастная. В конце концов соседи подумали, будто молодая мать — настоящая ведьма и пожирает своих детей. Седьмой она родила девочку и твердо решила не спать всю ночь, чтобы выяснить, кто же ворует ее детей. В самый темный час она заметила кошку, схватившую младенца. Мать кинулась за кошкой, но не смогла ее остановить, а только ранила. Оставляя кровавый след, кошка направилась к Шастхи, а молодая женщина поспешила за ней. Она увидела богиню, держащую на руках ее дочь, и своих шестерых сыновей, играющих у ее ног. Шастхи объяснила матери, за что она была наказана, и потребовала принести извинения кошке. Кошка извинения приняла, и семья воссоединилась, получив божественное благословение.

Ил. 81
Шастхи (Шошти)

Индия, 1970-е гг.
глина, лепка, обжиг, раскраска
Инв. № 10476 П

Бенгальские ремесленники часто продавали небольшие изображения местных божеств, таких как Шастхи, в базарный день на площади перед храмом Калигхат в Калькутте. Они привозили свой незатейливый товар из расположенных неподалеку деревень, где до сих пор в ходу мелкая вотивная пластика из красной глины, которой богата эта земля. Один из популярных образов в этом регионе — богиня Шастхи. Царь Прияврата и его жена Малини страстно желали сына и совершили большое жертвоприношение богам, чтобы наконец обрести желанное потомство. К несчастью, после двенадцати лет беременности Малини разродилась мертвым ребенком. Безутешные родители подготовили тело к кремации, но в момент разведения огня с небес на божественной колеснице спустилась облаченная в белоснежные одежды Шастхи. Едва она прикоснулась к младенцу, как тот ожил в ее руках. Тогда она прижала дитя к себе и уж было направила колесницу обратно к небесам, но Малини остановила богиню, моля вернуть ей живого сына. Подумав, Шастхи согласилась, однако взамен потребовала от Приявраты славить ее и поклоняться ей во всех трех мирах. С этими словами она вернула сына родителям, нарекла его Сувратой и пообещала, что он прославится как мудрый и счастливый правитель. С тех самых пор Шастхи поклоняются в Бенгалии как покровительнице детей и помощнице в обретении мужского потомства, а также как богине благоприятного родоразрешения.

Е.К.

Великие сказания Индии «Рамаяна» и «Махабхарата» — неисчерпаемый источник вдохновения для народных мастеров. Не стали исключением и художницы из Бихара, делающие рисунки *мадхубани*, подобные музейному, на котором изображена героиня «Махабхараты» Драупади.

Будучи дочерью бога Агни, Драупади родилась волшебным образом — из огня на алтаре. Когда пришло время свадьбы, ее земной отец организовал по старинному обычаю *сваямвару* — ритуал выбора жениха невестой. Претенденты на руку красавицы должны были натянуть тетиву огромного лука и выпустить стрелу, что оказалось под силу только самым могучим богатырям. Из двух основных претендентов, Карны и Арджуны, удача улыбнулась последнему. Когда Арджуна в сопровождении своих пятерых братьев вернулся с невестой домой, их мать решила, что они принесли милостыню. Она сказала: «Пользуйтесь ею совместно». Так Драупади стала общей женой братьев Пандавов. Во время игры в кости старший из Пандавов Юдхиштхира проиграл братьям Кауравом свое царство, своих братьев, себя самого и Драупади. Кауравы, среди которых был и обиженный на *сваямваре* Карна, посчитали Драупади своей рабыней и стали срывать с нее одежды. Однако волею богов волшебная ткань ее сари оказалась бесконечной. Мудрая Драупади спросила, вправе ли Юдхиштхира был ставить ее на кон, если перед этим он проиграл себя? Результат игры был отменен, но в повторной игре Пандавы все-таки проиграли свое царство Кауравам и были вынуждены отправиться в изгнание. Так началось противостояние Пандавов и Кауравов, закончившееся великой битвой на поле Куру, описанной в «Махабхарате».

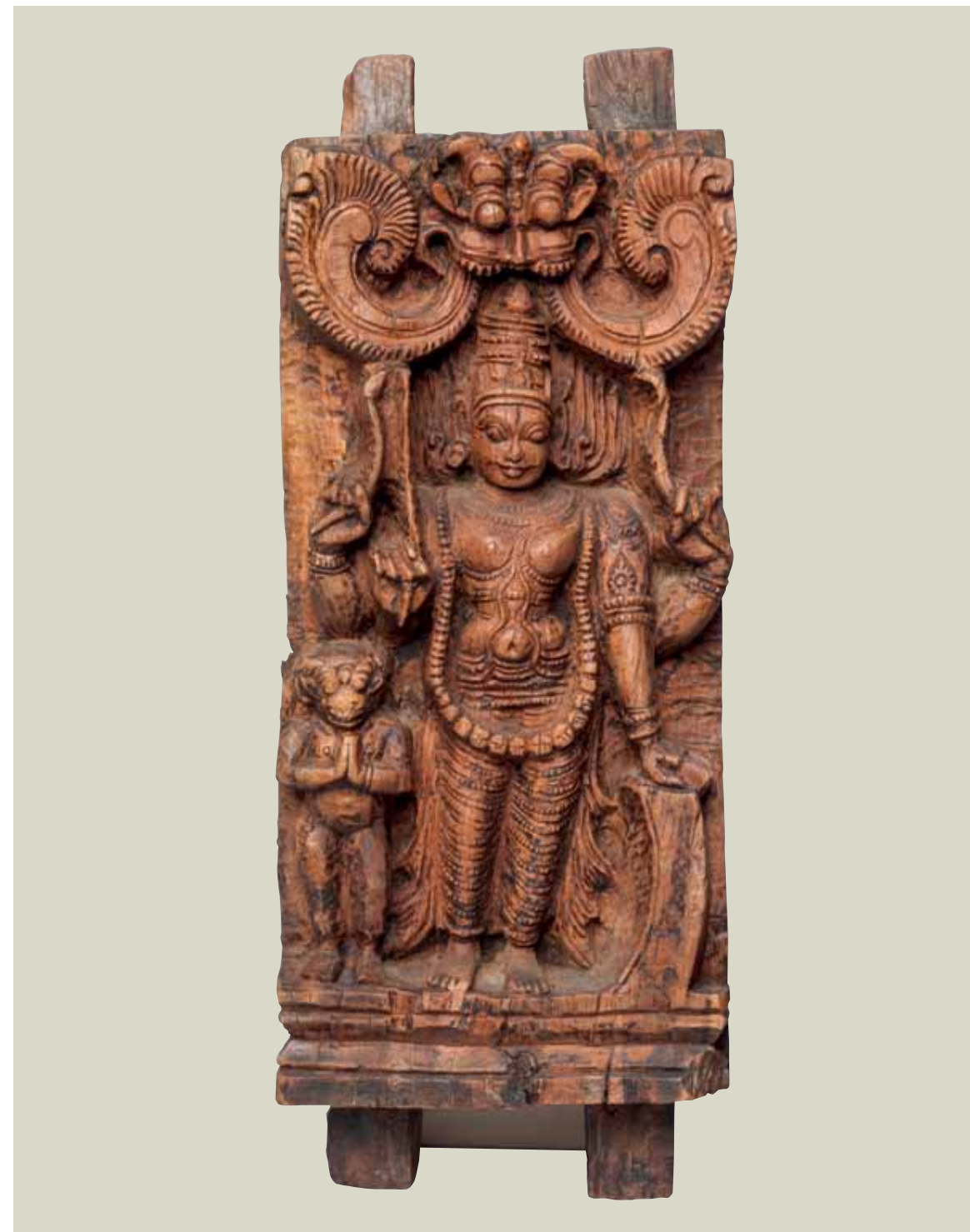
Е.К.

На рельефе храмовой колесницы изображен главный герой эпоса «Рамаяна» царевич Рама и его верный друг, предводитель обезьяньего воинства Хануман. Они часто изображаются рядом, так же как плечом к плечу они сражались с демоном Раваной.

Женой вождя обезьяньего племени Кесари была прекрасная Анджана. Однажды бог ветра Ваю увидел ее, прогуливающуюся на цветущих склонах, и вспылал страстью. Он пообещал красавице могучего и мудрого сына, и она не смогла противиться божественной любви. Однако когда малыш родился, Анджана оставила его одного на лесной поляне и удалилась. Прошло время, малыш проголодался и, увидев на небе красное солнце, принял его за плод. Быстрее ветра стал подниматься он к солнцу, и тут его взгляд упал на Раху, который тоже поднялся к светилу. Оставив солнце, младенец погнался за Раху, и тот призвал на помощь царя богов Индру. На своем белом слоне Айравате Индра приблизился к солнцу, чтобы посмотреть, кто нарушает заведенный порядок. Сын Анджаны увидел белоснежного Айравату и набросился на него, приняв и его за большой вкусный плод. Тогда разгневанный Индра нанес младенцу удар, и тот свалился с небес на землю, громко крича и жалуясь — при падении он сломал себе челюсть. Услышав крик своего сына, Ваю бросился к малышу и укрылся с ним в пещере. Вся земля погрузилась в безветрие, и очень скоро все живые существа стали изнемогать от удушья. Боги и небожители собрались у пещеры, где укрылся Ваю, и стали умолять его вернуться, а Брахма даровал его сыну волшебное умение принимать по желанию любой облик и размер. Тогда Ваю вышел из пещеры, а сын его с тех пор зовется Хануман — то есть «тот, кто сломал челюсть».

Е.К.

Резьба по слоновой кости — традиционное ремесло Индии. Из слоновой кости делают украшения, небольшие декоративные предметы, шкатулки, используют для инкрустации деревянной мебели. На музейной шкатулке изображен Кришна — божественное воплощение Вишну, его восьмая *аватара*, с которым связано множество легендарных историй.

Однажды Кришна, в которого были влюблены все пастушки Браджа, пообещал им, что, когда закончатся и дожди, и жаркий сезон, они отправятся танцевать в лес. И вот долгожданный день настал: лишь услышав звуки флейты возлюбленного, пастушки устремились к нему, оставив свои дома и мужей. Когда они собрались вокруг божественного флейтиста, он упрекнул их: «Зачем вы пришли сюда, бросив все, разве не видели вы залитого луной леса?» Пастушки побледнели, по щекам их потекли слезы: «Почему ты так холоден с нами, Кришна, не ты ли сам заманил нас в лес звуками волшебной флейты?»

Улыбнувшись, Кришна предложил пастушкам совершить омовение в озере Мансаровар. Каждая вышедшая из его вод обретала неземной красоты блестящее одеяние и богатый убор, в ее руках возникал волшебный музыкальный инструмент. Пастушки принялись петь и танцевать вокруг Кришны, но он внезапно исчез. Великий бог сделал это, чтобы испытать своих поклонниц. Много часов провели девушки в чаще, пытаясь вновь найти любимого. Когда наконец он явился им вновь, счастьем пастушек не было предела. Кришна размножил себя так, чтобы каждой девушке достался партнер в этом огромном хороводе, и каждая думала, что только она одна танцует с Кришной. «Думайте обо мне — сказал он пастушкам, — и тогда я всегда буду рядом с вами».

Е.К.

Индийцы почитают волшебную корову Камадхену как прародительницу всех коров, которых поэтому оберегают и считают священными животными, хотя специальных храмов для них не строят. Камадхену обладает чудесным даром — исполняет все желания владельца. Ее еще называют Сурабхи, т.е. «благоухающая», и, по одному из мифов, она появилась из вод Молочного океана во время пахтанья его богами и асурами.

Брахман Джамадагни, отец Парашурамы, которого почитают как шестое воплощение бога Вишну, был великим подвижником и имел лишь одно сокровище — волшебную корову Камадхену. Однажды могучий правитель посетил его и был удивлен поистине королевским приемом, который устроил ему нищий аскет. На вопрос, в чем источник его богатства, Джамадагни просто-душно ответил, что есть у него чудесная корова, исполняющая желания. Разумеется, царь тут же пожелал иметь у себя такую полезную скотину. Однако Джамадагни его устыдил — как может столь великий правитель отбирать у отшельника и его учеников единственный источник существования? Царь отбирать корову не стал, но мысль эту не оставил. Однажды, когда Джамадагни был в глубокой медитации, завистник проник в обитель, отрубил несчастному голову и похитил Камадхену. Когда о подлом убийстве отца узнал его сын Парашурама, его гневу не было предела. Он поклялся матери, что кровью обидчиков — коварного царя и других кшатриев — будет пропитана земля, и исполнил свое обещание. Своим боевым топором он уничтожил многих из них, а оставшиеся в ужасе бежали в другие земли.

Е.К.

Легенды Юго-Восточной Азии

Ил. 86

Девы Кунти — кукла театра *ваянг кулит*

Индонезия, о. Ява, г. Суракарта, сер. XX в.

кожа буйвола, рог буйвола, сквозная резьба, роспись

Инв. № 3883 II

Царица Девы Кунти — персонаж древнеиндийского эпоса «Махабхарата», жена царя Панду и мать трех старших благородных братьев Пандавов. В юности, когда она жила в доме своего приемного отца, ей поручили прислуживать великому отшельнику Дурвасе, гостившему у царя. Мудрец остался доволен ее почтительностью и благонаравием и научил Девы Кунти волшебному заклинанию-*мантре*, призывающей богов. Впоследствии она вышла замуж за царя Панду. Когда выяснилось, что повелитель из-за наложенного на него проклятия не может иметь детей, Девы Кунти рассказала ему о заклинании. Для продолжения своего рода царь попросил ее призвать богов, которые и стали отцами пяти сыновей Панду. Первым на зов явился бог закона и справедливости Дева Дарма (Дхарма)¹, от которого родился Юдистира (Юдхиштхира). Божество ветра Баю (Вайю) стал отцом могучего воина Бимы (Бхимасена), а от предводителя небесного войска Индры появился на свет непревзойденный лучник Арджуна. Спустя некоторое время царь Панду уговорил Девы Кунти помочь его младшей жене Мадрим обрести потомство. Благодаря *мантре* у нее родились два сына-близнеца — Накула и Садева (Сахадева). После ранней смерти Панду Мадрим взошла на погребальный костер мужа, а Девы Кунти воспитывала всех пятерых детей как родных. В дальнейшем, после победоносной битвы на Курукшетре и воцарения Юдистир на престоле, Девы Кунти покинула дворец и провела остаток жизни отшельницей в лесном скиту.

В традиционном индонезийском теневом театре *ваянг кулит* Девы Кунти изображают в платье или кофте с длинными рукавами в отличие от других героинь, грудь которых задрапирована шарфом, а плечи открыты. На голове у нее диадема *джаманг*, а волосы уложены в пучок *гелунг путри келинг*. С подобной же прической предстают царь Панду и старший из братьев Пандавов — Юдистира.

Г.С.

¹ Здесь и далее в аннотациях к иллюстрациям произведений искусства Юго-Восточной Азии используются, как правило, местные имена и названия, а в скобках даются их соответствия на санскрите.

Дурьодана (Дурьодхана) — герой эпоса «Махабхарата», старший из ста братьев Коравов (Кауравы). Властолюбивый и завистливый, он постоянно плел интриги, стремясь уничтожить своих двоюродных братьев Пандавов, чтобы не отдавать им половину царства. Еще в молодости он приказал поджечь дворец, в котором те остановились вместе с матерью. Однако бог Нарада предупредил о заговоре благородных Пандавов, и они спаслись из огня, последовав за белым зверьком, божественным посланцем, в подземный туннель. Когда отец Коравов все же отдал земли Пандавам, Дурьодана организовал нечестную игру в кости, в которой Юдистира, старший из Пандавов, проиграл царство, братьев, себя и их общую жену Друпаци (Драупади). Желая унижить Пандавов, Дурьодана распорядился привести Друпаци и попытаться посадить ее на свои колени. За это разгневанный и оскорбленный Бима (Бхимасена), самый могучий из Пандавов, поклялся сломать ноги Дурьодане. Мсть свершилась на поле Курукшеты, где в решающей битве сошлись армии противников. Когда Коравы потерпели поражение, Дурьодана покинул поле боя, но был найден преследователями. Бима вызвал его на поединок и убил, раздробив палицей бедра. И хотя бить ниже пояса считалось недостойным у благородных витезей, Бима таким образом сдержал свою клятву. Умирающий Дурьодана сказал, что прожил хорошую жизнь, был правителем и храбрым воином. И действительно, когда впоследствии Юдистира попадает в царство богов, он видит там Дурьодану, восседающего на троне, веселящегося в окружении прекрасных женщин. В ответ на негодование Юдистире, напомнившего о преступлениях Дурьоданы, боги сказали, что он заслужил это место своими ратными подвигами.

Дурьодана происходит из царского рода, он наследник правителя, поэтому в теневом театре *ваянг кулит* его изображают со знаками его высокого положения — с роскошной короной на голове, в безрукавке *праба* с крыльями, пышном придворном одеянии.

Г.С.

Гатоткача (Гхатоткача) — персонаж эпоса «Махабхарата», сын Бимы, второго по старшинству из братьев Пандавов, и демоницы-*раксасы* Аримби. Согласно преданию, когда он родился, никто не смог перерезать пуповину младенца. Желая помочь, его дядя Арджуна воззвал к высшим силам, и бог Нарада откликнулся, но по ошибке отдал волшебное копьё Карне — сводному брату Арджуны, с которым они были очень похожи. Арджуна попытался отобрать чудесное оружие, но Карна отстоял его, а Арджуне достались лишь ножны. Удивительным образом ножны перерезали пуповину, а затем втянулись в тело ребенка. Нарада решил присмотреться к необычному мальчику и взял его в небесные чертоги. Здесь Гатоткача поразил всех своей силой — он сумел победить в схватке досаждавшего богам демона. Раздосадованный поражением *раксас* (*ракиас*) потребовал достойного противника, а не ребенка. Тогда Нарада опустил мальчика в кратер вулкана, наполненный магическим огнем, а другие боги побросали туда разнообразное оружие. На следующий день Гатоткача поднялся из вулкана взрослым мужчиной, в совершенстве владеющим военным искусством и впитавшим в себя силу божественного оружия. Он приобрел неуязвимость, мощь, способность летать по воздуху. После этого он с легкостью разгромил войско демонов. Гатоткача был беззаветно предан своему отцу и Пандавам, на стороне которых доблестно сражался в битве на Курукшетре. Защищая своего дядю Арджуну, он напал на врагов с воздуха, скрываясь за облаками, но Карна метнул свое чародейское копьё, то безошибочно устремилось к герою и смертельно поразило его, т.к. внутри тела Гатоткачи по-прежнему находились ножны от наконечника копьё. Прежде чем умереть, воин выразил желание забрать с собой на тот свет как можно больше врагов. Его тело упало с огромной высоты прямо на колесницу Карны, и разлетевшиеся обломки поразили тысячу воинов Коровов.

В театре *ваянг голек* Гатоткача предстает в виде грозного воина — у него клювообразный нос, большие налитые кровью глаза, усы, борода, бакенбарды. Синий или голубой цвет лица указывает на зрелость ума, решительность и твердость характера.

Г.С.

Битва на Курукшетре

Индонезия, о. Бали, сел. Камасан, 1980-е гг.

холст, клеевые краски

Инв. № 10634 II

Сюжет картины взят из яванской эпической поэмы «Братаюда» (XII в.), основанной на древнеиндийском сказании «Махабхарата». На ней изображен один из кульминационных моментов многодневной битвы Пандавов и Коровов на поле Курукшетре — гибель Карны, сторонника злокозненных братьев Коровов. В центре картины помещена колесница Арджуны, непобедимого воина из клана Пандавов. Напротив него на колеснице стоит Карна, смертельно пораженный волшебной стрелой Арджуны в горло. Между колесницами могучий Бима, один из братьев Пандавов, замахивается палицей на Сакуни (Шакуни), обхватив другой рукой его за шею. Об этой палице, именуемой Лубвадана, говорится в малайской «Повести о непобедимых Пандавах» (XV в.), что если Бима «...обрушивал удар той палицей на море — море высыхало, если обрушивал удар на гору — гора раскалывалась, а если вращал ею над головой — на землю нисходила тьма...». Именно Сакуни, советник Дурьоданы, постоянно настраивающий его против двоюродных братьев, участвовал со стороны Коровов в нечестной игре в кости, в которой Пандавы потеряли свое царство. Сакуни использовал игральные кубики, вырезанные из кости его родича, поэтому они всегда выпадали, показывая нужное ему число очков. Справа на картине фигуры убегающих с поля битвы воинов Коровов. Слева нарисованы Пандавы и их сторонники, включая духовного учителя *реси* в большом черно-белом головном уборе. За колесницей Арджуны едут его братья Садева (Сахадева) и Накула. За их спинами восседает Друпаци (Драупаци), общая жена Пандавов, стремящаяся отомстить за оскорбление, нанесенное ей Коравами. Она поклялась не укладывать свои длинные локоны в прическу, пока не омоет их кровью Дурсаны (Духшасана), осмелившегося во время злополучной игры в кости схватить ее за волосы. Над персонажами в воздухе изображены летящие стрелы, срубленные в сражении зонт, знамя и древки от них. В нижней части картины можно видеть сражающихся воинов-простолюдинов и слуг-*панакаванов*, помощников главных героев, вооруженных кинжалами-*крисами*.

Г.С.

Ил. 90

Принц Рама — кукла театра *ваянг кулит*

Индонезия, о. Ява, сер. XX в.

кожа буйвола, рог буйвола, сквозная резьба, роспись

Инв. № 6644 II

Батара Рамавиджая — принц Рама, герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна», воплощение бога Вишну на земле. Он сын и наследник махараджи Дасараты (Дашаратха), правителя царства Айодьи (Айодхья). В «Сказании о Сери Раме», индонезийском переложении «Рамаяны», говорится, что Рама родился прекрасным обликом, тело его было цвета зеленого изумруда, а лицо сияло, как полная луна. Уже в юности вместе со своими тремя братьями он совершил много подвигов, убивая демонов-*раксасов*. В положенный срок принц женился на прекрасной принцессе Сите Деви, победив в соревновании женихов. Он единственный сумел поднять гигантский лук и прострелить одной стрелой 40 веерных пальм. Вскоре Дасарата решил возвести на престол Раму, но этому воспротивилась одна из младших жен махараджи. Воспользовавшись данным ранее Дасаратой обещанием исполнить ее любое желание, она потребовала отпустить Раму в изгнание. Благородный Рама, который не мог допустить, чтобы слово отца было нарушено, добровольно покинул дворец вместе с супругой Ситой Деви и преданным братом Лаксаманом (Лакшманом). Когда они вели отшельническую жизнь в лесу, повелитель *раксасов*, десятиглавый Равана сумел похитить Ситу Деви. Рама отправился ее освобождать, и помогло ему в этом войско медведей и обезьян, возглавляемое могучей белой обезьяной Хануманом. После многодневной битвы в царстве *раксасов* на острове Аленгка (Ланка) принц Рама убил Равану. Как говорится в «Сказании о Сери Раме», было это непросто, ибо как только Рама своей стрелой срезал головы Раваны, они вырастали вновь. И лишь когда принц отстрелил маленькую голову ниже правого уха повелителя *раксасов* и разрубил его тело волшебным мечом, принесенным Хануманом, смог он одержать окончательную победу. Рама освободил свою возлюбленную супругу, но не мог оставаться ее мужем, ведь та провела много времени в доме чужого мужчины. Чтобы доказать свою чистоту, Сита Деви решила пройти испытание огнем. Она поклялась, что ни один мужчина, кроме Рамы, не касался ее, и призвала в свидетели бога огня Агни, после чего вошла в пылающий костер. И пламя не причинило ей ни малейшего вреда. Обрадованный Рама обнял супругу и воссел с ней на трон, украшенный драгоценными камнями и жемчугом.

Кукла театра *ваянг кулит* изображает Раму в царственном облике, голова его слегка опущена, что указывает на благородное достоинство и сдержанность характера.

Г.С.

На панно изображена сцена охоты на золотую лань. В этом эпизоде «Рамаяны» рассказывается о пребывании принца Рамы, его супруги Ситы Деви и брата Лаксамана в лесном скиту. Однажды Лаксаман увидел спускающийся с небес волшебный меч. Поймав его, он решил испытать оружие и одним взмахом уничтожил целую рощу. При этом он ненамеренно убил сына *раксаси* Суры Пандаки, жившего отшельником в этой роще. Желая заманить обидчиков в смертельную ловушку, Сура Пандаки приняла облик обольстительной женщины и попыталась соблазнить Раму и Лаксамана. Оба героя отвергли ее притязания, а когда она начала оскорблять Ситу Деви, Лаксаман в гневе отрубил демонице нос. Изувеченная Сура Пандака пожаловалась своему брату, повелителю демонов Раване. И тот, чтобы отомстить Раме и Лаксаману, задумал похитить Ситу Деви. Одного из демонов он превратил в золотую лань и велел выманить принца в лес. Когда чудесное животное появилось около хижины, где жили изгнанники, Сита Деви попросила супруга поймать лань. Рама бросился в погоню, велел Лаксаману остаться и охранять его супругу. Заколдованный демон увел Раму далеко в чащу, и в этот момент находящийся поблизости Равана стал, подражая голосу принца, звать на помощь Лаксаману. Сита Деви умоляла Лаксаману отправиться на подмогу к брату, но тот отказался, помня наказ Рамы не оставлять ее одну. Тогда принцесса обвинила Лаксаману в том, что он желает смерти брату, чтобы жениться на ней. Оскорбленный Лаксаман последовал за Рамой, но предварительно обвел защитный круг вокруг хижины. Вскоре демон Равана, приняв облик святого человека, пришел к лесному домику и попросил подаяния у женщины. Та неосторожно покинула безопасное место, и в тот же момент Равана принял свой настоящий облик, схватил Ситу Деви и увез ее на летающей колеснице в свое царство Аленгку.

В левой части панно среди тропической растительности изображены принц Рама и Лаксаман, пытающиеся поймать лань. За спиной у них стоит Сита Деви. В правой части Рама поражает лань стрелой и умирающий демон принимает свой настоящий облик.

Г.С.

Скульптура изображает демона Равану, одного из главных героев «Рамаяны», которого в мьянманской литературной традиции обычно называют Датагири (Дашагрива), т.е. «Десятишейей». Такое имя согласно эпической легенде предводитель демонов-*ракишасов* получил потому, что имел десять голов и двадцать рук. Его рождению предшествовали дурные предзнаменования: небеса покрылись темными тучами, завывли волки и жалобно закричали птицы, вся вселенная содрогнулась, когда на свет появилось десятиглавое чудовище. Чтобы обрести божественный дар непобедимости, Датагири в течение десяти тысяч лет предавался суровому подвижничеству. Многоликий Брахма даровал демону желаемое, так что ни боги, ни демоны не могли одолеть его в битве. Только про людей забыл Датагири. Много проклятий заслужил он за свои бесчинства и разбойничьи дела во всех мирах вселенной. Три из них оказались пророческими. Первым его проклинал страж и советник бога Шивы, которого Датагири обозвал обезьяной. Страж сказал, что гибели демона будет способствовать божественная обезьяна Хануман. Затем дочь мудреца, которую Датагири пытался обесчестить, в гневе предсказала, что он погибнет из-за нее, так как в следующем рождении она будет Тидой (Ситой), женой Рамы. И наконец, один из побежденных *ракишасом* царей Аюддаи (Айодхьи) предрек, что тот падет от руки царевича из его рода. Пророчества начали сбываться: по просьбе небожителей Вишну родился в семье царя Аюддаи Даттаратхи (Дашаратхи) в облике принца Рамы и стал благородным мстителем и победителем Датагири. В борьбе с Рамой демона постоянно преследовали неудачи. Похитив Тиду, он побоялся овладеть ею силой. В прошлом он соединился с одной из богинь против ее воли и та проклинала его, сказав, что если он еще раз обесчестит женщину, голова его расколется на тысячу частей. Хануман, которого однажды Рама спас от злых чар (тот был превращен в крошечную мартышку), постоянно оказывал герою помощь в борьбе с *ракишасами*. В решающем сражении Рама, натянув божественный лук, пронзил все десять голов Датагири, которые посыпались на землю, «словно срезанные ножом плоды сахарной пальмы», как говорится в одной из поэтических мьянманских версий «Рамаяны».

Н.Г.

Сюжет данного произведения восходит к поэме «Риэмке», являющейся кхмерским переложением эпоса «Рамаяна». На панно изображен предводитель обезьяньего войска Хануман, ухаживающий за прекрасной девой. Сын бога ветра, могучий и отважный Хануман, являлся преданным помощником принца Риэма (Рамы). Узнав, что супруга Риэма, принцесса Ниэнг Сета (Сита), была похищена повелителем демонов Риэпом (Раваной), Хануман начинает поиски пути на Лангку, куда она была увезена. Во время своих странствий Хануман попадает на остров, на котором стоит дворец, окруженный высокой стеной. Он проникает туда и знакомится с единственной обительницей этого места девой Бутмали. Своим обходительным и галантным поведением Хануман завоевывает сердце уставшей от одиночества девушки. После ночи любви она преображается в небожительницу *теводу*. Оказывается, раньше она жила в небесном царстве, но провинилась перед грозным богом Преах Эйсо и тот сослал ее на землю на 30 000 лет. И лишь встреча с Хануманом вернула ей ее истинный облик и позволила вернуться в божественные чертоги. Другой эпизод, связанный с любвеобильностью обезьяньего предводителя, происходит на Лангке, где сражаются армии Риэма и демонов. Чтобы заставить Риэма отступить, правитель демонов Риэп придает своей племяннице Поньякай вид мертвого тела принцессы Ниэнг Сеты и спускает его по реке. Когда благородный принц увидел плывущее тело своей усопшей жены, он был безутешен, и с ним горевали все его соратники. Лишь Хануман оказался не столь доверчив и предложил кремировать Ниэнг Сету. Когда пламя вспыхнуло, Поньякай не выдержала, приняла свой настоящий облик и взлетела из огня в воздух, где ее тотчас же поймал Хануман. Узнав ее историю, Риэм отпустил девушку, а Хануман взялся проводить ее на Лангку. По пути он своим ласковым обхождением заслужил ее любовь.

Г.С.

На крышке шкатулки для жевательной бетельной смеси изображен Мачануп, персонаж кхмерской поэмы «Риэмке», сын предводителя обезьяньего войска Ханумана и русалки Сованнмачи. Хануман встретил русалку во время строительства моста на остров Лангку, который сооружался по приказу принца Риэма чтобы попасть в царство демонов. Возводя основание, обезьяны каждый день кидали камни в море, но те бесследно исчезали. Тогда Хануман нырнул в волны и увидел, что морские обитатели растаскивают камни, препятствуя возведению переправы. А управляет ими прекрасная русалка, которую Хануман попытался поймать. Но изящное и ловкое создание ускользало от него, и тогда он решил попробовать ласку и обольщение. Обезьяньему вожаку удалось завоевать любовь русалки, которую звали Сованнмача. Она оказалась дочерью повелителя демонов Риэпа, и он повелел ей помешать армии принца достичь Лангки. Но, узнав о похищении отцом возлюбленной принца Риэма, Сованнмача согласилась помочь Хануману. Вскоре мост был построен, и перешедшая по нему на остров армия Риэма вступила в битву с демонами. Битва длилась много дней, и однажды случилось так, что принц Риэм был околдован сонным зельем и попал в плен к правителю подземного царства Батдалу. Хануман отправился спасать его. Приблизившись к Батдалу, он встретил странное существо с туловищем и головой обезьяны, но с рыбьим хвостом. Этот могучий страж подземелья по имени Мачануп немедленно вступил в схватку с Хануманом. Противники долго сражались, но ни один не мог одолеть другого. Тогда Хануман решил узнать, кто этот достойный воин, и оказалось, что это его сын от русалки Сованнмачи. Родичи тут же примирились, и Мачануп показал отцу вход в царство Батдал. Царственный пленник здесь строго охранялся, и никто не мог проникнуть к нему. Тогда Хануман обратился в маленького жучка и прицепился к одежде пожилой женщины, носившей воду для котла, в котором собирались сварить Риэма. Попад в помещение, Хануман принял гигантскую форму, сразил всех охранников и вынес из Батдала по-прежнему спящего Риэма. После победы над демоном Риэпом правителем этого царства был поставлен Мачануп.

Г.С.

Во многих пьесах кукольного театра Мьянмы участвует необычный персонаж — мифическое существо Галоун (от санскр. *гаруда* — «пожиратель»), изображаемое с человеческим торсом, птичьей головой, крыльями и лапами с острыми когтями. Согласно одной из легенд он первым среди пернатых появился на земле и стал царем птиц, также называемых *галоунами*, которые обитают в небесных сферах и волшебных лесах Гималаев. Галоун связан с солярным культом, о чем говорит древний миф о рождении этого птичечеловека из огромного яйца. Его золотое тело и ярко-алые крылья так сверкали, что ослепленные сиянием боги приняли его за солнечное божество. Галоун прославился тем, что смог украсть у богов напиток бессмертия *амриту*, чтобы выкупить из рабства свою мать. Та должна была пятьсот лет находиться в услужении у своей сестры и ее тысячи сыновей, имевших облик змей-*нагов*. Галоун проник в небесную обитель, где хранился напиток бессмертия, проскользнул, уменьшившись в размере, меж спиц вращающегося колеса и сразился со змееобразными чудовищами, хранителями *амриты*. Из пастей у них текла ядовитая слюна, а горящие немигающие глаза излучали смертоносные лучи, которые сжигали дотла посмотревшего в них. Но Галоун засыпал глаза змей пылью, разорвал их и затем завладел *амритой*. Сокрушенные этим боги попросили Вишну догнать птицу и вернуть чудесный нектар. После безуспешной борьбы с Галоуном Вишну предложил ему любой дар за напиток бессмертия. Галоун захотел стать выше Вишну, и тот поместил его изображение на своем знамени, но попросил стать его *ваханой* — ездовым животным.

Могучий Галоун постоянно воюет с *нагами*, нередко убивая и пожирая их. Жители Мьянмы верят, что схватка этих существ порождает различные катаклизмы: грозу, бурю, землетрясение. Эту сцену показывают иногда в кукольном театре *йоутейпве*. Появляется Галоун и в постановках по мотивам эпоса «Рамаяна». Он бесстрашно вступает в бой с демоном Датагири (Раваной), похитившим прекрасную Тиду (Ситу) (в классической индийской версии с демоном сражается сын Гаруды — орел Джатаю). Однако птица терпит поражение, т.к. одолеть демона предопределено только герою сказания Раме.

Н.Г.

Марионетка властителя небес Тэчжамина одета в расшитый блестками костюм, на голове у него трехъярусная корона, а туфли сделаны в виде мифической утки *хинты*, что допускалось лишь на обуви божеств и правителей. Тэчжамин — один из важных персонажей мьянманской мифологии. Он является главой духов-*натов*, которые, как верят в Мьянме, населяют все предметы и живые существа. Тэчжамина считают воплощением индуистского бога Индры, называют Саккой (Могучим), а в храмовых росписях иногда изображают с двумя парами глаз и ушей, ведь он все видит и слышит, что творится на земле. Говорят, что на Новый год по буддийскому календарю, который отмечается в середине апреля, он спускается в мир людей. В одной руке у него книга в золотом переплете, в другой — в переплете из собачьей кожи. В первую он записывает хорошие поступки, а во вторую — грехи и злодеяния людей, что определяет их судьбу.

По представлениям мьянманцев, Тэчжамин участвовал во всех происходящих в стране важных событиях. Вот что говорит легенда о возникновении самой священной в Мьянме ступы Шведагон. Давным-давно на этом месте рос густой тропический лес. Живший здесь отшельник как-то нашел необыкновенный цветок, из которого вышла прекрасная девушка. Отшельник удочерил ее, а Тэчжамин был так очарован ее красотой, что, спустившись на землю в облике юноши, женился на ней. От этого союза родился Оккалапа, ставший впоследствии королем народа мон. Именно он основал на высоком холме ступу для хранения буддийских реликвий. Когда купцы Тапоуса и Пхалика привезли из Индии восемь золотых волосков Будды Гаутамы, Тэчжамин помог Оккалапе выбрать место для святилища. И перед тем как волоски Будды поместили в реликварий, они взлетели на высоту семи пальм и излучали такой волшебный свет, что произошло чудо: слепые стали видеть, глухие — слышать, немые — говорить, а хромые — ходить. Тэчжамин усыпал землю холма драгоценными камнями по колено собравшимся и накрыл реликварную камеру огромным слитком золота. Легендарное предание предвосхитило действительность. Находящаяся в центре Янгона, бывшей столицы страны, и достигшая в XX в. после многочисленных надстроек стометровой высоты ступа Шведагон превосходит по количеству вложенных в нее драгоценностей все буддийские памятники мира.

Н.Г.

Ил. 97

Пагода на одной колонне

Вьетнам, 1960–1970-е гг.

дерево, лак, роспись

Инв. № 19721 I

На картине изображен буддийский храм, возвышающийся над небольшим прудом в центре вьетнамской столицы. Согласно летописям в 1049 г. императору приснилась сидящая на лotosовом троне *бодхисатва* милосердия Куанам, которая пригласила правителя к себе. Государь, сочтя это неблагоприятным предзнаменованием, рассказал свой сон придворным толкователям, и те посоветовали ему построить в центре квадратного водоема на каменном столбе пагоду в форме лотоса, посвященную Куанам. День и ночь вокруг храма чинно шествовали монахи, читая молитвы и желая императору долгих лет. Поэтому пагоду стали называть Зиенхью, т.е. «В помощь продлению». Однако это название скоро забылось, и ее уже давно именуют Пагодой на одной колонне.

Построенный в духе традиционной архитектуры Дальнего Востока храм имеет изогнутую черепичную крышу с фигурами драконов по углам. О возникновении подобной формы повествует старая китайская сказка «Как у дракона в долг дворец брали». В ней говорится о царе драконов Восточного моря Лун-ване, обладавшем несметными сокровищами, сокрытыми на дне морском. Жил он в хрустальном дворце необычайной красоты. Как-то раз мастер Лу Бань, случайно увидев его, захотел, чтобы и люди смогли любоваться такой красотой. Он попросил царя драконов вынести дворец на берег, решив, глядя на него, построить похожее здание. Лун-ван согласился, но взял с мастера обещание уложиться со строительством в три дня. Однако за отведенный срок строители успели возвести лишь стены, но, не желая отдавать дворец, прибили его накрепко к берегу. Царь драконов был в ярости, отчего море пришло в такое сильное волнение, что мощный прилив выбросил на берег морских обитателей. Любопытный маленький дракончик забрался на крышу, карпы шлепали хвостами у дверей, вокруг дворца ползали крабы. А когда настало утро, в свете лучей восходящего солнца дракончик, не успевший спуститься с крыши, погиб. Лишь голова и хвост его поднялись вверх, а туловище вытянулось по скату крыши. Мастер и его ученики были поражены этим зрелищем. Они вылепили из глины фигуру дракона и установили ее на крыше, а медные дверные ручки сделали в виде карпов. С тех пор в Китае, а потом и в других странах стали строить такие здания.

А.Л.

Ил. 98

Нгуен Тиен Чинь

Пагода Тхай

Вьетнам, 1961 г.

дерево, лак, яичная скорлупа, роспись, инкрустация

Инв. № 14247 I

Изображенный на картине в окружении бамбука и банановых пальм храм «Небесного счастья» (Тхиен Фу) расположен у подножия горы Шай на севере Вьетнама, неподалеку от Ханоя. Это один из самых старых архитектурных комплексов страны, сохранившихся до наших дней. Он был построен в XI в. и в последующие столетия неоднократно перестраивался. Более широкую известность получило другое название сооружения — «Пагода Учителя» (*тьюа Тхай*), поскольку оно было посвящено буддийскому проповеднику и поэту Ты Дао Ханю. По легенде, он происходил из семьи одного из чиновников при дворе императора династии Поздние Ли. Когда он был еще маленьким, его отца оклеветали и убили. Мальчик поклялся отомстить за его смерть. Покинув родные места, он долгие годы скитался, овладевая в дальних странствиях искусством магии. Спустя годы он возвращается на родину, чтобы исполнить свою клятву. Стоя на берегу, он произносит слова заклинания, бросив в реку свой железный посох. Тяжелый посох не тонет, плывет против течения реки и, найдя обидчика отца, убивает его.

Ты Дао Хань прожил долгую жизнь, за которую совершил немало праведных поступков. Прославился он также как искусный целитель, за что в следующем рождении стал сыном богатого чиновника, которого спустя некоторое время усыновил император Ли Нян Тон, не имевший наследников. После смерти императора Ты Дао Хань в течение десяти лет правил страной под именем Ли Тхань Тона. Затем он передал трон своему сыну, а сам удалился в пагоду Тхай, став монахом. Согласно легенде он своими руками построил в центре искусственного озера, расположенного перед пагодой, небольшой павильон для показа спектаклей театра кукол на воде — уникального вида театрального искусства, популярного во Вьетнаме с XI в. Это сооружение и изображено на заднем плане картины из собрания музея.

А.Л.

Ил. 99

Блюдо с изображением «Озера Возвращенного меча»

Вьетнам, перв. пол. 1950-х гг.

дерево, лак, роспись

Инв. № 11986 I

Озеро Возвращенного меча является одной из главных достопримечательностей Ханоя и находится в самом центре старого города. С этим местом связано немало старинных легенд. Одна из них — об основателе вьетской династии Поздние Ле (1428–1788) простом рыбаке Ле Лое, возглавившем в XV в. борьбу против китайской династии Мин. С помощью чудесного меча, полученного от Золотой черепахи Ким Куи, жившей в озере, он сумел разгромить врагов и освободить страну. Однажды, после того как Ле Лой вззошел на престол и стал править под именем Ле Тхай То, он совершал прогулку по озеру и вновь увидел волшебную черепаху, показавшуюся из воды перед носом лодки. Черепаха попросила вернуть ей меч. В тот же миг острый клинок превратился в дракона и скрылся в водах озера, получившего название Озеро Возвращенного меча.

Посвященный Ле Лою поминальный храм *ден* и небольшой памятник были воздвигнуты на одном из берегов озера, а на островке в центре водоема в XIX в. соорудили трехъярусную Башню священной черепахи. Ее изображения настолько популярны, что башня стала одним из неофициальных символов столицы. На переплете для альбома из коллекции музея можно видеть изображение знаменитого архитектурного памятника и его отражение в водной глади озера, на глубине которого до сих пор, как считают ханойцы, обитают большие черепахи, охраняя покой жителей города.

К сожалению, многие культовые сооружения, расположенные по берегам озера, были разрушены. Сохранился лишь стоящий на небольшом острове на озере храм Нефритовой Горы (*ден* Нгок Шон), сооруженный в XVI–XVIII вв. На лаковом блюде из коллекции музея изображен красный «горбатый» мостик Тхе Хук (Восходящего солнца), перекинутый с берега к четвертым храмовым воротам. В былые времена, когда озеро имело большие размеры, в храм приплывали на лодках, и лишь в XVIII в. из бамбука был построен мостик.

А.Л.

Ил. 100

**Переплет для альбома с изображением
«Озера Возвращенного меча»**

Вьетнам, перв. пол. 1950-х гг.

дерево, лак, металл, роспись

Инв. № 1243 ДВ II

Скульптура изображает стоящего Будду с поднятой рукой в жесте *абхая*, что буквально означает «бесстрашие», а в Таиланде и Лаосе символизирует успокоение, усмирение страстей. Исполняемый разными рукам этот жест приобретает дополнительные смыслы: если Будда показывает его правой рукой, то это означает «прекращение ссор и раздоров», а если левой, как в данном случае, то это *хампхакэнтян* («останавливающий Пхакэнтяна»). Смысл жеста связан с широко известной в буддийских странах Индокитая легендой о сандаловой статуе. В ней рассказывается, как однажды индийский правитель княжества Косалы Пасенади, ревностный почитатель Будды, решил сделать великому учителю подношение. Но Будда в это время отправился на небеса Таватимса рассказать о своем учении богам и своей матери Майе (она умерла через неделю после рождения сына и возродилась как богиня). На небесах Учитель пробыл весь дождливый сезон (т.е. три месяца). Пасенади, огорченный тем, что не может видеть Учителя и слушать его проповеди, приказал изготовить из сандала статую Будды, чтобы поклоняться ей в отсутствие Учителя. Придворному мастеру, которому была поручена эта работа, сначала никак не удавалось воспроизвести облик Просветленного. Мастеру помог ученик Будды Моггаллана, который благодаря своим магическим способностям перенес его на небо и показал проповедующего там Учителя. После этого скульптор успешно завершил работу, и вырезанная в полный рост статуя была установлена во дворце Пасенади. Ее назвали Пхакэнтян, что означает «Священный сандаловый образ». Когда Будда вернулся на землю и по приглашению короля посетил его дворец, скульптура чудесным образом ожила и сделала шесть шагов ему навстречу. Подняв левую руку, Будда остановил статую и, по достоинству оценив ее художественные качества, объявил, что наделяет Пхакэнтяна своими «совершенствами» и что отныне он станет образцом для всех его изображений в течение последующих пяти тысяч лет.

Н.Г.

Ил. 102

Блюдо

Мьянма, 1960–1970-е гг.

металл, чеканка

Инв. № 10773 II

В центре блюда в окружении фриза с рельефными фигурами зодиакальных животных изображена сцена на сюжет самой известной буддийской джатаки «Вессантара». В ней рассказывается о предпоследнем рождении Будды в образе принца Вейтандэи (Вессантары), прославившегося своей необыкновенной щедростью и великодушием. Его отец Санджая, правитель индийского княжества Сиви, слыл добродетельным человеком, и мать Пхуссати, бывшая в предыдущей жизни главной женой владыки небес Сакки, отличалась милосердием и добротой — она каждый день в течение всего срока своей беременности раздавала милостыню 60 тысячам человек. В день, когда родился Вейтандэя, в княжеском стойле появился на свет чудесный белый слоненок, ставший символом благополучия и процветания страны. Принц рос таким же добросердечным, как и его мать, щедро одаривая всех обращавшихся к нему за помощью. Но после того как Вейтандэя пожертвовал волшебного белого слона посланцам из соседнего царства, где случилась засуха, возмущенные этим поступком принца жители попросили короля прогнать его из города. Король не смог отказать подданным, и пришлось принцу отправиться в изгнание. Колесницу Вейтандэи, покидающего свой дворец вместе с женой Мади и двумя детьми, можно видеть в центре музейного блюда.

По дороге в лесную обитель изгнанники встретили брахманов, которые попросили у принца его коней и колесницу. Великодушный Вейтандэя одарил их, и семья продолжила свой путь пешком. Они поселились в маленькой хижине у подножия горы Вингаба в Гималаях. Весть о бескорыстии Вейтандэи вскоре облетела всю страну. Узнал об этом и жадный брахман Зузака (Джуджака). Он добрался до обители и умолил Вейтандэю отдать ему в услужение детей. В этот момент Мади собирала в лесу плоды и ягоды для пропитания семьи, звери преградили ей путь в хижину, так что она не смогла помешать мужу пожертвовать детьми. Последнее испытанию герою устраивает бог Сакка. Приняв облик старца, он просит у Вейтандэи любимую жену, и тот дарит ее не колеблясь. Пораженный такой жертвенностью принца, Сакка возвращает ему Мади. Через некоторое время отец принца выкупает у брахмана Зузаки своих внуков. Заканчивается вся история благополучным возвращением героя домой и воссоединением семьи.

Н.Г.

Несмотря на то что вера в защитную магию амулетов относится к древнейшим языческим формам религиозных представлений, в Таиланде она гармонично вписалась в буддийскую сферу и стала неотъемлемой частью ритуальной практики буддизма. Как правило, именно монахи изготавливают амулеты и, чтобы они обрели охранную силу, проводят церемонию их освящения в храмовом святилище. Сильными магическими свойствами обладает, по мнению тайцев, амулет, изображающий стоящего мудреца-отшельника *рыси* (*риши*). Этому персонажу приписывают различные сверхъестественные умения: способность видеть будущее, настоящее и прошлое, знание алхимии, магии и медицины. Кроме того, он может извергать пламя из глаз, за что и получил имя Пхокэтхатфай, т.е. «Отшельник с огненными глазами». В руке у него изогнутый посох — символ змеиной мудрости. Считается, что амулеты с фигурой *рыси* помогают людям постичь буддийские истины, сделать успешную карьеру и защититься от черной магии.

Отшельники и странствующие монахи, к которым тайцы относятся с большим почтением, часто фигурируют в легендах. Одна из них рассказывает о жившем когда-то искусном охотнике. У него было доброе сердце, поэтому в конце концов он решил бросить свое занятие, стал отшельником и поселился на склоне одной из гор Химавата (Гималаев). Случилось так, что у подножия этой же горы стали жить прекрасные девы-птицы *киннары*. К несчастью, вскоре здесь появился чудовищный паук. Он сплел свою паутину прямо у пещеры *киннар*, и когда какая-нибудь из них попадала в ловушку, паук убивал ее и съедал. Долго гибли девы-птицы. Наконец оставшиеся в живых разыскали охотника и стали умолять спасти их. Он сначала отказывался, говоря, что дал обет стать монахом и не может убивать живых существ, иначе навлечет на себя несчастье. Но, увидев прекраснейшую из *киннар*, влюбился в нее и согласился сразиться с чудовищем. Он взял дубину, пришел к пещере и в кровавой схватке убил паука. Охотник женился на красавице птице и прожил с ней долгую и счастливую жизнь. Как говорится в конце этой волшебной истории, не всякое нарушение обета приводит к несчастью.

Н.Г.

В Лаосе в дни Пимая, буддийского Нового года, отмечаемого в середине апреля, когда солнце из созвездия Рыб переходит в созвездие Овна, во всех храмах проводят торжественную церемонию омовения водой статуй Будды. Вода символизирует обновление и возрождение жизни, начало нового цикла, поскольку заканчивается жаркий сезон и на землю проливаются первые дожди. Легенда так объясняет происхождение этого обычая. В давние времена жил на земле король-волшебник. Было у него двенадцать дочерей. Когда на свет появился первый ребенок, король нарисовал крысу, дочь назвал Тынг Ну, что означает «покровительница крысы», и год ее рождения посвятил этому животному. Крыса ожила, и девочка смогла играть с ней. После рождения второй дочери король изобразил быка и сказал девочке, что она будет покровительницей года быка. Третья дочь получила рисунок с тигром, ставшим знаком ее года рождения. И следующим своим дочерям отец дарил рисунки животных и покровительство над ними — это были кролик, дракон, змея, лошадь, коза, обезьяна, петух, собака, свинья. Так появился двенадцатилетний животный цикл.

Прошло много лет, и король-волшебник решил покинуть землю. Он взлетел в воздух и направился в небесные сферы. Внезапно налетел сильный ветер, оторвал голову волшебнику и понес ее в землю «лао с белыми животами», где она и упала. При падении голова так сильно раскалилась, что невозможно было дотронуться до нее. Никто не знал, чья это голова. По всей стране послали гонцов с просьбой опознать голову. Многие приходили на нее посмотреть, и только двенадцать принцесс узнали в ней голову отца. Было решено, что каждая из них будет по году хранить голову, а момент передачи ее от одной сестры к другой и будет считаться началом Нового года. Так как голова все время оставалась очень горячей, то при передаче приходилось постоянно поливать ее водой, чтобы охладить. Отсюда и возник обычай омыwać священные буддийские скульптуры водой и устраивать водные баталии в дни Пимая.

Н.Г.

Ил. 105

Пхувьенг

Панно с изображением танцоров в масках первопредков

Лаос, 1975 г.

дерево, резьба

Инв. № 5403 II

В средневековой лаосской столице Луангпхабанге среди новогодних церемоний Пимая важное место занимает ритуальный танец в масках первопредков Пху Ньё и Ня Ньё (Деда и Бабки Ньё). В представлении воспроизводятся сцены мифического сказания о Кхун Боломе, где говорится о возникновении лаосского королевства. Давным-давно небо и земля находись близко друг от друга, их соединяла большая лиана, по которой божества могли ходить, как по мосту. Земля в то время была еще голой и пустынной, и верховный бог Тхэн Луанг решил заселить ее живыми существами. Первоначально он слепил фигурки людей из глины, но они оказались несовершенными и жили несправедливо, не почитая богов. Тогда Тхэн Луанг устроил потоп, погубивший всех людей. В следующий раз бог послал на землю волшебного буйвола, который вспахал первое рисовое поле и сразу умер. Из его ноздрей выросла плеть гигантской тыквы с плодами, внутри которых находились не только семена растений, но и различные животные и люди.

Чтобы наладить жизнь на земле, Тхэн Луанг отправил туда своего младшего сына Кхун Болома вместе с небожителями Дедом и Бабкой Ньё. Старики проткнули тыквы, выпустили оттуда людей и животных, извлекли семена и посеяли их, а Кхун Болом обучил людей сельскому хозяйству, ремеслам, обычаям и обрядам. Через некоторое время Дед и Бабка Ньё поселились в лесной хижине. В джунглях они встретили маленького сказочного зверя, у которого была косматая золотистая грива. Они приручили его и назвали Синг Кхамом (Золотым львом). Но однажды случилось несчастье. Побег гигантской тыквы так разросся, что затмил все небо и солнце. Земля погрузилась во мрак, и все живое стало погибать от холода и голода. Тогда Дед и Бабка Ньё, обладавшие волшебными силами, решили срубить побег. Они сделали это, но при падении тяжелые ветви растения ударили их, и старики умерли. Так они спасли мир. Семь сыновей Кхун Болома разделили землю между собой, и старшему, Кхун Ло, досталась территория, где потом возникло лаосское королевство. До сих пор лаосцы почитают Деда и Бабку Ньё как своих первопредков и покровителей страны.

Н.Г.

Ил. 106

Нгуен Данг Кхием

Легенда о правителе Анзыонге

(серия из четырех свитков)

Вьетнам, 1986 г.

бумага, гуашь, ксилография, раскраска

Инв. №№ 20307 I — 20310 I

На серии авторских свитков представлена история о *выонге* Анзыонге — одном из вьетнамских правителей, жившем в III в. до н.э. и основавшем государство Аулак. В те времена люди почитали золотую черепаху Ким Куи, которая олицетворяла божество Южного моря, нередко приходившее на помощь людям в трудную минуту. По легенде, Ким Куи подарила Анзыонгу обладающий чудодейственной силой коготь. Из него был сделан спусковой крючок арбалета, без промаха разящего целые армии врагов. Правитель назвал его «Чудесный арбалет с золотым когтем прославленного духа» и хранил секрет оружия в тайне, доверив его лишь своей дочери, принцессе Ми Тяу. Завладеть подобным оружием мечтали правители всех соседних стран, и одному из них удалось женить своего сына Чонг Тхуи на красавице Ми Тяу. Молодая жена выдала секрет мужу, и бедный юноша, не в силах противоречить отцу, предал любимую и ее отца, подменив чудесный коготь простым. Это позволило противникам захватить крепость-столицу, и Анзыонг вместе с дочерью вынужден был бежать. Не веря в измену, Ми Тяу бросает по дороге вырванные лебединые перья из своей накидки. По этим следам Чонг Тхуи находит беглецов, догнав их на морском побережье. Анзыонг вновь призывает на помощь волшебную черепаху, и она рассказывает ему правду. В гневе Анзыонг убивает дочь, и капельки крови несчастной девушки, стекая в воду, превращаются в сияющие жемчужины. Вне себя от горя несчастный отец бросается в море, чтобы покончить с собой, но Ким Куи, сжалившись, спасает правителя и увлекает безутешного отца на дно морское сквозь расступившиеся перед ними волны. Не выдержавший сердечных мук муж Ми Тяу впоследствии бросается в колодец. Согласно легенде, если добытый в Восточном море жемчуг омыть водой из этого колодца, его блеск станет ярче.

А.Л.

Одним из героев древности является легендарный богатырь Зяунг из деревни Фудонг. Предание гласит, что своим появлением на свет он был обязан женщине преклонных лет, напившейся как-то в особенно жаркий день воды из следа, оставленного на дороге ногой духа. Спустя три года и три месяца — ровно столько времени длилась ее беременность — она родила сына. Несколько лет ребенок не разговаривал и лежал неподвижно в своей люльке, получив имя «Мальчик в бамбуковой колыбели». И лишь когда на царство Ванланг с севера напали войска китайского правителя династии Шан-Инь, а гонцы правителя вьетов разъезжали по стране в поисках способного возглавить армию человека, мальчик сел в колыбели и сказал, чтобы мать привела к нему глашатая. В сильном изумлении выслушал придворный гонец ребенка, который потребовал передать государю, чтобы ему выковали железные доспехи, копье и огромного железного коня — тогда он победит врага. День и ночь кипела работа столичных кузнецов, выполнявших заказ самого государя. И вот настал день, когда конь-исполин и чудесные доспехи с грозным оружием были доставлены в деревню. За это время мальчик чудесным образом вырос, и слухи о герое, вызвавшемся спасти страну от врагов, разнеслись далеко. Юношу стали уважительно называть Тхань Зяунг (Волшебный бамбук). Богатырь вскочил на железного коня, поднял копье и устремился во вражеский лагерь. Конь его неся, чуть касаясь копытами земли, а из ноздрей животного вырывались потоки огня.

На картине изображен кульминационный момент битвы, когда в пылу схватки богатырь сломал копье и, вырвав из земли бамбук вместе с корнями, бил врага, используя растение в качестве оружия. Враг был повержен. После сражения конь Зяунга помчался по горным вершинам, поднимаясь все выше и выше, и умчал героя в небесную даль. В память о богатыре в его родной деревне был построен мемориальный храм *ден*, а самому воину одним из императоров спустя некоторое время был дарован титул «Вознесшегося на Небо князя духов». Надпись в верхней части гравюры гласит: «Великий князь Зяунг побеждает врагов».

А.Л.

В сказании о Тхатъ Шане, одном из популярных героев вьетского фольклора, повествуется о старой бездетной паре, которой в награду за их доброту и благочестие Нефритовый император Нгок Хоанг даровал на старости лет сына. Когда мальчик был маленький, его родители умерли и в наследство ему достался только волшебный топор. Став лесорубом, он жил под баньяном, днем рубил дрова, продавал их за плошку риса и довольствовался малым, не ропща на судьбу. Однажды богатый сосед Ли Тхонг, зная, как много и упорно работает юноша, пригласил его жить к себе, прикрывая коварные замыслы лживыми словами. В благодарность за «заботу» Тхатъ Шань работал день и ночь, и благосостояние семьи Ли Тхонга увеличивалось день ото дня. Но однажды в их уезде появилось страшное чудовище — злой дух, воплотившийся в гигантского змея. Он поедал людей, и никакие войска правителя не могли с ним справиться. Тогда духу поставили в чаще леса храм и стали приносить ежегодные жертвы, чтобы тот не трогал людей. Когда настала очередь идти к змею Ли Тхонгу, он коварно посылает вместо себя Тхатъ Шаня. Юноша идет в храм и в поединке побеждает злого духа. Забрав у него волшебный лук и стрелы с золотыми наконечниками, он возвращается домой. Ли Тхонг обманом выдает его успехи за свои и получает награду от правителя.

Много добрых поступков совершил Тхатъ Шань. В музее хранится несколько серий печатных листов, иллюстрирующих его подвиги. На одном из них представлен эпизод сказания, где герой спасает от гигантского грифа прекрасную принцессу. Как-то раз, сидя под большим баньяном, Тхатъ Шань увидел огромную птицу, которая несла девушку. Выхватив свой волшебный лук, юноша выстрелил в грифа и ранил его. Потом он нашел пещеру грифа и спас девушку. Красавица оказалась дочерью правителя. После долгой череды приключений, когда коварный Ли Тхонг объявил себя спасителем принцессы, в очередной раз присвоив себе заслуги Тхатъ Шаня, после заточения в пещере и совершения нескольких подвигов, справедливость торжествует: девушка узнает в бедном юноше своего спасителя, злого Ли Тхонга наказывают, Тхатъ Шань женится на принцессе, ее отец уступает ему трон, и они живут долго и счастливо, как и положено в хорошей сказке.

А.Л.

**Народные картины «Покровитель супружества Онг То на драконе»
и «Покровительница супружества Ба Нгует на фениксе»**

Вьетнам, деревня Донгхо, 2008 г.

бумага, цветная ксилография

Инв. №№ 22554 I, 22555 I

Лубки с парными изображениями лунных божеств часто дарят в дни Праздника середины осени (Тет Чунг Тху), традиционно являющегося порой свадебных торжеств. Образ Онг То, или Лунного старца, попал во Вьетнам из Китая. Однако в отличие от китайских мифов, в которых он в одиночестве вершит судьбы молодых людей, во вьетнамских легендах у него появляется спутница — Ба Нгует (Матушка Луна). Божеств почитают как покровителей брака. Обычно их изображают сидящими на драконе и фениксе, связывающими молодоженов красной шелковой нитью или лентой, символически соединяющей влюбленных.

В легенде «Бог супружества» рассказывается о встрече с Лунным старцем юноши по имени Ви Ко, который попытался изменить свою судьбу, не поверив предсказанию божества. Долго искал он себе невесту и как-то раз услышал о живущей неподалеку красавице. Узнав, что ночью девушка собирается пойти в пагоду помолиться, юноша отправляется туда в надежде ее увидеть и знакомится с сидящим на ступенях храма старцем. Возле старца лежал мешочек из красного шелка, а сам он читал книгу при свете луны. Старец сказал юноше, что читает «Книгу свадеб», а в мешочке у него красные нити, такие крепкие, что, если связать ими жениха и невесту, никакая сила не сможет разъединить их сердца, даже если им суждена разлука. Ви Ко решил узнать у старца, женится ли он на красавице Фан. И получил ответ, что ему предназначена другая невеста, которой сейчас всего три года, но, когда ей будет 17 лет, он сможет на ней жениться. Сказав, где ее найти, старец исчез. Раздосадованный юноша, увидев на следующий день свою «нареченную» на рынке в лохмотьях и грязи, послал слугу убить девочку вместе со старухой, которая ее воспитывала. Старуха сумела убежать, но нож убийцы слегка задел ребенка. Прошло много лет. Ви Ко успешно сдал экзамены, достиг звания мандарина уезда и женился на красавице, дочери губернатора провинции. Как-то раз он спросил жену, откуда у нее над бровью небольшой шрам. Тут он услышал историю, как 15 лет тому назад, когда ее родители умерли, на нее напал злой разбойник и ранил ножом. Спустя какое-то время девочку удочерила жена губернатора. И понял тогда Ви Ко, что нельзя уйти от судьбы и предсказание Лунного старца, бога супружества, обязательно исполняется.

А.Л.

Ил. 110

Маска ведьмы Рангды

Индонезия, о. Бали, сер. XX в.

дерево, пальмовые волокна, х/б ткань, кожа, зеркальные вставки, резьба, роспись

Инв. № 7757 II

Маска представляет ведьму Рангду, главного персонажа мистерии «Чалонаранг». Традиционно поводом для проведения данного действия является ритуальное очищение деревни, в том числе от болезней, которые считаются результатом действий колдунов. Рангда, чье имя переводится как «вдова», повелительница ведьм и злых духов *леяков*, олицетворение богини смерти Дурги, является знатоком черной магии, но при этом, как верят балийцы, способна обезвредить враждебное колдовство. Мистерия проводится на территории храма, и легенды, лежащие в ее основе, весьма разнятся, но чаще всего это история о вдове Чалонаранг, практиковавшей черную магию. Ее дочь не могла найти себе мужа, т.к. все боялись ведьму. Тогда разгневанная Чалонаранг наслала на жителей мор и наводнения, от которых многие умерли. Раджа данной местности повелел своему приближенному Бахуле жениться на девушке. Свадьба была сыграна, и несчастья прекратились. Однако через некоторое время Бахула нашел тайную книгу черных заклинаний Чалонаранг и, украв ее, отдал советнику раджи. Вдова разъярилась и приняла облик Рангды — ужасающего чудовища с налитыми кровью глазами, клыками, когтями и развевающейся гривой волос. Со своей демонической свитой она явилась в царство раджи, чтобы отомстить обидчику. Люди ничего не могли противопоставить ей, но на помощь им пришел Баронг — фантастическое существо, в необычном облике которого соединились черты льва, дракона и медведя. Он олицетворяет светлую сторону, владеет сильной белой магией и выступает как защитник людей. Два вечных антагониста вступили в схватку, и Баронг одержал победу, заставив Рангду удалиться. Вместе с ней исчезли все несчастья и зло. На острове Бали маски участников церемонии «Чалонаранг» воспринимаются не просто как театральный реквизит, но как священные предметы, в которые могут вселяться сверхъестественные сущности. Поэтому новую маску Рангды нередко оставляют на ночь на кладбище, чтобы она впитала в себя темную магию этого места и подчинила себе местных злых духов. К маскам относятся с большим пиететом, им регулярно делают подношения, а хранятся они в павильонах *бале* на территории храма.

Г.С.

Ил. 111

Девы Сри

Индонезия, о. Бали, 1960-е — нач. 1970-х гг.

дерево, резьба, полировка

Инв. № 6649 II

Скульптура изображает Девы Сри, одну из самых почитаемых богинь Индонезии, держащую в руке побег риса. Ей поклоняются как божеству процветания и плодородия, семейного благополучия и счастья. Согласно легенде она была приемной дочерью верховного бога Батара Гуру. Говорят, что однажды тот решил возвести себе новый дворец и повелел всем своим подданным принять участие в строительстве. Направился туда и змей Антабога, но так как у него не было ни рук, ни ног, он не мог оказать никакой помощи. От огорчения Антабога заплакал, и три его слезинки превратились в сияющие, как драгоценные жемчужины, яйца. Он решил подарить их Батаре Гуру, но по дороге два яйца разбились, и лишь последнее было преподнесено верховному богу. Из него через некоторое время и появилась чудесная девочка, которая выросла и превратилась в ослепительную красавицу. Сам Батара Гуру возжелал взять ее в жены. Боги предвидели, что этот союз принесет несчастья всем живым существам, и, чтобы избежать этого, убили Девы Сри и закопали в землю. Вскоре из ее тела появились различные полезные людям растения, и самое главное среди них — рис. По другой легенде, у Батары Гуру была красавица дочь Тиснавати, обладавшая капризным и непоседливым характером. Ей очень хотелось спуститься на землю и побродить там, но отец запрещал ей. Стоило Батаре Гуру уйти, она целыми днями наблюдала за людьми и однажды влюбилась в простого молодого крестьянина, работавшего в поле. Когда отец сообщил, что решил выдать ее замуж за одного из небожителей, Тиснавати тайком сбежала к своему желанному. Юноша ответил взаимностью прекрасной девушке. Однако разгневанный Батара Гуру быстро нашел дочь и в ярости превратил ее в кустик риса. Убитый горем юноша не захотел оставить возлюбленную, он остался сидеть около куста и нежно гладил его листики. При виде такой преданности Батары Гуру решил соединить влюбленных и превратил юношу в другой рисовый побег. Два колоска тотчас же склонились друг к другу, показывая, как сильна их привязанность.

Г.С.

Во Вьетнаме, аграрной стране с богатыми традициями поливного рисоводства, существует много легенд о Тхан Луа — богине риса. В одной из них говорится, что Тхан Луа была дочерью Нефритового императора. Именно ей отец повелел заботиться о людях и следить, чтобы у них было вдоволь пропитания. Но изнеженная девушка не хотела утруждать себя лишней работой. Бросив на землю зерна риса, она повелела им прорасти, достигнув при этом больших размеров, а после созревания самим приходить во дворы к людям, которым только и останется, что сварить их и получить вкусную и сытную еду.

Существует несколько продолжений этой истории. Согласно одному из них каждая хозяйка, готовясь встретить рисовые зерна, должна была тщательно подмести свой двор, чтобы рис не загрязнился. Но как-то раз зерна попали во двор к ленивой девушке и сильно испачкались. Пытаясь отряхнуться, они раскололись на более мелкие зерна, обиделись и ушли. По другой версии, Тхан Луа, присматривая иногда за происходящим на земле, подумала, что люди, которым легко достаются подобные блага, не оказывают достаточного уважения зернам, не ставят подношения на алтарь к их приходу, не вычищают дворы. Разгневалась богиня и запретила зернам ходить по домам. Пришлось людям с тех пор самим засевать поля и выращивать урожай, прикладывая много усилий и труда.

У народности банар есть сказка о том, как проучил бог риса Зан Кату ленивую семью. Не хотели муж и жена работать, как другие жители их деревни. Зачем работать, думали они, если можно вкусно есть и пить, а потом молиться о благополучии божеству риса? Надоело Зан Кату слышать их призывы. Спустился он к их дому и сказал, что будет у них вдоволь риса, а когда они его продадут, то и денег и всего в достатке. Но необходимо выполнить лишь одно условие: руки должны быть крепкими, а ладони мозолистыми. И посоветовал расчистить участок, посадить рис, вырастить его. Пришлось мужу с женой в надежде на легкое богатство поработать. И когда рис созрел, снова спустился к ним Зан Кату. Увидев их загорбевшие от работы руки, он показал, чего они добились своим трудом. И поняли они: чтобы получить урожай, нужно хорошо потрудиться.

А.Л.

Подставка для курительных палочек выполнена в виде многоглавой мифической змеи *ниэк* (*нага*). Кхмеры почитали этих обитателей подземных и водных миров, считая, что они даруют плодородие земле. Существует в Камбодже и древнее предание о том, что кхмеры являются потомками союза человека и женщины-змеи. В надписи на каменной стеле VII в. из Мисона упоминается брахман Каундинья, приплывший из далекой страны и женившийся на Соме, дочери повелителя подводного царства. В фольклорной традиции эта история превратилась в легенду о принце Преах Тхонге, которому однажды приснился дух-охранитель, велевший ему поплыть на восток, где он приобретет себе царство. Юноша последовал совету и отплыл в далекие земли. После долгого странствования корабль причалил у необитаемого острова, поросшего пышной зеленью. Преах Тхонг отправился его исследовать и присел отдохнуть на берегу под сенью высокого дерева *тхлок*. Он задремал и проснулся ночью, чтобы увидеть, как при свете полной луны из морских вод появляется в сопровождении служанок прекрасная девушка. Принц был покорен ею и обратился к ней с учтивым приветствием. Девушка, которую звали Ниэнг Ниэк, рассказала, что она дочь правителя царства змей, может принимать человеческий облик и каждое полнолуние со своей свитой приплывает к острову чтобы развлекаться на земле. Вскоре молодые люди открыли друг другу сердца, и Ниэнг Ниэк предложила отправиться к ее отцу за его благословением на брак. Принцесса велела Преах Тхонгу взяться за кончик ее шарфа, закрыть глаза, и уже через мгновение они были в подводном дворце. Повелитель змей одобрил выбор дочери, сыграл свадьбу, а затем выпил воду вокруг острова, на котором познакомились молодые. Так возникло новое царство, получившее название *Нокор кок тхлок*, что означает «Страна дерева *тхлок*», где стали править Преах Тхонг и Ниэнг Ниэк, потомками которых и являются кхмеры. Отголоски этого предания сохранились в свадебном обряде современных жителей Камбоджи: в конце праздника, когда молодожены покидают гостей, первой идет новобрачная, а жених следует за ней, держа за кончик ее шарфа.

Г.С.

Ил. 114

Мастер У Кан Эй

Стол

Мьянма, г. Паган, район Тансуя, 1950-е гг.

дерево, лак, полихромная гравировка

Инв. № 7368/1–2 II

В центре столешницы и на ножках стола изображена фантастическая утка *хинта* (от санскритск. *хамса*) с пышным хвостом и «жемчужиной знания» в клюве в окружении мелких завитков, всадников, бегущих чело-вечков, животных и пальм. Прото-типом мифической птицы является дикий гусь, и в древнеиндийских тек-стах *хамса* упоминается в ряду косми-ческих феноменов, отождествляемых с высшим началом. Изображение двух гусей на цветах лотоса символизиру-ет «знание» и «неведение». Гусь считается птицей благородного, королевского или божественного происхождения. На нем ездит создатель мира Брахма и его супруга, богиня мудрости, наук и литера-туры Туятати (Сарасвати). В гусей иногда превращаются боги, спасаясь от злобных демонов. В виде предводителя гусиной стаи рождался будущий Будда, совершая чудеса самопожертвования. А в его последней жизни как принца Сиддхартхи Гаутама гуси появляются в момент, предшествующий Просветлению. Поэтическое сравнение *хинты* с мудрецом-отшельником образно выражает одну из основных концепций буддизма. Как и цветок лотоса, птица олицетворяет чистоту и просветленность духа, свободного от земных уз. Вода, на поверхности которой она плавает, уподобляется суетному миру людей, а ее полет символизирует устремленность *архата* к высшему бытию.

Жители Мьянмы отождествляют *хинту* не с гусем, а с уткой. Ей нередко приписывают магические свойства: знание лечебных трав, способность изменять облик, противостоять злым чарам, превращать свое оперение в золото. Красивая благородная птица является олицетворением женственности, и в эро-тической поэзии красавиц иногда сравнивали с этими пернатыми. В Мьянме мифическая *хинта* еще в древности почиталась жившими на юге страны монами как одна из их покровительниц. Согласно ле-генде столица монского княжества Пегу была основана в VI в. (по другой версии, около 825 г.) двумя братьями-принцами Тамалой и Вималой на том месте, где когда-то побывал Будда. Мудрец увидел здесь двух уток, стоявших друг на друге на крошечном островке посреди моря. Сочтя это особым знаком, Будда предсказал возникновение большого города. Он получил имя Хантавади (от палийск. *Хамсавати*, что означает «Королевство птиц-хамса»), а позже — Пегу. До сих пор изображение двух уток является эмблемой этого города.

Н.Г.

На лаковой картине изображен фантастический лев *чинтэ*, на спине которого сидит девушка. Это герои легенды о Синхабаху, изложенной в цейлонской хронике «Махавамса» (V в. н.э.) и получившей позднее в Мьянме свою литературную версию. История повествует о правителе королевства Ванга, у которого была дочь по имени Суппадави. По пророчеству астрологов принцессе было суждено стать женой льва. Девочка выросла красавицей, но у нее был такой своенравный характер, что отец решил отправить ее к дальним родственникам. Суппадави присоединилась к каравану купцов. Когда они проезжали через глухую лесную чащу, на них напал огромный лев. Испуганные купцы разбежались, но принцесса, помня предсказание, осталась на месте. Лев посадил ее себе на спину и унес в свою пещеру. Красавица стала женой льва и родила двух близнецов — мальчика и девочку, которых назвала Синхабаху и Синхасивали. Дети росли в пещере и могли выходить из нее, только когда отец-лев был дома. Но вскоре Синхабаху стал сильным юношей и задумал уйти к людям. Однажды в отсутствие льва он отодвинул огромную каменную плиту, закрывавшую вход в пещеру, и вместе с матерью и сестрой отправился в королевство Ванга. По дороге они встретили генерала, который оказался братом Суппадави. Он привел их во дворец, где мать с детьми радушно принял король.

В это время лев, обнаружив пустое жилище, в поисках жены и детей стал часто приближаться к деревням и городам. Испуганные жители обратились за защитой к королю, который объявил награду тому, кто сумеет убить льва. Синхабаху вызвался сделать это. Когда он подошел к пещере, обрадованный лев вышел ему навстречу, а сын трижды выстрелил в него. Но стрелы отскочили от тела льва, защищенного силой отцовской любви. И лишь когда лев разгневался, он стал уязвим, тогда четвертая стрела достигла цели. Синхабаху принес в столицу голову льва, и старый король решил передать ему трон. Но юноша, терзаемый раскаянием, отрекся от него в пользу своего дяди. Вскоре он вместе с сестрой, ставшей его женой, перебрался на остров Ланку, где основал новый город. Говорят, его долго мучили головные боли из-за убийства отца, пока по совету астрологов он не приказал сделать изображение льва и не стал ему поклоняться.

Н.Г.

Три позолоченные фигуры лягушек не случайно помещены у горла большого сосуда для воды. Эти существа по мифологическим представлениям народов Мьянмы обладают волшебной способностью вызывать дождь и принести богатый урожай. Создавая мир, верховный бог первыми из животных сотворил лягушек и поручил им следить за сменой времен года и распределением небесной влаги, падающей на землю. Позже, как говорит одна из легенд, в споре животных о том, каким должен быть рис — основная пища людей, мнение лягушки оказалось решающим: рисовый колос получил размер в «три лягушачьи лапы». В деревнях народа тхай ахом перед началом сезона дождей устраивают церемонию «свадьбы лягушек», якобы способствующую быстрому росту высаженного риса. Существовали представления и о том, что во время лунных затмений гигантская лягушка заглатывает ночное светило, а в мифах о мировом потопе именно лягушки предупреждают людей о грядущей катастрофе.

Популярностью пользуется в Мьянме волшебное сказание о принцессе-лягушке. В давние времена у одной супружеской пары родилось семь дочерей. Шесть из них были обычными девочками, а самая младшая — лягушонком. Как-то, когда дочери выросли, гонцы принесли весть о смотринах невест для королевского сына. Шесть девушек, надев свои лучшие наряды, решили пойти во дворец. Лягушка попросила сестер взять ее тоже, но те наотрез отказались. Когда же сестры ушли, лягушка неведомыми людям тропами пробралась к дворцу, скинула в зарослях бамбука лягушачью кожу и превратилась в прекрасную девушку. Как только принц увидел ее, то сразу влюбился в красавицу. Однако после всех церемоний девушка исчезла — тем же путем она вернулась домой, снова приняв облик лягушки. На второй день вся история повторилась. Принц тайно проследил за девушкой и, несмотря на то что она превратилась в лягушку, увез ее во дворец. К удивлению всех, он женился на ней, за что король изгнал его из дворца. Принц поселился в хижине на окраине города, и каждую ночь, когда он спал, к нему приходила его жена-красавица, но утром снова исчезала. И вот однажды принц притворился, что заснул, и увидел, как его жена сбросила лягушачью кожу. Тогда схватил принц кожу и кинул ее в огонь. С тех пор красавица больше не меняла свой облик, а король-отец простил сына и передал ему свое царство.

Н.Г.

Коробка для бетеля

Мьянма, Шанская национальная область, 1875 г.

бамбук, металл, лак, плетение, чеканка, гравировка

Инв. № 10571/1–4 II

В быту народов Востока широко распространен обычай жевания бетельной смеси. Она считается тонизирующим веществом, улучшающим пищеварение и создающим эффект легкой эйфории. Жвачку делают так: в лист лианообразного растения бетель (*Piper betle*) заворачивают измельченные орехи арековой пальмы (*Areca catechu*) и гашеную известь, добавляя по вкусу специи — кардамон, анис, куркуму, кожуру лимона, гвоздику, табачный лист и др. О том, как возник этот обычай, рассказывает легенда. Жили некогда два неразлучных брата. Когда старший из них женился, то почти перестал общаться с младшим братом. Обиженный, тот ушел из дома куда глаза глядят. Долго он шел, пока не наступил вечер и юноша не прилег отдохнуть в тени большого баньяна. Но тут его разбудил ужасный голос и перед ним появился дух-великан этого дерева. «Как ты смеешь спать здесь без моего разрешения, не принеся никаких даров? Я накажу тебя», — закричал он и превратил юношу в глыбу белой извести. Его брат, чувствуя себя виноватым, отправился на поиски юноши, дошел до того же места, лег под баньяном и оказался в чарах злобного великана, который обратил его в арековую пальму. Жена старшего брата также пошла искать любимого и после долгих скитаний остановилась на отдых около баньяна. Снова разгневался великан и превратил ее в побег бетеля, который обвился вокруг ствола пальмы. С тех пор в память о ее любви и братской преданности люди жуют бетельную смесь.

В Мьянме для хранения ингредиентов смеси обычно используют *кун-и* — лаковую коробку с вкладышами-подносами. Музейная *кун-и* украшена вставками из металлических пластин с изображениями животных — символов планет и дней недели: тигр, лев-*чинтэ*, слон с бивнями, слон без бивней, крыса, морская свинка, змей-*нага*, птичечеловек *галоун*. По мьянманской астрологии в неделе восемь дней и дополнительный день — это время от заката солнца в среду до его восхода в четверг. На верхней части крышки *кун-и* помещена надпись: «Будьте здоровы и благополучны все родившиеся во все дни недели».

Н.Г.

Ил. 118

Чан Динь Тхо

Рыбачьи лодки

Вьетнам, сер. XX в.

дерево, лак, роспись

Инв. № 14422 I

Известные природные уголки Вьетнама, славящиеся своей красотой, часто овеяны легендами, о них слагают стихи, сочиняют сказки. На лаковой картине из музейного собрания изображен морской залив Халонг («Залив Опускающегося дракона»), расположенный на севере страны. Название этого уникального природного заповедника, над водной гладью которого возвышается около 1500 скал различных очертаний, связано с древними поверьями вьетнамцев о происхождении этого места. Согласно одному из них раньше на берегах залива жили бедные рыбаки, на которых часто нападали пираты и грабили их. В отчаянии рыбаки обратились к Небесному владыке, который послал дракона помочь им. Пролетая над заливом, дракон бросал в воду большие горсти жемчуга. Падая в воду, жемчужины превращались в острые скалы, о которые разбивались пиратские лодки. Другая легенда гласит, что сам дракон вступил в схватку с разбойниками, промышлявшими на побережье. После сражения потопивший немало кораблей противника и сильно уставший дракон лег отдохнуть на дно залива. Над поверхностью воды был виден лишь гребень на его спине. Так до сих пор и спит он в заливе, а знаменитые скалы Халонга являются гребнем этого мифического существа, пришедшего на помощь местным жителям.

С тех давних пор, отдавая дань уважения своему покровителю, на лодки, скользящие по глади залива среди скал, рыбаки часто ставят паруса оранжевого цвета, своей формой напоминающие гребень дракона, или дают скалам и пещерам залива названия, напоминающие о мифическом существе, от которого согласно легенде жители страны ведут свое происхождение.

А.Л.

Ил. 119

Чань Динь Тхо

Бамбук

Вьетнам, 1970-е гг.

дерево, лак, роспись

Инв. № 19454 I

Есть растения, чьи названия сразу вызывают в памяти определенные образы, устойчивые ассоциации, картины. Они давно стали символами той или иной страны. Так возникли словосочетания «русская березка», «канадский клен», «японская сакура» и др. В этих символах отражается душа народа, его традиции, им посвящены произведения литературы, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Во Вьетнаме, долгое время входившем в орбиту китайской культурной традиции, одним из наиболее узнаваемых и любимых растений стал бамбук. Четкая графика узких заостренных листьев растения и неровный узловатый стебель-ствол с давних времен служат источником вдохновения для художников. На музейной лаковой картине изображен склонившийся под сильным порывом ветра бамбук. Этот выразительный живописный образ несет в себе символический подтекст: поскольку бамбук гнется, но не ломается, он олицетворяет благородство и стойкость человека перед жизненными трудностями.

Многие сложенные во Вьетнаме сказания о растениях или животных так или иначе обыгрывают их формы или отличительные особенности. Так, миф народа ман о сотворении мира повествует о Фу Хае и его сестре, выживших после всемирного потопа. В поисках людей они шли по земле и спрашивали совета у всех, кто встречался на пути. Черепаха предложила им пожениться, поскольку людей на земле больше не осталось. Брат подумал, что она смеется над их горем, и в гневе так сильно побил ее палкой, что панцирь раскололся на множество кусочков. Однако волшебным образом фрагменты панциря соединились вновь, лишь линии между ними напоминали о том, что произошло. Та же история повторилась при встрече с бамбуком, повторившим совет черепахи. Фу Хай, рассвирепев, сломал гладкий ствол растения и в ярости бросил куски на землю. Однако же они срослись, остались лишь узловатые перегородки между ними. С тех пор панцири всех черепах испещрены линиями, а стволы бамбука имеют неровности.

А.Л.

Ил. 120

Ваза

Вьетнам, 1950-е — нач. 1960-х гг.

дерево, лак, роспись

Инв. № 16892 II

Образ бамбука нашел отражение в различных музейных предметах, где он представлен и в качестве поделочного материала, и как объект изображения в живописи и на декоративно-прикладных изделиях. Это растение часто фигурирует и во вьетнамском фольклоре. В сказке «Бамбук о ста коленцах» рассказывается о бедном парне, которому в награду за старание хозяин пообещал в жену свою красавицу дочь. Несколько лет влюбленный юноша трудился не покладая рук, не зная, что хозяин и не думал держать слово, а девушка уже просватана в самую богатую семью деревни. В день свадьбы коварный хозяин отправляет парня в джунгли, чтобы тот принес бамбук о ста коленцах для изготовления особых палочек для свадебного пира. Долго бродил герой в поисках несуществующего растения, пока на помощь ему не пришел седой старец. Он посоветовал юноше найти сто бамбуковых палочек с одним коленцем на каждой, а потом научил, какие слова нужно произнести, чтобы палочки сомкнулись и превратились в огромный ствол бамбука. Когда юноша вернулся, то увидел, что его возлюбленную выдают замуж за другого. Подошедший посмотреть на диковинное растение отец невесты нечаянно прикоснулся к бамбуку, и руки его крепко прилипли к стволу. Гостей, пытавшихся его освободить, постигла та же участь. Лишь после того, как отец девушки взмолился и пообещал сдержать свое слово, юноша произнес волшебные слова, чтобы отпустить людей. Вскоре после этого влюбленные поженились и жили долго и счастливо.

Сюжет этой сказки относится к странствующим или бродячим, подобные истории о добром помощнике или волшебном предмете, который помог главному герою выполнить сложное задание, встречаются в фольклоре многих народов, в частности, можно вспомнить немецкую сказку про золотого гуся и многие другие.

А.Л.

Ил. 121

Флейтист

Индонезия, о. Бали, 1960–1970-е гг.

дерево, резьба, полировка

Инв. № 7748 П

Образ юноши, играющего на флейте, очень популярен на острове Бали и, как правило, ассоциируется с известной в Индонезии сказкой о Капиту. В ней рассказывается о бедных супругах и их единственном сыне. Мальчик был очень добр, во всем помогал родителям и радовал их, но была одна беда — он отличался некрасивой внешностью. У него была маленькая голова, слишком длинная шея, толстая укороченная нижняя часть тела, и в целом его фигура напоминала тыкву-горлянку. Поэтому его прозвали Капиту, что означает «тыква». Но у него был дар — он великолепно играл на флейте. Когда Капиту вырос, то захотел жениться и стал просить мать найти ему невесту. Пожилая женщина расстроилась — кто захочет пойти за бедного да уродливого? А сыну еще и приглянулись дочери вождя. Однако юноша настаивал. Женщина с тяжелым сердцем отправилась к вождю и рассказала о желании сына. Выслушав ее, вождь позвал семь своих дочерей и поведал им о сватовстве. Шесть старших сестер с презрением и негодованием отказались, а самая младшая, красавица Ингкан, согласилась. Радостно заиграл Капиту на флейте, и через неделю, в день свадьбы, волшебным образом появился в деревне чудесный богатый дом у озера, а сам Капиту превратился в красивого юношу. Все радовались за молодых, только гордячки сестры позавидовали сестре и решили ее погубить. Позвали они ее покататься на качелях, да раскачали их так сильно, что Ингкан не удержалась и улетела далеко в море. Когда вернулся Капиту с рисового поля и не нашел жену, то заиграл он на флейте, и волшебная мелодия будто подсказала ему что-то. Взял он тогда лодку, отправился по морю на поиски Ингкан и вскоре пристал к острову, где и нашел свою любимую. Рассказала она ему о коварстве сестер, но так как оба они обладали добрыми сердцами, то не стали наказывать злодеек. Много лет прожили они в любви и счастье, а односельчане так уважали Капиту за честность и добросердечность, что избрали его вождем.

Г.С.

Ил. 122

Кхэн

Лаос, г. Вьентьян, нач. XXI в.

бамбук, дерево, лак, смола, краска, резьба, выжигание

Инв. № 10732 П

Лаосский музыкальный инструмент *кхэн* относится к одной из разновидностей губных органов, широко распространенных в Восточной и Юго-Восточной Азии. Согласно лаосской легенде первый такой инструмент появился во времена мифического правителя Тяо Випхаси. Однажды после охоты, находясь в состоянии сильной усталости и меланхолии, правитель прилег отдохнуть в лесу и услышал волшебную песнь ветра и птиц в листве деревьев. Эта мелодия чудесным образом прогнала его усталость, наполнила сердце радостью, и он почувствовал необыкновенный прилив сил. Собрав приближенных, Тяо Випхаси объявил бесценную награду тому, кто сделает инструмент, способный воспроизвести подобные звуки. Долго никому не удавалось выполнить это задание, и властитель снова предался тоске и унынию. Наконец преданный ему военачальник, забросив все свои дела, стал внимательно изучать голоса природы: вслушивался в плеск падающей воды, щебетание птиц, пение цикад и ветра. И внезапно он понял, как надо смастерить инструмент. Он срезал шестнадцать тонких стеблей бамбука, просверлил в них отверстия-клапаны и соединил их при помощи корпуса-мундштука, сделанного из деревянного корня, напоминающего женскую грудь. Он начал играть, закрывая пальцами отверстия и заставляя звучать разные трубки. Через некоторое время в королевском дворце придворный исполнил на этом инструменте сочиненную им мелодию. Это были те самые чудесные звуки, которые так жаждал услышать правитель. Тяо Випхаси щедро наградил музыканта, а инструмент назвал *кхэном*, что означает «отдохновение». *Кхэн* так полюбился жителям страны, что его стали использовать в религиозных и светских церемониях, в ритуалах вызывания духов, в шаманских обрядах (вместе с барабаном). Он вошел в состав традиционного оркестра, стал поистине национальным инструментом. Недаром говорят: «Лаосец тот, кто живет в доме на сваях, ест клейкий рис и играет на *кхэне*».

Н.Г.

Краткий глоссарий

абхая мудра — в буддийской иконографии жест бесстрашия и успокоения

аватара — в индуизме воплощение божества в антропоморфной или зооморфной форме

амрита — в индуистских мифах мифический напиток бессмертия, добытый в водах Молочного (Мирового) океана

ао — в китайской мифологии волшебное морское существо, спасшее покровителя литературы Куй-сина из морской пучины

апсара — в индуизме и буддизме женское полу-божество, небесная танцовщица

архат — в буддизме человек, достигший *архатства*, т.е. Просветления

асур — в индуизме мужское полубожество демонического характера

ашвамедха — древнейший индийский ритуал обретения правителем наивысшего статуса

багуа — в китайской философии комбинация из восьми триграмм, составленных из сплошных и прерывистых линий, символизирующая вечный круговорот в природе

басянь — в китайской мифологии восемь бессмертных даосских святых

бетель — жевательная смесь из орехов арековой пальмы и гашеной извести, которые заворачивают в лист бетеля — лианообразного растения

блан-дэ-шин (франц. «китайские белые») — монохромные фарфоровые изделия, создаваемые в печах Дэхуа (пров. Фуцзянь)

бодхисатва — в буддизме «просветленное существо», помогающее людям и другим живым существам достичь *нирваны*

ваджра — в индуизме и буддизме волшебное оружие богов; соотносится с силой молнии и твердостью алмаза

вахана — в индуизме и буддизме ездовое животное или спутник божества

ваянг голек — театр объемных кукол в Индонезии

ваянг кулит — теневой театр кожаных кукол в Индонезии

выонг — вьетнамский правитель

ганы — в индуизме мифические существа, спутники бога Шивы

гаруда — в индуизме и буддизме мифическая птица с торсом человека

даймё — феодальный князь в Японии

дао (букв. «путь») — категория китайской философии, следование изначальному пути вселенной

дзэн** или **дзэн-буддизм — направление в буддизме *махаяны*, сформировавшееся в Японии под воздействием китайской школы *чань*

ден — поминальное святилище во Вьетнаме

джатака — в буддийской традиции рассказ о предыдущем рождении Будды Шакьямуни

дзёрури — японский кукольный театр

жуи (букв. «как пожелаете») — в китайской мифологии жезл с навершием в форме гриба долголетия *линчжи*, символ исполнения всех желаний

жэнь — гуманность, категория учения Конфуция

йоутейтве — кукольный театр в Мьянме

кауштубха — в индуистских мифах волшебная драгоценность, добытая при пахтании Молочного океана и украшающая грудь бога Вишну

киннара — в мифологии Индии и Юго-Восточной Азии существо с птичьим туловищем, человеческой головой и торсом

кунцзя — учение Конфуция

кхэн — лаосский музыкальный инструмент, разновидность губного органа

линчжи — в китайской мифологии гриб долголетия, компонент эликсира бессмертия

лонг — дракон во вьетнамской мифологии

махаяана — «большая колесница», северное направление буддизма

мон — японский герб

мэйхуа — декоративная слива, зацветающая во время холодов, символ китайского Нового года

мэнь-шэнь — в китайской мифологии дух, имеющий грозный облик, страж дверей, ворот

нага — в мифологии Индии и Юго-Восточной Азии фантастическое змееобразное существо

нат — дух в анимистических верованиях Мьянмы

нингё — кукла в Японии

няньхуа (букв. «новогодняя картина») — китайская народная картина

осидори — утки-мандаринки в Японии

пагода — буддийское реликварное сооружение в виде многоярусной башни

пина — китайский музыкальный инструмент, разновидность лютни

раксас**, **ракшас — демон в индонезийской и индийской мифологии

риши**, **рыси — мудрец, аскет и подвижник в Индии и Таиланде

сваямвара — древнеиндийский обычай выбора девушкой жениха

сёгун — военный правитель в Японии

сечжай — мифический китайский единорог с телом льва и головой дракона

сирасаги — белая цапля в Японии

ступа — буддийское мемориальное сооружение для хранения реликвий

сюань — сакральный черный цвет, в котором «затаился алый», символ севера в китайской космологии

сяо — конфуцианское учение о сыновней почтительности

тайцзиту — в китайской философии символическое обозначение женского и мужского начал *инь-ян* в виде белой и черной запятых в круге

такарабунэ — корабль сокровищ в японской мифологии

такарамоно — сокровище в японской мифологии

таоте (букв. «железное чудовище») — маска

фантастического существа, являющаяся оберегом в Китае

тэнгу (букв. «небесная собака») — мифические японские существа, лесные и горные духи

увэй (букв. «недеяние») — категория в китайской философии даосизма, связанная с естественным ходом вещей, который исключает всякое усилие

хамса — мифический гусь в Индии

хинта — мифическая утка в Мьянме

цзыжань — естественность, даосская категория, связанная с представлением о естественном ходе вещей

цилинь — мифическое китайское животное с копытами коня, туловищем оленя, чешуйчатой кожей, драконообразной головой с рогами

цинь — китайский музыкальный инструмент типа цитры

цун — китайский сосуд призматической формы, на каждой стороне которого помещаются изображения *багуа*

чакра — в индуизме и буддизме мифическое оружие в форме метательного диска

чань** или **чань-буддизм — возникшее в Китае направление в северном буддизме, одним из важных постулатов которого является постижение истины путем медитации, приводящей к внезапному озарению

чаньтет — новогодняя картина во Вьетнаме

чуанхуа (букв. «оконные цветы») — китайская вырезка из бумаги

шакти — в индуизме и буддизме женская энергия божества

шанкха — раковина, индийский ритуальный музыкальный инструмент

шицзы — фантастический лев, которого в Китае и Японии иногда называют «собакой Фо», т.е. «собакой Будды»

юэбин (букв. «лунные лепешки») — лепешки с рельефным изображением зайца, пеклись в Китае на праздник Середины осени

Рекомендуемая литература

Алексеев В.М. Китайская народная картина. М., 1966

Венвилавонг, Бунлэнг. Синлапалай лао (Орнаментальное искусство Лаоса). Т. I–II. Вьентьян, 1979, 1983

Ван Шифу. Западный флигель. Пер. Л.Н. Меньшикова. М. — Л., 1960

Волишебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии. М., 1972

Волишебный мир узоров. Энциклопедия орнаментальных мотивов Юго-Восточной Азии. М., 2003

Георгиевский С.М. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб., 1892

Индонезийские сказки. М., 1956

Китайская народная картина. Каталог выставки. М., 1987

Китайские народные сказки. Пер. с китайского Б. Рифтина. М., 1959

Кузьменко Л.И. “Фольклорные и литературные сюжеты росписи китайского фарфора XVIII — начала XX вв.” // *Городская культура Востока*. М., 1990, с. 111–120

Кхмерские мифы и легенды. М., 1981

Лал, Лоллу джи. Легенды о Кришне. Пер. с хинди, вступ. статья и прим. А.П. Баранникова. М. — Л., 1937

Лисевич И.С. “Моделирование мира в китайской мифологии и учение о пяти первоэлементах” // *Теоретические проблемы восточных литератур*. М., 1969

Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Пер. В.А. Панасюка. Т. 1–2. М., 1954

Лу Юй. Канон чая. Пер. с китайского, введ. и коммент. А. Т. Габуева и Ю.А. Дрейзис. М., 2007

Мещеряков А.Н. Гора Фудзи: между землей и небом. М., 2010

Мифы и легенды в искусстве стран Юго-Восточной Азии. М., 1990

Мифы и предания Вьетнама. Предисл., пер. с вьетнамского и ханваня, коммент. Е. Ю. Кнорозовой. СПб., 2000

Мифы народов мира. Т. 1–2. М., 1981–1982

Ожегов С.С. Архитектура Бирмы. М., 1970

Осипов Ю.М. Литературы Индокитая. Л., 1983

Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 3. — Основные анналы. Главы I–IV. М., 2012

Сад золотого павлина. Старинная малайская проза. М., 1975

Садзанами Сандзин. Сказания Древней Японии. М. — СПб., 2000

Серебряный ключ. Тайские сказки. М., 1963

Сказание о Ёсицунэ. М., 2000

Сказание о Сери Раме. М., 1961

Сказки и легенды Вьетнама. М., 1958

Сказки народов Бирмы. М., 1976

Сказки народов Вьетнама. М., 1970

Стратанович Г.Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I–IX. Пер. с китайского и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1972, 1975, 1983, 1986, 1987, 1992, 1996, 2002, 2010

Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика, история. М., 1975

Темкин Э., Эрман В. Мифы Древней Индии. М., 2000

Три великих сказания Древней Индии. Литературное изложение и предисл. Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана. М., 1978

У Чэнъэнь. Сунь Укун — царь обезьян. М., 1982

Хэдленд Д. Мифы и легенды Японии. М., 2008

Цао Сюэцинъ. Сон в Красном тереме. Т. 1–2. М., 1959

Чоркар, Шудхирчондро. Лица богов. Словарь-справочник индийской мифологии. Пер. с бенгальского Е.К. Бросалиной. СПб., 2013

Чудесная жемчужина. Вьетнамские народные сказки. Сост. Н.И. Никулин. М., 1987

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1965

Японские народные сказки. Десять вечеров. М., 1972

Ashkenazi M. Handbook of Japanese Mythology. New York, 2003

Ball K.M. Animal Motifs in Asian Art. New York, 2004

Bandopadhyay A.S. The Complete History of Bengali Literature. Calcutta, 1995

Fillozat J. The Ramayana in South-East Asian Sanskrit Epigraphy and Iconography. New Delhi, 1983

Fraser-Lu S. Burmese Crafts: Past and Present. Kuala Lumpur, 1994

Groslier B.Ph. Indochine. Carrefour des Arts. Paris, 1961

Gupta B. Manasa Mangal. Calcutta, 2008

Hoan Kiem Lake. Its Legends and Temples. Hanoi, 2008

Knappert J. Myths and Legends of Indonesia. Singapore, 1977

Knappert J. Malay Myths and Legends. Kuala Lumpur, 1980

Montgomery S. Spell of the Tiger: The Man-Eaters of Sundarbans. Houghton Publishers, 2008

Nghia M.Vo. Legends of Vietnam: An Analysis and Retelling of 88 Tales. North Carolina, 2012

Oshegowa N., Ozhegow S. Kunst in Burma. Leipzig, 1988

Pointers and Clues to the Subjects of Chinese and Japanese Art. London, 2001

Reiko Chiba. The Seven Lucky Gods of Japan. Tokio, 1995

Roberts, Jeremy. Japanese Mythology A to Z. New York, 2010

Roveda V. Khmer Mythology. London, 1997

Roveda V. Images of the Gods. Khmer mythology in Cambodia, Thailand and Laos. Bangkok, 2005

Supomo S. Bhāratayuddha: an old Javanese poem and its Indian sources. New Delhi, 1993

The Reamker. Ed. by Daravuth Ingrid Muan. Phnom Penh, 2002

Volker T. The Animal in Far Eastern Art and especially in the Art of the Japanese Netsuke with References to Chinese Origins, Traditions, Legends and Art. Leiden, 1975

Государственный музей Востока

Серия “Коллекции музея Востока”

Ответственный редактор серии **А.В. Седов**

ЛЕГЕНДЫ ВОСТОКА

На 1-й стр. обл:

Пагода на одной колонне

Вьетнам, 1960–1970-е гг.

На 4-й стр. обл:

Бэнтэн

Япония, XIX в.

Подписано в печать 09.01.2020

Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии 00000000??